НИКИТА ХРУЩЕВ

АНАСТАС МИКОЯН

ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ

МОЛОТОВ

ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вячеслав Михайлович Молотов был Председателем Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народным комиссаром иностранных дел СССР в 1939–1949 годах. Он известен прежде всего как создатель «пакта Молотова — Риббентропа» накануне войны с Германией, однако роль Молотова в жизни Советского Союза при Сталине была намного больше, чем участие во внешней политике. В воспоминаниях Хрущева, Микояна и Кагановича приводятся свидетельства и факты на этот счет, — что же касается личности Молотова, то у каждого из авторов есть свое мнение о нем.

- Никита Сергеевич Хрущев, Анастас Иванович Микоян, Лазарь Моисеевич Каганович
  - Н.С. Хрущев. Бич Сталина
    - Сталин
    - Молотов
    - Договор Молотова с Риббентропом
    - Война
    - Ошибка Сталина и Молотова
    - Антисемитизм Сталина
    - Последние годы Сталина
    - Опала Молотова
    - Смерть Сталина
  - А.И. Микоян Второе лицо в стране
    - Отношения со Сталиным
    - Убийство Кирова. Поведение Молотова
    - Чехарда перед войной
    - Договор с Германией
    - Война
    - После войны. «Заговор Молотова»
    - XIX съезд. Последние дни Сталина
    - Борьба за власть после смерти Сталина
  - Л.М. Каганович Вместе со Сталиным
    - Беседа со Сталиным
    - Комиссия Сталина — Молотова и образование СССР
    - 1937 год. Об уроках вредительства
    - О «растерянности Сталина» в начале войны
    - XIX съезд партии
    - Смерть Сталина
    - Хрущев — первый секретарь ЦК

Никита Сергеевич Хрущев, Анастас Иванович Микоян, Лазарь Моисеевич Каганович Молотов. Второй после Сталина

Н.С. Хрущев. Бич Сталина

(Из книги Н.С. Хрущева «Воспоминания»)

Сталин

…Хочу описать встречу со Сталиным, которая произвела на меня сильное впечатление. Это произошло, когда я учился в Промакадемии. Первый выпуск ее слушателей состоялся в 1930 году. Тогда директором у нас был Каминский, старый большевик, хороший товарищ. Я к нему относился с уважением. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища Сталина. У нас был запланирован вечер в Колонном зале Дома союзов, посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом торжественном заседании. Нам сообщили, чтобы мы выделили своих представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже окончили Промышленную академию, а я попал именно как представитель партийной организации.

Пришли к Сталину. Он сейчас же принял нас, и началась беседа. Сталин развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не разбрасываться, а знать свое конкретное дело глубоко и в деталях. Нужно, чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще какие-то специалисты по общему руководству делом, а с глубоким знанием именно своего дела. Тут он привел такой пример: если взять нашего специалиста, русского инженера, то это специалист очень образованный и всесторонне развитый. Он может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам, и в своем кругу, он сведущ в вопросах литературы, искусства и других. Но когда потребуются его конкретные знания, например, машина остановилась, то он сейчас же пошлет других людей, которые бы ее исправили. А вот немецкий инженер будет в обществе более скучен. Но если ему сказать, что остановилась машина, он снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберет, исправит и пустит машину. Вот такие люди нужны нам: не с общими широкими знаниями, это тоже очень хорошо, но, главное, чтобы они знали свою специальность и знали ее глубоко, умели учить людей.

Нам это понравилось. Я такую точку зрения слышал и раньше, еще когда учился на рабфаке. Тогда проводилась в жизнь такая идея, что нам, конечно, нужны и институты, но главным образом нужно побольше техникумов, чтобы иметь у нас не

столько просто образованных людей, знающих ту или другую отрасль, сколько специалистов, окончивших техникумы, если проще говорить- ремесленников, которые знали бы дело уже, но зато глубже, чем инженер той же специальности. У нас тогда и споров не было, мы всецело придерживались такой точки зрения. Поэтому слова Сталина, при личном знакомстве с ним, произвели тогда на меня хорошее впечатление: вот человек, который знает суть и правильно направляет наши умы, нашу энергию на решение коренной задачи индустриализации страны, подъема промышленности и создания на этой основе неприступности границ нашей Родины со стороны капиталистического мира. На этой же базе основывался и подъем благосостояния народа.

Закончили беседу. Сталин сказал: «Я не смогу быть у вас, а придет к вам Михаил Иванович Калинин. Он вас поприветствует». Когда завершилась беседа со Сталиным, мы увидели, что уже началось заседание в Колонном зале и нам надо туда бежать. Пришли мы из Кремля в Колонный зал, когда доклад уже кончился. С докладом, по-моему, выступал Каминский. Потом говорили слушатели и, наконец, выступил Михаил Иванович. Мы все уважали его и внимательно слушали. Но он говорил как раз обратное тому, о чем только что сказал Сталин. Правда, он тоже утверждал, что надо учиться, овладевать знаниями и быть квалифицированными руководителями нашей промышленности: «Вы кадровые командиры и должны знать не только свою специальность, но должны читать литературу, должны быть всесторонне развитыми. Надо быть не только знатоками своей специальности, своих машин и приборов, вы должны быть знатоками нашей литературы, искусства, истории и прочего». Те, кто был у Сталина, переглядывались. Ведь мы только что пришли от него, а Калинин по этому вопросу говорил как раз противоположное услышанному от Сталина. Я был на стороне Сталина, считая, что он конкретнее ставит задачи, ибо прежде всего мы должны быть специалистами, мастерами своего дела и не разбрасываться, иначе мы не будем иметь настоящей цены. Тот, кто глубже знает свой предмет, более полезен для своей Родины и для дела.

//_ * * * _//

В то время мне приходилось очень часто встречаться со Сталиным и слушать его: на заседаниях, на совещаниях, на конференциях, слушать и видеть его деятельность при встречах с ним у него на квартире и в обстановке работы руководящего

коллектива — Политбюро Центрального Комитета. На этом фоне Сталин резко выделялся, особенно четкостью своих формулировок. Меня это очень подкупало. Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь.

Я встречал и наблюдал Сталина также при непринужденных собеседованиях. Это случалось иной раз в театре. Когда Сталин шел в театр, он порой поручал позвонить мне, и я приезжал туда или один, или вместе с Булганиным. Обычно он приглашал нас, когда у него возникали какие-то вопросы, и он хотел, находясь в театре, там же обменяться мнениями по вопросам, которые чаще всего касались города Москвы. Мы же всегда с большим вниманием слушали его и старались сделать именно так, как он нам советовал. А в ту пору советовал он чаще в хорошей, товарищеской форме пожеланий.

Однажды (по-моему, перед XVII партийным съездом) мне позвонили и сказали, чтобы я сам позвонил по такому-то номеру телефона. Я знал, что это номер телефона на квартире Сталина. Звоню. Он мне говорит: «Товарищ Хрущев, до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно дело обстоит с туалетами. Даже «по-маленькому» люди бегают и не знают, где бы найти такое место, чтобы освободиться. Создается нехорошее, неловкое положение. Вы подумайте с Булганиным о том, чтобы создать в городе подходящие условия». Казалось бы, такая мелочь. Но это меня еще больше подкупило: вот, даже о таких вопросах Сталин заботится и советует нам. Мы, конечно, развили бешеную деятельность с Булганиным и другими ответственными лицами, поручили обследовать все дома и дворы, хотя это касалось в основном дворов, поставили на ноги милицию. Потом Сталин уточнил задачу: надо создать культурные платные туалеты. И это тоже было сделано. Были построены отдельные туалеты. И все это придумал тоже Сталин.

Помню, как тогда не то на совещание, не то на конференцию съехались товарищи из провинции. Эйхе (он тогда, кажется, в Новосибирске был секретарем парторганизации) с такой латышской простотою спрашивал меня: «Товарищ Хрущев, правильно ли люди говорят, что вы занимаетесь уборными в городе Москве и что это- по поручению товарища Сталина?». «Да, верно, — отвечаю, — я занимаюсь туалетами и считаю, что в этом проявляется забота о людях, потому что туалеты в таком большом городе- это заведения, без которых люди не могут обходиться даже в таких городах, как Москва». Вот такой эпизод, казалось бы, мелочевый, свидетельствует, что Сталин и мелочам уделяет внимание. Вождь мирового рабочего класса, как тогда говорили,

вождь партии, а ведь не упускает из виду такую жизненно необходимую мелочь для человека, как городские туалеты. И это нас подкупало.

Еще отдельные эпизоды, которые связаны с деятельностью Сталина и характеризуют его. Помню, однажды на заседании Политбюро встал несколько необычный вопрос об одном лице, командированном Внешторгом в какую-то латиноамериканскую страну. Подошла очередь данного вопроса. Вызвали этого человека. Пришел он, очень растерянный с виду, лет тридцати пяти. Начинается обсуждение. К нему обращается Сталин: «Расскажите нам все, как было, ничего не утаивая». Тот рассказывает, что приехал в эту страну делать какие-то заказы. Сейчас я точно уже не помню, от какой организации и куда он ездил. Но не это главное. Тут интересно, как реагировал Сталин. А человек продолжает: «Я зашел в ресторан поесть. Сел за стол, заказал обед. Ко мне подсел какой-то молодой человек и спрашивает: «Вы из России?». — «Да, из России». — «А как вы относитесь к музыке?» — «Люблю послушать, если хорошо играют на скрипке». — «А что вы приехали закупать?»- «Я приехал закупать оборудование». — «А вы в России служили в армии?» — «Да, служил». — «В каких частях?». — «В кавалерии, я кавалерист, люблю лошадей и сейчас, хотя уже не служу». — «А как вы стреляете? Вы же были военным». — «Неплохо стреляю». А назавтра мне перевели, что было обо мне написано в газетах. Я просто за голову взялся. Оказывается, это был журналист, представитель какой-то газеты, но он не представился мне, аяпо своей неопытности стал с ним разговаривать и отвечать на его вопросы. Он написал, что приехал такой-то, что будет размещать заказы на такую-то сумму (все это был вымысел), что любит ездить верхом, настоящий джигит, хороший стрелок и спортсмен, стреляет вот так-то и попадает туда-то на таком-то расстоянии, к тому же скрипач, и т. д. Одним словом, столько было написано чепухи, что я ужаснулся, но сделать уже ничего не мог. Через некоторое время посольство предложило мне, чтобы я возвратился на Родину. Вот я приехал и докладываю вам, как это было. Очень прошу учесть, что было сделано без какого-либо злого умысла».

Пока он рассказывал, все хихикали и подшучивали над ним, особенно лица, приглашенные со стороны. Но члены ЦК и Ревизионной комиссии, которые всегда присутствовали на заседаниях, вели себя сдержанно, ожидая, что же теперь будет. Когда я посмотрел на этого человека, мне его стало жалко: он оказался жертвой собственной простоты, наивности, а как скажется на нем разбор дела на заседании Политбюро?

Человек этот говорил очень чистосердечно, но смущался. Сталин же приободрял его: «Рассказывайте, рассказывайте», причем спокойным, дружелюбным тоном. Вдруг Сталин говорит: «Ну что же, доверился человек и стал жертвой этих разбойников пера, пиратов… А больше ничего не было?» — «Ничего». — «Давайте считать, что вопрос исчерпан. Смотрите, в дальнейшем будьте поосторожнее». Мне очень понравился такой исход обсуждения.

После этого объявили перерыв. Тогда Политбюро заседало долго, и час, и два, и больше, делали перерыв, после чего все уходили в другой зал, где стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение, жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами как люди, не избалованные яствами изысканной кухни. Так вот, когда был объявлен перерыв и все пошли в «обжорку», как мы между собой в шутку ее называли, он, бедняга, продолжал сидеть, настолько, видимо, потрясенный неожиданным для него исходом дела, что, пока ему кто-то не сказал об окончании заседания, он не двигался с места.

Мне очень понравились такая человечность и простота Сталина, понимание им души человека. Казалось ведь, что человек уже обречен, раз поставлен на обсуждение этот вопрос. Думаю, что, наверное, пришло какое-то донесение Сталину, после чего Сталин сам поставил этот вопрос на Политбюро, чтобы показать, каков он и как решает такие дела.

//_ * * * _//

Еще один эпизод. Это произошло, наверное, в 1932 или 1933 году. Тогда возникло в обществе движение, как мы тогда их называли, отличников. Лыжники, рабочие Московского электрозавода, который занимал тогда передовое место в столице, решили совершить лыжный поход из Москвы в Сибирь или на Дальний Восток. Они благополучно его завершили, возвратились и были представлены к наградам. Их наградили какими-то значками или даже орденами. И, конечно, было вокруг этого много шума. Потом туркмены решили на конях прискакать из Ашхабада в Москву и тоже совершили свой переход. Их тоже встретили с почетом, одарили подарками и опять же наградили. Потом и в других городах и областях развернулось «движение

отличников».

Вдруг Сталин сказал, что надо это прекратить, иначе конца не будет: если мы начнем поощрять, а мы уже начали, так все станут ходить, скакать, чем-то «отличаться» и отрываться от производства. «Мы, — сказал он, — превратимся в бродяг, будем публично поощрять такое бродяжничество и даже награждать за него. Нужно прекратить!». И тут же положил конец «движению отличников». Мне это тоже очень понравилось: во-первых, ненужная была шумиха; во-вторых, действительно неверное направление дела поощрения к бродяжничеству, каким-то бесконечным походам и переходам. Сталин же по-хозяйски подошел к вопросу: нужно нацеливать усилия людей в другом направлении, к тому, что поднимает производство, способствует сплочению народа, удовлетворению его потребностей и т. п. Хорошо разок совершить спортивный поход на лыжах, но это в принципе никакого особого значения не имеет, потому что по-настоящему спорт надо развивать все же на другой основе.

Зато неприятно поразил меня такой случай. Кажется, шел 1932 год. В Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы кроликами. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать кролиководство. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили кроликов. Потом занялись шампиньонами: строили погреба, закладывали траншеи. Некоторые заводы хорошо поддерживали продуктами свои столовые, но всякое массовое движение, даже хорошее, часто ведет к извращениям. Поэтому случалось много неприятных казусов. Не всегда такие хозяйства окупались, были и убыточные, и не все директора поддерживали их. Гуляло в обиходе прозвание этих грибниц гробницами.

При распределении карточек с талонами на продукты и товары было много жульничества. Ведь всегда так: раз карточки, значит, недостаток, а недостаток толкает людей, особенно неустойчивых, на обход законов. При таких условиях воры просто плодятся. Каганович сказал мне: «Вы приготовьтесь к докладу на Политбюро насчет борьбы в Москве за упорядочение карточной системы. Надо лишить карточек тех людей, которые добыли их незаконно, воровским способом». Карточки были разные — для работающих и для неработающих. Для работающих- тоже разные, и это тоже один из рычагов, который двигал людей на всяческие ухищрения и даже злоупотребления. Мы провели тогда большую работу со всеми организациями, включая профсоюзы, милицию и

чекистов. Сотни тысяч карточек просто сэкономили или отобрали, лишив их тех людей, которые были недостойны. Ведь тогда шла острая борьба за хлеб, за продукты питания, за выполнение первой пятилетки. Надо было обеспечить в первую очередь питанием тех, кто сам способствовал успеху пятилетки.

Настал день, когда нас должны были слушать по этому вопросу на Политбюро. Каганович сказал, что докладывать буду я. Это меня очень обеспокоило и даже напугало: выступать на таком авторитетном заседании, где Сталин будет оценивать мой доклад. Председательствовал тогда на заседаниях Молотов, Сталин никогда в то время не председательствовал. Только после войны Сталин уже чаще, чем раньше, сам вел заседания. В 40-е годы на заседаниях Политбюро обычно царила сдержанность. Но в 30-е годы обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь позволял себе выразить свои эмоции. Тогда это еще допускалось. Раз, например, вспылил Серго Орджоникидзе, вообще очень горячий человек, налетел на наркома внешней торговли Розенгольца и чуть не ударил его…

Итак, сделал я доклад, рассказывая, каких больших мы добились успехов. А Сталин подал реплику: «Не хвастайте, не хвастайте, товарищ Хрущев. Много, очень много осталось воров, а вы думаете, что всех выловили». На меня это сильно подействовало: действительно, я посчитал, что мы буквально всех воров разоблачили, а вот Сталин, хоть и не выходил за пределы Кремля, а видит, что жуликов еще очень много. По существу, так и было. Но то, как именно подал он реплику, понравилось мне очень: в этаком родительском тоне. Это тоже поднимало Сталина в моих глазах.

А теперь перейду к упомянутому мною неприятному эпизоду. Через какое-то время я узнал, что такой же доклад будут делать ленинградцы. Меня заинтересовало, какую же работу провели они? У нас было соцсоревнование с ленинградцами по всем вопросам, и гласное, и негласное. Настал день, когда этот вопрос был поставлен в повестку дня на Политбюро. Пришел я на заседание и сижу себе на своем месте (места были не нумерованные, но за постоянными посетителями заседаний они как-то закрепились). Доклад делал секретарь городского партийного комитета. Первым секретарем был Сергей Миронович Киров, но не он делал доклад, а другой секретарь, с латышской фамилией. Я его мало знал. Но ведь он секретарь Ленинградского горкома; уже поэтому я относился к нему с должным уважением. Доклад он, с моей точки зрения, сделал хороший: ленинградцы тоже много поработали, обеспечили экономию и сократили много карточек к выдаче.

Был объявлен перерыв, народ повалил в «обжорку», а я как-то задержался. Сталин, видимо, ожидал, пока пройдут те, кто занимал задние места. И тут я стал невольным свидетелем, как Сталин перебрасывался фразами об этом секретаре с Кировым. Он спросил его, что это за человек. Сергей Миронович что-то ответил ему, вероятно, положительно. Сталин же бросил реплику, унижавшую и оскорблявшую этого секретаря. Для меня это было просто страшным моральным ударом. Я даже в мыслях не допускал, что Сталин, вождь партии, вождь рабочего класса, может так неуважительно относиться к члену партии.

//_ * * * _//

В тот период я довольно часто имел возможность непосредственно общаться со Сталиным, слушать его и получать от него прямые указания по тем или другим вопросам. Я был тогда буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, его вниманием, его осведомленностью, его заботой, его обаятельностью и, честно, восхищался им.

В ту пору все мы были очень увлечены работой, трудились с большим чувством, с наслаждением, лишая себя буквально всего. Мы не знали отдыха. Очень часто на выходные дни, когда еще они были (потом они исчезли), назначались либо конференции, либо совещания, либо массовки. Партийные и профсоюзные работники всегда находились с массами: на заводах, на фабриках, работали с воодушевлением, жили же довольно скромно, даже более чем скромно. Я, например, материально был обеспечен лучше, когда работал рабочим до социалистической революции, чем тогда, когда являлся секретарем Московских городского и областного комитетов партии.

Главное для нас состояло в том, чтобы наверстать упущенное, создать тяжелую индустрию и оснастить Красную Армию современным вооружением, находясь в капиталистическом окружении, превратить СССР в неприступную крепость. Мы помнили слова Ленина, что через 10 лет существования Советской власти страна станет неприступной, жили одной этой мыслью и ради нее. То время, о котором я вспоминаю, было временем революционных романтиков. Сейчас, к сожалению, не то. В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь личную дачу: мы же коммунисты! Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю, имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном его понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка — вот, собственно, и вся наша одежда.

Сталин служил и в этом хорошим примером. Он носил летом белые брюки и белую косоворотку с расстегнутым воротником. Сапоги у него были простые. Каганович ходил в военной гимнастерке, Молотов — во френче. Внешне члены Политбюро вели себя скромно и, как это виделось, все свои силы отдавали делу партии, страны, народа…

Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась. Бывало, когда я работал уже на Украине, приедешь к нему (чаще всего на ближнюю дачу в Волынском, туда близко было — минут 15 езды из города), а он обедает. Если летом, то всегда обедал на открытом воздухе, на веранде. Сидел он обычно один. Подавали суп — русскую похлебку, стоял графинчик с водкой и графин с водой, рюмочка была по размерам умеренная. Входишь, поздороваешься, он говорит: «Хотите кушать? Садитесь». А «садитесь» — это значит бери тарелку (тут же стоял супник), наливай себе, сколько хочешь, и ешь. Хочешь выпить — бери графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то решай сам, как говорится, душа меру знает. Не хочешь, можешь и не пить. Но когда Берия явился в Москву, то жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг него, приобрела совершенно другой характер. Когда я один на один беседовал со Сталиным, он мне иногда высказывал даже свое недовольство: «Когда у нас не было Берии в Москве, у нас как-то по-другому проходили встречи, по-другому проходили обеды и ужины. А сейчас он обязательно вносит какую-то страсть, соревнование, кто больше выпьет. Создается атмосфера, когда люди выпивают лишнее и нарушается тот порядок, который был у нас».

Я полностью был согласен со Сталиным, но должен сказать, что уже тогда относился с недоверием к таким его заявлениям, я видел, что Сталин иной раз, грубо говоря, провоцирует разговор на ту или другую тему с тем, чтобы выявить настроение того, с кем он беседует. Я видел, что Сталин и Берия очень дружны между собой. Насколько эта дружба была искренна, мне тогда было неизвестно. Но, во всяком случае, я видел, что не случайно Берия был назначен заместителем наркома внутренних дел, а в скором времени, когда Ежов был смещен, арестован и казнен, Берия стал властелином этого наркомата. Он приобрел решающее влияние в нашем коллективе. Я видел, что окружающие Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве, вынуждены были считаться с Берией и несколько заискивать, лебезить, подхалимничать перед ним, особенно Каганович.

Молотов

Я не замечал такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова. Он производил на меня в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравится, но Молотов все-таки настаивал на своем. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина. Сталин знал Молотова, и Молотов знал Сталина еще по подпольной работе. Молотов много лет играл свою роль в возвеличивании и возвышении Сталина. В борьбе Сталина с оппозицией Молотов был его опорой. Поэтому оппозиционеры называли его дубинкой Сталина. Он выпускался Сталиным тогда, когда нужно было наносить удары по тому или другому члену Политбюро, который становился в оппозицию к Сталину.

В кризисные моменты Молотов проявлял грубость, но в спокойной обстановке — нет. Помню, как в ходе Курской битвы наше положение ухудшилось. Мы исчерпали свои резервы, хотя не знали, что имелись еще резервы Верховного Главнокомандования. Потом уже нам сказали, что за нами стоят армии Степного фронта, которыми командовал Конев. Добавили, что 47-я армия этого фронта поступает в наше распоряжение. Это произошло, когда враг оттеснил нас уже километров на 35 на север и когда мы выдохлись. Я поехал к Катукову. Его войска оседлали шоссе Белгород- Курск и удерживали его южнее Обояни. Там же находился штаб 6-й Гвардейской армии, потому что Катуков и Чистяков занимали по фронту и в глубину одну полосу: танковая армия была придана на усиление 6-й Гвардейской как подвижная артиллерия. Тамя встретился сразу с обоими командирами.

Положение складывалось тяжелое, Москва проявляла нервозность. Помню, как перед моим отъездом к Катукову мы с Ватутиным разговаривали со Сталиным. Потом взял трубку Молотов. Молотов всегда в таких случаях вел разговор грубее, чем Сталин, допускал оскорбительные выражения, позволял себе словесную бесконтрольность. Но чего-либо конкретного, кроме ругани, мы от него не услышали. Он ничем не мог нам помочь, потому что в военных вопросах был нулем, а использовался в таких случаях как бич Сталина. В оскорбительном тоне он говорил с командующими, а потом и со мной, но я понимал, что в

те часы он мог только ругаться. Не хочу допускать, в свою очередь, неуважительных выражений в его адрес, потому что при всех его отрицательных качествах Молотов по-своему был честен, а его преданность Советской власти не дает мне права отзываться о нем плохо.

//_ * * * _//

Женой Молотова была Жемчужина, но известна она была не как жена Молотова, а как видный сам по себе человек. Когда она была молода и трудоспособна, то работала как активный член партии, руководила парфюмерной промышленностью (ТЭЖЭ, кажется, назывался этот трест). Потом она стала наркомом рыбной промышленности. Волевая женщина. Я с ней много раз сталкивался, когда работал секретарем Московских городского и областного партийных комитетов. Она на меня производила впечатление хорошего работника и хорошего товарища. И что было приятно- никогда не давала чувствовать, что она не просто член партии, а еще и жена Молотова. Она завоевала видное положение в Московской парторганизации собственной деятельностью, партийной и государственной.

Сталин относился к ней с большим уважением. Я сталкивался с этим, когда мы встречались. Несколько раз Сталин, Молотов, Жемчужина и я были вместе в Большом театре, в правительственной ложе. Для Жемчужиной делалось исключение: жены других членов Политбюро редко бывали в правительственной ложе, рядом со Сталиным. Правда, иногда оказывалась там жена Ворошилова Екатерина Давыдовна, но реже Жемчужиной. На грудь Жемчужиной сыпались ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров.

Вдруг, я и сейчас не могу ничем объяснить это, на Жемчужину был направлен гнев Сталина. Не помню, в чем ее обвинили. Помню только, как на пленуме ЦК партии (я тогда уже работал на Украине) был поставлен вопрос о Жемчужиной. С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов - председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Шкирятов - старый большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Сталин нуждался в том, чтобы Комиссия партийного контроля разобрала дело и уж потом исключила из партии обвиняемого, подтвердив, так сказать, подозрения.

После этого его сейчас же хватали в приемной Шкирятова и волокли, куда следует.

А там была уже предрешена расправа. И сколько таких было!

Погибли тысячи людей!

Жемчужина выступила на пленуме в свою защиту. Я восхищался ею внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер… Голосовали за вывод ее из состава Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), не то из состава кандидатов в члены ЦК. И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека.

Этим дело не кончилось. Посыпались всяческие «материалы». Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова. Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то евреем-директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова.

Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: «Я просто не верю этому, это клевета». Насчет «сочинений», писавшихся органами НКВД, он лучше всех, видимо, был информирован, поэтому вполне был уверен, что тут документы сфабрикованы. Говорю здесь об этом для того, чтобы показать, что даже такие приемы были использованы. Одним словом, все средства были хороши для достижения цели, в данном случае для устранения Жемчужиной.

//_ * * * _//

Уже после войны Жемчужину репрессировали. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и западной прессе, главным образом в США. Так как там очень влиятельны круги еврейской нации, тоиу нас в Совинформбюро входило немало евреев, занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель наркома иностранных дел Лозовский. Возник также Еврейский антифашистский комитет. Среди прочих

в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского Союза генерал Крейзер. В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был родственником академика-философа Митина. В этот же комитет, конечно, входила и жена Молотова Жемчужина.

Лозовский не раз обращался ко мне, когда я приезжал в Москву, а иной раз звонил по телефону с просьбой, чтобы пропагандистам дали материалы о зверствах гитлеровцев на Украине. Я поручал, кому следует, и эти материалы посылались в США, где они широко использовались для пропаганды успехов Красной Армии и описания зверств, которые творили захватчики на Украине. Деятельность Лозовского была ярко положительной. Он был очень активный человек и настойчиво домогался: «Давайте материалы, давайте материалы!». Мы же в 1944–1945 гг. были очень заняты восстановлением хозяйства, и нам порою было не до того. А он напирал: «Вы поймите, насколько важно для нас показать лицо нашего общего врага, описать его зверства, показать трудности восстановления наших городов и сел».

Думаю, что данная организация, изучавшая зверства гитлеровцев, была создана по предложению Молотова. Но, может быть, сам Сталин предложил организовать ее. Она активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность, как и деятельность Еврейского антифашистского комитета, была явно в интересах нашего государства, нашей политики, Коммунистической партии, справедливо считалась полезной и необходимой. Когда освободили Украину, в ЕАКе составили документ (не знаю, кто явился инициатором), в котором предлагалось Крым (после выселения оттуда татар) превратить в еврейскую автономию в составе РСФСР. Обратились с этим предложением к Сталину.

Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо акция американских сионистов; члены этого комитета — агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был дан простор воображению.

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов, советовался. Молотов, видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее Жемчужину. Начались гонения на этот комитет, что послужило еще одним толчком к подогреванию антисемитизма. Сюда же приплеталась выдумка, будто евреи хотели создать свое особое государство, выделиться из Советского Союза. В результате встал

вопрос вообще о еврейской национальности и ее месте в нашем государстве. Пошли расправы. Не знаю, сколько тогда людей было арестовано по этому делу. Применялись и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства. Повторю, что Михоэлс был убит тайно. Не знаю, по какому поводу он выезжал не то в Смоленск, не то в Минск, возможно, его специально туда вывезли. Одним словом, там нашли его труп. Было инсценировано его убийство. В действительности его труп выбросили на улицу, а там организовали наезд машины на него. При его похоронах наша общественность отдала ему должное. Но она не знала, как погиб этот человек. А его убийцу (мне говорил Маленков) наградили.

Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце концов все кончилось трагически. Лозовский был расстрелян, а ряд лиц сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину, а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все согласились, что ее надо освободить. Берия, освободив ее, торжественно вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива, он обнял ее. Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужиной выражал сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Договор Молотова с Риббентропом

Когда в 1938 году я возглавил Компартию Украины, Сталин предложил ввести меня в члены Военного совета Киевского Особого военного округа (КОВО) с тем, чтобы я мог приобщаться и к военным делам: «большая война» СССР с врагами неизбежна, партработникам надо все знать самим. Да, «большая война» неумолимо надвигалась. Это чувствовали все граждане, но особенно руководители страны. Мы из этого не делали никакого секрета. Немецкие фашисты, Гитлер не переставали заявлять, что их цель-разгром Советского Союза, уничтожение коммунистов, истребление советского народа, порабощение славян. Помню, как-то нам была роздана в переводе книга Гитлера «Моя борьба». Я тоже получил ее. Не помню, сколько страниц прочел, но осилить целиком не смог морально, хотя сейчас жалею о том. Я не мог тогда ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватило терпения, ия ее бросил, не дочитавши. Однако было вполне ясно, что Гитлер не отступит от своего и обязательно развяжет войну против СССР.

Что же делалось в нашей стране по повышению боеспособности Красной Армии, улучшению вооружения, оснащению войск техникой? Конкретно я почти ничего не знал, и мне не известно, что знали другие члены Политбюро, ибо все это брал на себя лично Сталин. В Сталина мы верили, считали, что он в таких вопросах разбирается, к тому же заслушивает военных, специалистов, инженеров, ученых, организаторов Красной Армии. Напомню здесь о Ворошилове, с которым Сталин имел тогда дружеские отношения, ежедневно с ним общался. Все вопросы обороны страны они напрямую обговаривали между собой. Кто еще мог знать конкретные вещи? Может быть, Молотов. В то время он тоже был очень близок к Сталину. Другие члены Политбюро и секретари ЦК партии, тем более члены ЦК партии, полагаю, мало что знали насчет конкретных сфер оборонного производства, если не говорить об отдельных лицах, напрямую отвечавших за это.

В 1938 г. нам был навязан военный конфликт с японцами на озере Хасан. Как протекали там бои, я сейчас точно не могу рассказать, а по газетным сообщениям разобраться в деталях было трудно. Видимо, они развивались не совсем в том направлении, как нам хотелось. Поэтому мы вынуждены были вскоре послать туда подкрепление. Я узнал об этом от Мехлиса как начальника Главного политуправления Красной Армии. Он

поехал на Дальний Восток как доверенное лицо Сталина. Мехлис, действительно, был очень доверенным человеком Сталина. Он когда-то был его помощником, а потом Сталин послал его вместо Бухарина редактором газеты «Правда».

У меня были очень хорошие отношения с Мехлисом. Познакомился я с ним в 1929–1930 гг., когда учился в Промышленной академии, а он был редактором «Правды», и нас свела дружба на почве общих усилий в борьбе против «правых» уклонистов. Мехлис оказывал мне большую помощь как секретарю партийной организации Промакадемии, где существовало прежде абсолютное засилье «правых». И вот, когда вернулся Мехлис, я с ним встретился. Правда, у меня не было с ним дружеских контактов, не встречались мы и по службе. А тут произошла случайная встреча. Мехлис рассказал мне о событиях на Дальнем Востоке. Как чрезвычайно экспансивный и несколько желчный человек, он, когда говорил о людях, то либо хвалил их, либо мешал с грязью. (Помню, как он рассказывал мне о людях, которых приказал арестовать. Тогда я оценивал его поступки положительно, считая, что он обезвредил кадры, повысил боеспособность Красной Армии.)

Японцы же не достигли своей цели у Хасана. Это озеро нависает над Владивостоком. То была попытка выбить нас оттуда и овладеть этим городом. Попытка не увенчалась успехом, конфликт был ликвидирован. Не знаю, были ли предприняты какие-нибудь дипломатические шаги или же все так и решилось силой оружия.

//_ * * * _//

Не помню, сколько прошло времени после конфликта у Хасана, как разразилось японское вторжение в Монгольскую Народную Республику. В ней находились наши войска. Самое главное заключалось в том, чтобы защитить район реки Халхин-Гол, то есть байкальское направление. Но японцы имели и более широкие планы. Они, видимо, хотели разгромить монгольские военные части, оккупировать Монголию, пробиться к Байкалу и отрезать от нас Дальний Восток. Там разгорелись бои с большим количеством всех родов войск. Японцы бросили в сражение много пехоты, артиллерии, танков, авиации, и на первых порах нам приходилось трудно. Потом были подтянуты дополнительно наши войска; усилено командование. Командовать группой войск был послан туда Жуков. Операция была проведена им хорошо, он заметно отличился. Потом он вовсю показал свои способности во

время «большой войны», которую развязал Гитлер. А тогда были разгромлены японские войска, и тем дело закончилось. Не знаю, какие были предприняты в данной связи дипломатические шаги, этот вопрос не докладывался на Политбюро, им занимались Сталин и Молотов.

Чтобы понять, почему, надо было знать Сталина. Сталин считал, что ЦК партии и Политбюро- это все, так сказать, мебель, необходимая для обстановки дома, главное в котором — хозяин дома. Хозяином он считал, конечно, себя и делал все, что считал нужным, ни с кем не советовался, если это не входило в его планы, и ни перед кем не отчитывался. Разгром японцев на Халхин-Голе еще больше развил вредные бациллы самоуспокоенности: вот, мол, какова наша армия, она непобедима, мы на практике показали эту непобедимость: разгромили самураев у Хасана и на Халхин-Голе. Появились в народе соответствующие частушки, стали рассказывать на эту тему анекдоты и полуанекдоты, порой такие, которые инев каждом обществе можно было рассказать, «соленые», солдатского пошиба. Все это соответствовало тому умонастроению, которое складывалось после нашей победы над японскими войсками.

Между тем история делала свое дело. Враждебные силы предпринимали все для того, чтобы подготовиться к мощному удару по СССР. Связи Гитлера с Муссолини укреплялись все больше. Еще раньше, как известно, был заключен Антикоминтерновский пакт. Сначала появилась «ось Берлин — Рим». Воинственность самураев импонировала Гитлеру и Муссолини, и в скором времени «ось Берлин — Рим» была продолжена на восток и стала называться «осью Берлин — Рим — Токио». Угроза Советскому Союзу становилась все реальнее. Гитлеровская Германия и фашистская Италия базировали свою идеологию захватов на отсутствии у них «жизненного пространства». Поэтому Муссолини начал войну против Абиссинии (Эфиопии), добился успеха и разбил абиссинцев, несмотря на стойкость, которую проявил этот народ. Армия Абиссинии была слабой, абиссинцы сражались в основном примитивным оружием, а Муссолини сосредоточил войска, вооруженные современной техникой, послал туда авиацию. Это было фактически истребление людей, но цель была им достигнута: Италия захватила Абиссинию, и все западные страны признали это завоевание.

В целом ситуация складывалась для нас невыгодная. СССР, против которого были направлены все реакционные силы Запада и Востока, фактически находился во вражеском окружении. Вероятно, предстояло драться одному против крупных сил

Германии, Италии и Японии. Советский народ еще не забыл и поражения, которое японцы нанесли царским войскам в 1905 г. в Маньчжурии. Не помню точно года свершения того знаменательного факта, когда министр иностранных дел Японии поехал в Берлин, чтобы договориться с Гитлером насчет координации агрессии против нас. На обратном пути, когда этот министр Мацуока проезжал через Москву, он совершенно неожиданно захотел встретиться с советским руководством. Произошел невероятный факт: Сталин поехал на вокзал и встретился с представителем Японии, возвращавшимся из Берлина. Вскоре был заключен с Японией пакт о нейтралитете. У нас возникли сразу и чувство удовлетворенности, и чувство предрешенности, неизбежности войны с Японией, поскольку считалось, что Япония рассматривает договор с Советским Союзом как успокаивающий акт, лишь усыпляющий нашу бдительность.

Но от Сталина я таких рассуждений не слышал. Он же со своей стороны рассчитывал, что именно нужно сделать, чтобы обезопасить наши границы со стороны Японии. Полагаю, что он никакого доверия к этому договору с Японией не питал. Все это делалось и той, и другой стороной, исходя из конкретных условий, которые сложились к тому времени: война неизбежна, а пока надо все сделать, чтобы как-нибудь выиграть время в свою пользу. Время было главным, потому что ликвидировать надвигавшуюся опасность войны мы были уже не в силах. Нужно было только изыскать возможности получше подготовиться к войне и, если удастся, найти себе союзника либо нейтрализовать силы каких-то противников, чтобы ослабить вражеский фронт. Правда, на Украине я напрямую не чувствовал, чтобы это как-то непосредственно отражалось на ее границе с Польшей и Румынией. В политическом отношении Румыния вела себя очень враждебно и довольно глупо. Часто возникали случаи, когда ее пограничники без всяких причин открывали вдруг огонь, если видели наших пограничников на советской территории. Имелись при этом случаи ранений и даже смертельных исходов. Но крупных погранинцидентов все же не происходило. Все это можно было объяснить буквально физиологической ненавистью к нам, боязнью Советского Союза и Советской власти, страхом перед Коммунистической партией, ее идеологией, ее силой, влиянием на массы, поскольку Румыния являлась слабым звеном в капиталистическом мире.

//_ * * * _//

После того как Австрия была поглощена Германией, нависла фашистская угроза над Чехословакией. Судетские немцы в Чехословакии вели себя нагло. Правительство Чехословакии оказалось бессильным или недальновидным, не предпринимало решительных мер по подавлению их антигосударственного сепаратистского движения, нацеленного на отторжение Судетской области от Чехословакии. В конце концов дело завершилось тем, что Гитлер стал прямо угрожать Чехословакии. Отсюда возникла Мюнхенская встреча четырех держав. Закончилась она тем, что Англия и Франция уступили Гитлеру, развязав ему руки для прямых действий против Чехословакии. А еще раньше Гитлер решил в свою пользу спор о территориях, которые после Первой мировой войны находились под контролем Франции. Французы и там уступили, так что Гитлер без всяких военных действий двинул свои войска в Рейнскую область и восстановил суверенитет Германии над этими территориями. У нас имелся договор с Чехословакией: мы должны были оказать ей помощь, если договор вступит в силу при условии выполнения договорных обязательств, которые имелись у Чехословакии с Францией. Поэтому, когда нависла угроза над Чехословакией, мы продемонстрировали свои военные намерения. Хорошо знаю это, потому что как член Военного совета Киевского Особого военного округа знал о приказе привести войска КОВО в боевую готовность и сосредоточить ударную группировку в районе Каменец-Подольского на польской границе.

Польское правительство проявляло по отношению к нам самую оголтелую враждебность и ни на какие переговоры о пресечении общей опасности со стороны Германии не шло. Для СССР фашистская опасность могла, главным образом, проявиться именно через польскую территорию. Тогда правительство Польши возглавлял Складковский, а министром иностранных дел был Бек. Они и слушать не хотели о совместной обороне против Германии, а своей враждебностью к СССР они, может быть, хотели как-то откупиться от Германии. Если бы они могли хоть немного мыслить реально, то увидели бы, что гитлеровская Германия претендовала не только на Польшу, но на огромное «жизненное пространство». Гитлер собирался как минимум захватить еще и Украину. Немцы прямо говорили об этом. Значит, обстановка сама делала нас с Польшей союзниками. Однако, несмотря на реальную угрозу с запада, польские государственные деятели не понимали необходимости объединить наши усилия против Гитлера и тем самым, может быть, удержать Гитлера от нападения и на Польшу, и на Советский Союз.

С учетом складывавшейся ситуации в Киев сообщили (от Сталина я лично этого не слышал, а было передано через военных), что может возникнуть необходимость того, что нашим войскам придется силой пробиваться через польскую территорию в Чехословакию, чтобы оказать ей помощь. Это было очень сложно, если принимать во внимание географическое положение участка, на котором были сосредоточены наши войска. Группа этих войск была сравнительно не столь большой. Двинулись бы мы таким путем в Чехословакию; поляки, естественно, ударили бы по нам с фланга. Не такое это легкое дело — сразу пробиться за Карпаты в данных условиях. Тут, наверное, Гитлер пришел бы «на помощь» Польше. Одним словом, складывалась сложная ситуация.

Однако Франция вдруг разрешила проблему кардинально: она отказалась от выполнения договора с Чехословакией, тем самым положив ее в пасть Гитлеру. Гитлер получил возможность решить дело по-своему: он сначала захватил Судетскую область, пражское правительство ушло в отставку, а президент согласился на «протекторат» со стороны Германии. Далее захватить Чехословакию было уже легче: были оккупированы Чехия и Моравия, образована марионеточная «самостоятельная» Словакия. У словаков в правительство попали тогда фашисты, которые поддерживали Гитлера, фактически — предатели словацкого народа и союзники фашистской Германии. Позднее они приняли участие в войне против СССР на стороне Гитлера.

//_ * * * _//

Когда военные представители Англии и Франции прибыли в СССР, чтобы повести переговоры для сложения военных усилий на случай войны, которую может развязать Германия, то наши с ними переговоры оказались беспредметными. Еще тогда, весною и летом 1939 г., я, приезжая из Киева, за столом у Сталина слышал обмен мнениями по этим делам. Высказывалось мнение, что англичане и французы не хотят фактически объединять наши усилия и нарочно затягивают бесплодные разговоры, чтобы подтолкнуть Гитлера к действиям в направлении Советского Союза и удовлетворить запросы фашистов именно за счет восточных земель.

Как-то уже в августе, в субботу, приехал я из Киева к Сталину на дачу. Он сказал мне, что сейчас прибудут все члены Политбюро и он сообщит им: завтра прилетает к нам немецкий министр иностранных дел Риббентроп. Смотрит на меня и

улыбается, выжидает, какое эта новость произведет на меня впечатление? Я тоже на него смотрю, считая, что он шутит: чтобы к нам да прилетел Риббентроп? Что он, бежать из Германии собирается, что ли? Сталин говорит: «Гитлер прислал о том телеграмму, ее передал немецкий посол Шуленбург. В телеграмме стоит: «Прошу Вас, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который везет конкретные предложения». Сталин добавил: «Вот завтра мы его и встретим».

Завтра — это 23 августа (число я запомнил). Я собирался в тот день поехать на охоту в Завидовское охотничье хозяйство, созданное в Московском военном округе. Над этим хозяйством шефствовал Ворошилов, и охотились там военные. Я никогда прежде там не бывал и впервые туда собрался. Мы с Булганиным и Маленковым сговорились, что втроем поедем туда на охоту. Да и Сталину я сказал, что собираюсь завтра поехать на охоту. Он отвечает: «Хорошо, поезжайте. Я с Молотовым приму Риббентропа и послушаю, а потом вы приезжайте с охоты, я расскажу, каковы цели Гитлера и каков результат разговора». Так мы и сделали, втроем в ночь уехали на охоту. Когда приехали в Завидово, то там уже находился Ворошилов. Следовательно, он у Сталина при встрече с Риббентропом тоже не был. С Ворошиловым оказались и другие военные, вообще много людей. Поохотились мы, погода была чудесной, тепло, сухо, охота прошла очень удачно. Прошу не понимать меня как некоего типичного охотника-хвастуна. Но мне действительно тогда удалось убить на одну утку больше, чем Ворошилову. Почему об этом говорю? Да потому, что везде у нас гремело: «Ворошиловские стрелки». Ворошилов, дескать, стреляет из винтовки и из охотничьего ружья лучше всех. И на самом деле, стрелок он был хороший, но только кампания эта в печати носила очень уж подхалимский характер.

Приехал я с охоты и сейчас же направился к Сталину. Повез ему уток, как говорится, для общего котла. У Сталина должны были собраться все члены Политбюро, которые находились в Москве. Я похвалился своими охотничьими успехами. Сталин был в хорошем настроении, шутил. К охоте он относился по-всякому: иной раз и сам порывался поехать, а иной раз (видимо, в зависимости от настроения, в котором пребывал) резко высказывался против охоты: не с точки зрения людей, стоящих на позициях защиты всего живого, а с точки зрения осуждения пустой траты времени. Да, он сам не ездил на охоту, но сплошь и рядом тратил время впустую больше, чем кто-либо другой из ответственных руководителей страны. Имею в виду трату времени понапрасну за столом, с вином, при бесконечных обедах и ужинах. Порою он нелестно отзывался даже о Ленине в связи с

охотой. Всем было известно, что Ленин любил охоту и ездил на нее. Правда, некоторые писали, что Ленин, мол, ездил поохотиться, чтобы встретиться с народом в неофициальной обстановке и поговорить по душам. Конечно, имело место, наверное, и это. Но думаю, что тут не это было главным. Ленину не были чужды человеческие увлечения, и он любил охоту. У него была просто охотничья страсть. Поэтому он ходил на охоту, даже будучи в ссылке, дай в Москве, когда стал Председателем Совета Народных Комиссаров. Он выезжал на охоту отдохнуть. Встретиться же с людьми неофициально мог, не беря в руки ружья и не выезжая за город.

Когда я был секретарем Московского комитета партии, то выезжал на охоту в Раменский район. Не помню сейчас, в какой деревне мне рекомендовали побывать чекисты. Меня встретил егерь, старик высокого роста. Меня заранее предупредили, что он охотился в местных лесах и болотах вместе с Лениным. Мы с ним ночевали на сеновале, и он рассказывал там, как Ленин приезжал на охоту и как они охотились. А утром пошли и мы, но полил дождь, и я понапрасну проходил целый день, ни разу даже не выстрелив. Дичи не было видно, мне же было жалко не того, что я никого не подстрелил: я жалел этого егеря. Он, бедняга, переживал и всячески извинялся, хотя никакой его вины тут не было. Ну это, так сказать, некоторые отступления по охотничьему поводу.

//_ * * * _//

А у Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает

своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет».

Самого договора с Германией я не видел. Думаю, кроме Молотова, Сталина и некоторых причастных к нему чиновников Наркомата иностранных дел, его у нас никто не видел. Нами в Политбюро происшедшие события рассматривались так: начнется война, в которую Запад втравливал Гитлера против нас один на один. В связи с заключенным договором получалось, что войну начал Гитлер, что было нам выгодно с точки зрения и военной, и политической, и моральной. Такими действиями он вызывал на войну против себя Францию и Англию, выступив против их союзника Польши. Мы же остаемся нейтральными. Считаю, что это положение было тогда для нас наилучшим, раз Англия и Франция хотели направить против нас Германию для столкновения один на один, чтобы им самим потирать руки от удовольствия и откупиться от Гитлера за счет нашей крови, нашей территории и наших богатств. Польша же, проводившая вовсе неразумную политику, и слышать не хотела об объединении наших усилий против Германии, хотя бы и в собственных интересах, и у нас просто не было другого выхода…

Когда 1 сентября немцы выступили против Польши, наши войска были сосредоточены на границе. Я тогда тоже находился в войсках как член Военного совета Украинского фронта, как раз с теми частями, которые должны были действовать в направлении на Тернополь. Там же был и командующий войсками фронта Тимошенко, прежде возглавлявший Киевский Особый военный округ. Когда немцы подступили к той территории, которая по августовскому договору переходила от Польши к СССР, наши войска были двинуты 17 сентября на польскую территорию. Польша к тому времени уже почти прекратила сопротивление немцам. Изолированное сопротивление оказывали им защитники Варшавы и в некоторых других местах, но организованный отпор польской армии был сломлен. Польша оказалась совершенно не подготовленной к этой войне. Сколько было продемонстрировано форса, сколько проявлено гордости, сколько выказано пренебрежения к нашему предложению об объединении антифашистских усилий — и какой провал потерпела польская военная машина!

Когда мы перешли границу, то нам фактически не оказывалось сопротивления. Очень скоро наши войска дошли до Тернополя. Мы с Тимошенко проехали по городу и оттуда

возвращались уже другой дорогой, что было все же довольно неразумно, потому что оставались еще польские вооруженные отряды, которые могли задержать нас. Так мы с ним проехали через несколько местечек, населенных украинцами, и городские поселки с довольно большой польской прослойкой, причем там, где еще не было советских войск, так что всякое могло случиться. Как только вернулись к своим войскам, нам сказали, что Сталин требует нас к телефону. Мы доложили ему, как протекает операция.

Не помню сейчас, сколько дней потребовалось нам для реального окончания кампании, кажется, два или три. Если уже в первый день мы подошли к Тернополю, то ко Львову подступили, наверное, на второй или третий день. Некоторые территории, намеченные как наши, были уже заняты немцами, но Гитлер играл с большим размахом и не хотел «по мелочам» создавать с нами конфликты. Напротив, он хотел тогда расположить нас к себе и показать, что он «человек слова». Поэтому немецкие войска были частично отведены, и наши войска вышли на линию границы, обусловленной договором, подписанным Риббентропом и Молотовым.

//_ * * * _//

Так закончился первый этап этих событий. Наблюдался большой подъем и в наших войсках, и в советском народе в связи с воссоединением западных земель. Украина давно стремилась воссоединить в едином государстве весь украинский народ. Это были земли, исторически действительно украинские и украинцами заселенные, хотя и за исключением городов. Так, Львов был населен поляками, составлявшими там большинство. Иногда это принимало характер искусственного заселения. Например, во Львове украинцев не принимали на работу даже по мощению улиц. Проводилась явная дискриминация для того, чтобы было больше польского населения в городах и оно служило бы опорой власти вдоль границы, установленной в результате нападения войск Пилсудского на Советскую Россию в 1920 году. Тогда в состав Польши вошли земли, которые до Первой мировой войны входили в состав Российской империи. Советская страна была слаба и не смогла в ту пору отстоять даже прежних границ царской России с Австро-Венгрией. Поляки, заимев эти и другие территории, населенные украинцами и белорусами, расположили по границе польское население, назвав этих лиц осадниками. Были среди них и крестьяне, тоже опора варшавской власти на

границе с СССР.

Воссоединение народов Украины и Белоруссии и вхождение затем восточно_ прибалтийских государств в состав Советского Союза- эти события советский народ воспринял правильно, и они вылились во всенародное торжество. Мы тогда безоговорочно прославляли прозорливость Сталина, его государственную мудрость, его заботу о государстве, умение решать вопросы укрепления СССР и создания еще большей неприступности наших, советских границ. Шутка ли сказать, мы вышли к Балтийскому морю, перенесли на запад те границы, которые проходили близ Киева. Ну, а то, что мы заключили с немцами пакт о ненападении, то, думаю, абсолютное большинство членов партии воспринимало это как тактический шаг. Это было правильное понимание, хотя мы об этом не могли говорить и не говорили открыто. Даже на партийных собраниях не говорили. Многие люди не могли допустить, что у нас, у коммунистов, чьи идеи противоположны фашистским, могут быть какие-то договоренности, хотя бы о возможности мирного сосуществования, с Гитлером. С немцами вообще — да, но с Гитлером подобное невозможно.

Сталин же считал, что с подписанием договора война минует нас на какое-то время. Он полагал, что начнется война между Германией, с одной стороны, Францией и Англией — с другой. Возможно, Америка тоже будет втянута в войну. Мы же будем иметь возможность сохранить нейтралитет и, следовательно, сохранить свои силы. А потом будет видно. Говоря «будет видно», я имею в виду, что Сталин вовсе не предполагал, что мы останемся нейтральными до истечения этой войны: на каком-то этапе все равно включимся в нее. Вот мое понимание событий того времени при взгляде на них из настоящего, вернее — уже из будущего.

Если уж говорить здесь о национальных интересах украинцев, то они еще не были полностью удовлетворены названным договором. Известен и другой договор, который был подписан после Первой мировой войны бывшими союзниками царской России. Он определял западные границы России как члена Антанты и их союзника и называвшиеся линией Керзона. Линия Керзона относительно линии, обозначенной по договору Риббентропа — Молотова, проходила западнее. Поэтому украинцы считали, что они кое-что недополучили из тех своих земель, которые были признаны за Украиной даже со стороны бывших союзников России в результате разгрома в Первой мировой войне германского блока. А пока что временно завершился первый этап военно-политической напряженности,

которую мы переживали, и для нас наступила некоторая разрядка. Мы считали, что данный этап закончился в пользу СССР, хотя мы и не получили всего, что нам исторически полагалось. «Лишнее» же было у нас, кажется, только где-то у Белостока, где издавна жило польское население.

После разгрома гитлеровской Германии во Второй мировой войне граница была там исправлена, и этот район мы передали Польше. Впрочем, к ней отошли и отдельные земли с чисто белорусским и украинским населением. Видимо,

Сталин для того, чтобы «задобрить» польское самолюбие, уступил их: тут, я бы сказал, имел место акт большой политической игры на новой основе, чтобы ослабить неприятный осадок, который остался у польского народа в результате договора, подписанного нами с Риббентропом. Ведь мы вроде бы отдали Польшу на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Правда, Польша приобретала одновременно на западе более жирный, грубо выражаясь, кусок: огромные и богатые территории, значительно перекрывавшие те, которые вернулись к Украине и Белоруссии; это западные районы по границе вдоль рек Одер и Нейсе, а кроме того, еще город Штеттин, который расположен на левом берегу устья Одера. Он тоже отошел к Польше в результате нажима на наших союзников со стороны СССР при переговорах на Потсдамской конференции.

//_ * * * _//

Что касается договора с Германией, то он был у нас опубликован не полностью. Была опубликована лишь та часть, в которой говорилось, что мы договорились о ненападении. Но, помимо этого, имелись пункты, которые касались польской территории и наших новых западных границ. Польша утрачивала независимость, что не было оговорено в тексте, однако вытекало из его духа: она превращалась в немецкий протекторат. Следовательно, наша граница получалась уже не с Польшей, а с Германией. Я лично всего текста договора не видел, но знаю об этом из информации от Сталина после подписания договора. Из договора вытекало также наше отношение к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Бессарабии. Судьба их территорий тоже была оговорена, причем эта часть тоже не была опубликована.

О наших мероприятиях в Литве, Латвии и Эстонии я знал только из бесед, которые имел со мной Сталин, когда я приезжал в Москву. Мы, конечно, были очень рады, что литовцы, латыши и эстонцы будут опять входить в состав Советского государства. Тут

и расширение территории, и рост населения, и общее усиление СССР. Мы получили довольно длинную береговую границу на Балтике. Раньше у нас имелся только узкий вход в Финский залив, а теперь- настоящая морская граница. Кроме того, рассуждали мы тогда, территория Латвии, Эстонии и Литвы, если разразится «большая война», стала бы плацдармом для иностранных войск, и Англии с Францией, и Германии. Так что эта акция улучшила наше положение в смысле организации обороны Советского Союза, что имело большое значение, потому что объединенные силы империалистического лагеря значительно превосходили в то время наши силы. Конечно, между народами Литвы, Латвии и Эстонии, с одной стороны, и населением Западной Белоруссии и Западной Украины — с другой, нельзя ставить знак равенства. Ведь в Прибалтике жили не части народов СССР, а отдельные народы. Но они обрели теперь возможность жить так, как жили в СССР все рабочие, крестьяне и интеллигенция. Для народных масс Прибалтики это был большой успех.

Их правители уступили свое место другим людям. Президент Литвы Сметона удрал в Германию. Правда, бежали не все, а кое-кому из прежнего руководства были даже предоставлены видные посты. Сопротивления нам не было оказано, а остальное было проведено по-другому, нежели в Западной Украине и Западной Белоруссии, советизация в Прибалтике проходила иначе. Там появились свои, теперь уже прогрессивные правительства. И не все их члены были коммунистами. Лацис, возглавивший правительство Латвии после Кирхенштейна, был коммунистом и к тому же известным писателем. А Кирхенштейн сначала не был. Не помню сейчас, кто из эстонцев и литовцев на первых порах возглавлял их правительства. Но и там были предприняты шаги такого же характера. Постепенно всюду там вводились советские порядки; Эстония, Латвия и Литва тоже вошли в состав Советского Союза, что было оформлено демократическими методами и при соблюдении всех юридических формальностей, которые требуются в таких случаях.

//_ * * * _//

Когда был подписан договор с Риббентропом, Сталин сказал: «Ну, кто кого обманет? Мы обманем Гитлера!». Он все брал на себя. Это была его инициатива, он решил, что обманет Гитлера. А когда мы уже получили урок в войне с финнами, инев нашу пользу, когда немцы легко разгромили войска французов и

англичан и довольно успешно вели воздушные операции против англичан, бомбили города и промышленность Англии, тут он уже по-другому рассматривал возможный исход войны и боялся ее. В результате этой боязни он и не хотел ничего делать, что могло бы обеспокоить Гитлера. Поэтому он нажимал, чтобы аккуратно вывозили в Германию все, что по договору было положено: нефть, хлеб ияне знаю, какие еще товары.

Возможно, он думал, что Гитлер оценит, как аккуратно выполняем мы свои обязательства, вытекающие из этого договора. Может быть, он думал, что Гитлер откажется от войны против нас? Но это нелепость. Она была продиктована неуверенностью, а может быть, даже и трусостью. Трусость вытекала из того, что мы показали свою слабость в войне с финнами, а немцы показали свою силу в войне с англичанами и французами. Эти события и породили вот такое состояние Сталина, когда он как-то потерял уверенность, потерял оперативность в руководстве страной…

К 1940 г. у нас накопилось много спорных вопросов с Гитлером. После длительных переговоров договорились о том, что Молотов должен съездить в Берлин. Он выехал туда поездом. Я приехал в Москву уже после его поездки. Это было, кажется, в октябре или ноябре 1940 года. Я услышал тогда в руководстве разговор, который мне не понравился. Видимо, у Сталина возникла потребность спросить о чем-то Молотова. Из вопросов Сталина и ответов Молотова можно было сделать вывод, что поездка Молотова еще больше укрепила понимание неизбежности войны. Видимо, война должна была разразиться в ближайшем будущем. На лице Сталина и в его поведении чувствовалось волнение, я бы сказал, даже страх. Молотов, сам по характеру человек молчаливый, характеризовал Гитлера как человека малоразговорчивого и абсолютно непьющего. В Берлине во время официального обеда подавали в узком кругу вино. Но Гитлер не брал даже бокала, ему ставили чай, и он поддерживал чаем компанию пьющих. Я не знаю конкретно тем деловых разговоров, которые велись в Берлине, по каким вопросам и какие у нас были с немцами расхождения. Это было очень трудно понять.

У нас сложилась такая практика: если тебе не говорят, то не спрашивай. Считалось, что эти вопросы знать не обязательно. Это, конечно, неправильный подход. Это верно в отношении чиновников. Но в отношении членов правительства и членов Политбюроруководящего органа партии и страны — это нарушение всех правил, которые должны быть в партии, если она является действительно демократической. А наша партия, ленинская, имела именно такой характер. Но ограничение и

отбор информации, которая давалась членам Политбюро, определялись Сталиным. Если говорить об уставном праве, то такого уставного права не существовало и существовать не может. Это уже результат сложившегося произвола, который приобрел какую-то «законность» при Сталине.

Молотов говорил, что во время поездки были приняты очень строгие меры по безопасности продвижения поезда от границы до Берлина: буквально в зоне видимости стояли солдаты. Он рассказывал, что во время деловых разговоров вдруг пришли и сказали, что англичане делают налет и сейчас самолеты появятся над Берлином. Предложили пойти в убежище. Пошли в убежище, и Молотов понял, что уже сложилась частая практика пользоваться убежищем. Это говорило о том, что англичане довольно основательно беспокоили Берлин и Гитлеру со своей компанией приходилось прибегать к использованию убежища.

//_ * * * _//

Спустя несколько месяцев после поездки Молотова в Берлин произошел такой инцидент: Гесс улетел в Англию, выбросился там с парашютом и приземлился. Гесс — бывший летчик, поэтому он легко мог воспользоваться этим способом. Немцы пустили «утку», что он бежал. Но было видно, что здесь что-то кроется, не вяжутся концы с концами в версии о бегстве Гесса. Возникало сомнение, что это было бегство. Когда Молотов во время войны был в Лондоне, то ему предложили встретиться с Гессом, но Молотов отказался. А я тогда спросил Сталина: «Не является ли бегство Гесса выполнением особой миссии по поручению Гитлера? Он взял все на себя с тем, чтобы ничем его не связывать, а на самом деле является посыльным Гитлера. Он не бежал, а фактически полетел туда по поручению Гитлера с тем, чтобы договориться с Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на Восток». Сталин выслушал меня и сказал: «Да, это так и было. Вы правильно понимаете этот вопрос». Он не стал развивать дальше эту тему, а только согласился со мною. Сталин очень сильно переживал начало войны. В первые ее дни, как известно, был совершенно парализован в своих действиях и мыслях и даже заявил об отказе от руководства страной и партией.

После поездки Молотова в Берлин не было никакого сомнения в том, что будет война. Но полагали, что эта война может быть оттянута во времени. Гитлер готовится, война будет развязана в ближайшее время, а в какое, мы, конечно, не знали.

Думаю, что и Сталин не знал. Это невозможно знать, потому что каждая страна скрывает от своего противника начало войны, даже если она приняла решение начать войну.

Война

Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днем в то воскресенье, выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться с событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин, — почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями. Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, — говорит, — отказываюсь от руководства», — и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. «Мы, — рассказывал Берия, — остались. Что же делать дальше? После того как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым (хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии). Посовещались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего».

Я не сомневаюсь, что вышесказанное- правда. Конечно, у

меня не было возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока.

//_ * * * _//

Меня вызвали в Москву в июле 1941 г. Мне было интересно приехать именно тогда в Москву, проинформироваться и узнать истинное положение вещей. В каком состоянии находится наша страна? Какие соображения имеет Сталин относительно задержания наступления противника, а потом нашего перехода в наступление? Мы не могли даже занять твердую оборону, находились в стадии отступления, в стадии поражений на фронте. В это время Сталин нигде «не вылезал» со своей фамилией как Верховный Главнокомандующий, каковым он вскоре был назначен. Распоряжения отдавались Ставкой. Нигде не говорилось — Командующий (или Главнокомандующий) Сталин. Это тоже свидетельствует об определенном настроении Сталина, который не хотел, видимо, связывать свое имя с поражениями наших войск.

Итак, меня вызвали в Москву, но не сказали, по каким вопросам. Думаю, что Сталин вызвал меня, чтобы узнать, как я оцениваю положение дел на нашем участке фронта. Я занимался тогда только территорией Киевского Особого военного округа, то есть северной частью Украины. Южная часть Украины — это Южный фронт. Он был создан на основе Одесского военного округа. На те войска я никакого влияния не имел.

Когда я приехал в Москву, мне сказали, что Сталин находится на командном пункте. Москву тогда бомбили очень часто, и штаб был перенесен к Кировским воротам, в помещение Наркомата легкой промышленности СССР. Это помещение было занято под штаб, а для Сталина и руководства партии был организован командный пункт Ставки там же, на станции метро «Кировская». Когда я встретился со Сталиным, он произвел на меня удручающее впечатление: человек сидел как бы опустошенный и ничего не мог сказать. Он даже не смог сказать мне несколько подбадривающих слов, аяв этом нуждался, потому что приехал в Москву, прибыл к Сталину, в центр, к руководству страной и армией. И вот я увидел вождя совершенно морально разбитым. Он сидел на кушетке. Я подошел, поздоровался. Он был совершенно неузнаваем. Таким выглядел апатичным, вялым.

Лицо его ничего не выражало. На лице было написано, что он во власти стихии и не знает, что же предпринять. А глаза у него были, я бы сказал, жалкие какие-то, просящие.

Сталин спросил: «Как у нас дела?» Я ему откровенно обрисовал обстановку, которая у нас сложилась. Как народ переживает случившееся, какие у нас недостатки. Не хватает оружия, нет даже винтовок, а немцы бьют нас. Собственно говоря, мне и не требовалось ему рассказывать, потому что он сам знал по докладам, которые делал Генеральный штаб: армия бежала, немцы превосходили нас и на земле, и в воздухе, у нас не хватало вооружения, а к этому времени уже не хватало и живой силы. Все рассказал, в каком мы находимся положении.

Помню, тогда на меня очень сильное и неприятное впечатление произвело поведение Сталина. Я стою, а он смотрит на меня и говорит: «Ну, где же русская смекалка? Вот говорили о русской смекалке. А где же она сейчас в этой войне?». Не помню, что ответил, да и ответил ли я ему. Наверное, ничего. Потому что ответить я ничего не мог. Русскую смекалку из кармана не вытащишь. Я был внутренне возмущен. Когда уехал из Москвы, меня просто распирало. Как же так? Он возлагает сейчас ответственность на всю русскую нацию. Русские, дескать, не проявляют смекалки… Так как же ты можешь так думать о людях, русских ли, украинцах, белорусах, узбеках или других народах нашей великой Родины? Обвинять их в том, что они не проявили смекалки в то время, когда первая смекалка- вооружение, вооружение и еще раз вооружение! Вот что прежде всего, а потом уже проявление смекалки в том, как правильно и более эффективно использовать это вооружение.

Наши войска твоей волею, именно твоей, Сталин, были поставлены в такие условия, когда они не имели даже достаточного количества винтовок. Я уже не говорю о противотанковой артиллерии; не говорю, что мы сначала и понятия не имели о противотанковых ружьях. Не было у нас и автоматического оружия. Потом появились автоматы ППШ. Эти автоматы были изобретены нашими конструкторами-оружейниками вскоре после Финляндской войны, но не изготавливались. В Финляндии мы на практике познакомились с этим оружием. Финнами оно широко применялось против наших войск, и мы несли очень большой урон. Несмотря на это, такого оружия у нас не было в начале Великой Отечественной войны. В то время рассуждали так, что это оружие неприцельное и очень расточительное по количеству употребляемых боеприпасов. Этот вопрос- святая святых Сталина, он был тут судья. Поэтому в Красной Армии оставили винтовку.

Но жизнь показала обратное. Мы вынуждены были вернуться к этому оружию. Быстро и в достаточном количестве стали делать автоматы и снабжать ими нашу армию. А если бы это сделали раньше? Если бы это правильно было оценено? Кто в этом виноват? Сталин виноват. Сталин и Сталин! Могут сказать: не Сталин же занимался вопросами вооружения. Именно Сталин! Я уже раньше говорил, что старался несколько раз приоткрыть глаза Сталину на маршала Кулика, чтобы он более трезво оценил его. А он все-таки не стал меня слушать. Наоборот, упрекнул меня, что я не знаю этого человека, а он его знает. Такая самоуверенность в оценке людей и, следовательно, в знании дела вот к чему теперь привела. Стоила стольких жизней, такой крови советским людям… Вот какой промах был допущен по вине Сталина.

//_ * * * _//

Хочу вспомнить о никому практически не известном эпизоде войны. Мне рассказывали Маленков и Берия об одном сугубо секретном шаге, который был предпринят Сталиным. Он относится к осени 1941 г., когда немцами уже была занята территория Украины и Белоруссии. Сталин искал контакта с Гитлером, чтобы на основе уступки немцам Украины, Белоруссии и районов РСФСР, оккупированных гитлеровцами, договориться о прекращении военных действий. У Берии имелась связь с одним банкиром в Болгарии, который являлся агентом гитлеровской Германии. По личному указанию Сталина был послан наш человек в Болгарию. Ему было поручено найти контакты с немцами, начать переговоры и заявить им, что уступки со стороны Советского Союза — такие-то. Но ответа от Гитлера не было получено. Видимо, Гитлер настолько был тогда убежден в своей победе, что считал: дни существования Советского Союза сочтены и ему незачем вступать в контакт и переговоры, когда его войска и так уже вон где. Он планировал дальнейшее развитие наступательных действий, захват Москвы, сокрушение всей России и уничтожение ее государства.

Конечно, можно объяснять так, что Сталин просто хотел выиграть время за счет каких-то уступок. Но не знаю, какое при прекращении военных действий потребовалось бы нам время и какие усилия, чтобы потом наверстать упущенное. Потерять Украину,

Белоруссию и западные районы Российской Федерации по договоренности — очень существенная утрата с точки зрения

возможности собраться потом с силами, порвать договоренность и вернуть утерянное. Впоследствии я никогда более не слышал об этом эпизоде ни от кого. А тогда это было сказано мне на ухо шепотом Берией и Маленковым. Я сейчас даже не помню, было ли это сказано еще при жизни Сталина или после его смерти. Однако точно помню, что такой разговор состоялся. Конечно, данный разговор проходил, когда мы были втроем. Не знаю, было ли известно об этом Молотову как наркому иностранных дел. Может быть, даже и он не знал, потому что контакт устанавливался не через Наркомат иностранных дел, а через нашу разведку, то есть через Берию.

//_ * * * _//

…1943 год — год радости, победного наступления наших войск. Мы вышли к Днепру, заняли Переяслав, этот исторический город. В нем Богдан Хмельницкий принимал русских послов и подписал договор о том, что Украина входит в состав Российского государства, становится под руку русского царя. Буржуазные националисты проклинали и этот день, и этот город, называли подписанный договор «Переяславской угодой», которая закабалила Украину. Ну да ведь это националисты… Действия Богдана Хмельницкого были прогрессивны, они сыграли полезную роль в истории и украинского, и русского народов. Объединились два великих родственных народа, русские с украинцами, и после этого вместе переживали все радости и горести.

Мы с Ватутиным торжествовали. Ватутин перед войной был начальником штаба Киевского Особого военного округа, долго жил на Украине. Нам с ним уже мерещилась Киево-Печерская лавра над Днепром. Я и сейчас радостно вспоминаю те дни, когда мы изгоняли немцев и подошли к Днепру. На подступах к Днепру случалось, что мы брали в плен (или они сами перебегали к нам со стороны противника) русских, вообще советских людей. Помню, допрашивал я одного из них. Он сам сдался в плен, перейдя линию фронта, молодой человек, довольно решительный. Он рассказал, что в составе немецких войск имеются русские соединения, составленные из военнопленных. Их называли «власовцы», так как командовал этими войсками Власов. Не на нашем участке, а вообще командовал. Его части не были сосредоточены в одном месте и были как бы вкраплены в немецкие войска, но их командующим все-таки считался Власов. Я расспросил этого парня подробно, как он перешел к нам, в

каком месте. Он сообщил, что перешел сам, но там остались и другие, которые тоже ищут удобного момента с тем, чтобы перейти к нам. Они записались во власовскую армию только для того, чтобы их послали на фронт, а не оставили в лагере военнопленных, где они были обречены на смерть.

Разведка поработала с этим парнем. Его послали через линию фронта к врагу, и он вернулся и с собой привел еще несколько власовцев. Немецкое командование буквально засыпало наших солдат листовками с призывом, чтобы они сдавались в плен; что на немецкой стороне действуют русский генерал Власов и еще какой-то бывший наш генерал, не помню его фамилии. Это тоже был изменник Родины, который перебежал к врагу. Этот перебежчик раньше был секретарем райкома партии в одном из районов Москвы. Просто невероятный случай, но такой случай имел место. Я видел трофейные фотоснимки, их было очень много: оба они, прежний секретарь райкома и Власов в немецкой форме, причем первому немцы присвоили генеральское звание, в Красной Армии он такого звания не имел.

Немцы тогда много распространяли и других листовок, а также открыток — с фотографией сына Сталина. С сыном Сталина Яковом я знаком был не так уж близко, но встречался с ним на квартире у отца, когда бывал там. О нем я слышал только хорошее: это был серьезный человек. Он окончил какой-то институт и был инженером, не знаю, по какой специальности. Сталин его критиковал: «Вот, получил ты звание инженера, а нам нужны военные кадры». И предложил ему поступить в Артиллерийскую академию. Тот ее окончил. Когда началась война, он был уже офицером-артиллеристом, сражался на Белорусском направлении и там попал в плен. После войны было затрачено много усилий, чтобы найти какие-то его следы. Мы ничего не смогли найти. Видимо, его уничтожили.

Во всяком случае, он бесследно исчез. Фотоснимки же были такие: Яша гуляет, а на каком-то удалении от него ходит немецкий офицер. Были и другие снимки и даже обращения от его имени. Все это, конечно, было сфабриковано немцами, не производило впечатления и не вызывало никакого доверия не только у людей, которые знали Яшу, но и со стороны наших солдат.

//_ * * * _//

Однажды меня вызвали в Москву. Я выезжал туда чаще всего по вызову, по инициативе самой Москвы, и не помню, были ли

случаи, когда я просился приехать сам. Беседы обычно проходили за столом у Сталина. За столом, к сожалению, питейным. Всегда наиболее острые вопросы подымались уже в позднем часу, когда за столом было потрачено много времени, а значит, много съедено и выпито. И вот как-то раз (а это было несколько раньше описываемых событий) Сталин обратился ко мне: «Вот Власов, что же он, изменник? Я этому не верю». Отвечаю: «Я тоже слабо верю в это». Потом раза два или три Сталин возвращался к имени Власова. Сначала это произошло, когда впервые услышали, что какой-то русский генерал Власов сражается на стороне немецких войск. Мы тогда сочли это за немецкую пропаганду, за какую-то уловку.

Прошло некоторое время, и мы стали брать в плен именно власовцев. И когда я попал в Москву, Сталин возвратился к вопросу о Власове: «Что же, он действительно предатель?» Отвечаю: «Сейчас уже не может быть сомнений. Мы берем в плен людей в немецкой форме, и они называют себя власовцами. Видимо, действительно Власов сражается на стороне противника». «Тогда придется, — говорит Сталин, — объявить о том, что он стоит вне закона, что он предатель». — «Безусловно, — отвечаю, — это надо сейчас сделать, чтобы наша пропаганда противостояла немецкой, а не то получается односторонняя пропаганда. Мы замалчиваем этот факт и не принимаем никаких контрмер, вроде бы у нас и аргументов нет». Состоялась соответствующая публикация, и началась контрпропаганда в рядах Красной Армии и в партийных организациях по этому поводу.

Однажды, после уже довольно продолжительного «заседания» за столом, Сталин опять поднял вопрос о Власове. Каждый из участников того застолья помнит, что это был «тяжелый» стол. Трудно было дождаться, когда же он кончится, да и не известно, чем кончится. Раз Булганин наедине сказал мне: «Приглашают тебя, едешь к нему в гости, там тебя поят, кормят, а потом и не знаешь, куда ты поедешь: сам ли домой к себе или тебя отвезут куда-нибудь и посадят». Эти слова не лишены истины. Действительно, такое, видимо, каждый из нас тогда переживал. Случались у Сталина приступы гнева, неожиданные, невероятные вспышки. Верховодили голая власть, неограниченная беспрекословность, порой «награждение» всяческими неприличными эпитетами даже близких к нему людей. Самыми близкими людьми считались до войны Ворошилов, Молотов и в какой-то степени Микоян. На более позднем этапе к ним причислили и Берию. Другие числились, так сказать, близкими людьми второго или, может быть, третьего сорта, потому что они

по годам составляли младшее поколение и не прошли столь длительной стадии совместной деятельности со Сталиным. Молотов, например, давно с ним был знаком. Ворошилов — тоже, с дореволюционного времени. А в Гражданскую войну, когда Ворошилов командовал армией и отступил к Царицыну, там они со Сталиным сошлись особенно близко.

Вот в таком окружении Сталин и поднял вопрос: «Почему Власов стал предателем?». Отвечаю: «Теперь уже это бесспорно, что он предатель». — «А вы его хвалили, выдвигали его». — «Верно, — говорю, — я его выдвигал командующим 37-й армией. Ему была поручена защита Киева, и он блестяще справился со своей задачей. Немцы не взяли Киева,

Киев пал в результате окружения наших войск значительно восточнее Киева. Потом Власов вышел из этого окружения. Я его действительно хвалил и не раз говорил вам о его достоинствах. А сколько раз вы сами его хвалили? Ведь когда после падения Киева он вышел из окружения, вы вновь назначили его командовать армией, и он отличился при обороне Москвы. Вы наградили его, товарищ Сталин, за операцию под Москвой. А потом вы назначили его на ответственный участок, на Валдай. Там он опять попал в окружение, снова выходил из окружения и опять вернулся. Вы ведь предлагали его назначить командующим войсками Сталинградского фронта, говорили мне, чтобы я назвал имя командующего, и тут же сказали, что наиболее подходят или Еременко, который лежит в госпитале, или Власов; сказали, что назначили бы Власова, но его нет. Так что и я хвалил, и вы его хвалили: дела у него были такие, которые заслуживали похвалы. А потом он стал предателем, и теперь уж в этом нет сомнений».

//_ * * * _//

Скажу в дополнение, что Сталин говорил раньше о Власове при всех, и все слышали, как он его хвалил, утверждал, что тот оказался бы наилучшим командующим войсками Сталинградского фронта. Так что после его замечания за столом и моего такого ответа Сталин при мне более не поднимал этого вопроса. Хотя, действительно, случай с Власовым был большим огорчением и для меня. Очень трудно тогда было объяснить, да и сейчас просто невозможно понять, как это произошло: человек стойко сражался, хорошо действовал, производил очень выгодное впечатление, успешно завоевывал симпатию у вышестоящих по службе людей и потом вдруг стал предателем. Отчего бы ему не стать предателем в первый раз, когда он оказался в окружении,

командуя 37-й армией, которая защищала Киев? А он же вышел! Вышел к нам буквально пешком, когда мы находились уже перед Воронежем. Это произошло накануне наступления наших войск на Московском направлении. Как только он вышел оттуда и как только мы донесли Сталину, что Власов вышел из окружения, то сейчас же получили приказ немедленно отправить его на самолете в Москву. Мы его отправили, и я, признаться, тогда думал, что, может быть, имеются какие-то сведения, компрометирующие Власова, и его хотят в Москве допросить? Позже мы узнали, что он и под Москвою командовал армией, что эта армия действовала очень хорошо, а он был награжден.

В чем же дело? Сложные тогда переживания возникали у людей. Некоторые люди таких переживаний не выдерживали. Я не думаю, что он был когда-то раньше завербован, стал вражеским агентом. По натуре он был, видимо, неустойчивый человек и с плохим характером. Считался порядочным коммунистом, но ничего глубоко идейного внутри в нем не было. Сам он по образованию учитель; вероятно, очень лояльно относился к Советской власти в первые годы; может быть, и корыстные цели при этом преследовал, оставаясь в компартии с тем, чтобы занять выгодное служебное положение. Таких, к сожалению, было у нас немало, и думаю, что сейчас таких карьеристов еще больше. Я говорю «карьеристов» условно, потому что завершился карьеризм Власова прямым предательством. Тут уже явление другого характера. Таких людей, как Власов, встречается немного, но, с другой стороны, Власов и не исключение. Был позднее полковник Пеньковский, который тоже занимал высокое положение, работал в органах нашей разведки, ему доверяли следить за другими лицами, находившимися за границей. Для этого он не раз ездил туда. Как вдруг переметнулся к врагам. К сожалению, Пеньковский тоже был не одинок. Но наиболее яркий из всех случаев предательства — случай с Власовым. И он был наказан по заслугам: его осудили после войны и повесили.

//_ * * * _//

Рассказывая о войне, хочу коснуться также Варшавского восстания 1944 года. Об этом много писали. Говорили, что мы, советские, повинны в том, что восстание потерпело поражение. Политические деятели западных стран часто возвращались к этому эпизоду, чтобы восстановить поляков против СССР: вот, мол, русские не подали руку помощи, когда Бур-Коморовский

бился против немцев буквально рядом с советскими войсками. Коморовский был взят немцами в плен. Но, несмотря на то, что являлся организатором восстания в Варшаве в наиболее критический момент для немецких оккупационных войск в Польше, лично он отделался испугом, а потом на Западе активно действовал против Советского Союза и народной Польши. Я сейчас могу высказать на этот счет лишь сугубо свои соображения. Каких-нибудь конкретных фактов насчет того, как решался вопрос о нашей помощи восставшим и насколько имели почву обвинения, которые Запад в данной связи бросал Сталину, не знаю и даже не могу утверждать, что они имели место, хотя противная сторона вполне могла их обосновать. Как складывались тогда общие обстоятельства?

Советские войска подошли к Варшаве, имея за собой новое польское правительство в Люблине. Польское эмигрантское правительство сидело в Лондоне, возглавлял его Миколайчик. Естественно, что Запад, а главным образом Лондон, готовил свое правительство для Польши. Эти люди хотели, используя наши войска, нашу силу, нашу кровь, разгромить немцев и освободить Польшу, но чтобы Польша осталась капиталистической, прозападной страной. Они хотели лишить ее народ возможности построить новую, народную, социалистическую, рабоче-крестьянскую Польшу. Таков был замысел Черчилля. Естественно, Сталин в этом вопросе сердцем и душой был за то, чтобы Польша стала социалистической; если и не буквально советской по форме, то по существу; чтобы там взяли верх рабочий класс в союзе с крестьянством; чтобы там победила ленинская политика.

Когда наши войска подошли к Висле и в Варшаве вспыхнуло восстание, начался большой шум насчет того, что мы должны оказать варшавянам помощь. Но ведь шла война. Что такое оказать помощь? Там стояли немцы, они защищались, перед нами лежала широкая и глубокая река Висла. Тут не такое легкое дело: захотел и ворвался! Напомню, что когда мы подошли к Киеву, то тоже остановились перед Днепром. Надо было сначала попробовать переправиться через Днепр, а потом уж разгромить немецкие войска и выбить их из Киева. На это мы потратили немало времени. Я рассказывал, как мы два раза предпринимали наступательные операции с Букринского плацдарма, а потом вынуждены были перегруппироваться севернее и ударить с другого плацдарма.

Видимо, и здесь, перед Варшавой, у нас возникли такие же трудности. Варшаву брали не в лоб, не прямо переправлялись туда из Праги — пригорода Варшавы, а форсировали Вислу севернее, обошли Варшаву и вынудили немцев оставить город.

Конкретных же условий тех дней, когда враг находился еще в Варшаве и мы как бы смотрели через реку друг на друга, находясь на разных берегах, я не знаю. Но я понимаю доводы и противной стороны. Она имела полную возможность вдолбить кое-кому в голову, что мы, советские, сознательно не предприняли никаких действий, потому что не в наших интересах было укреплять Бур-Коморовского. Ведь он потом воевал бы против нас в Варшаве, если бы мы не признали его власти. А мы бы, конечно, не признали ее.

Инспирировал же это восстание Черчилль через Миколайчика. Он хотел поставить нас перед фактом: мы пролили кровь, подошли к Варшаве, прогнали немцев, а в польской столице уже есть правительство страны во главе с Миколайчиком. Устранять существующее правительство — значит вызвать осложнения между союзниками, резкие трения, что, конечно, было нежелательно. Вот такой была там ситуация, как я ее понимаю. Но, повторяю, никаких фактических оснований той или иной версии не знаю.

Когда немцы были изгнаны оттуда, Миколайчик приехал в Варшаву и стал заместителем премьер-министра. Я с ним познакомился в Москве, когда польское руководство приезжало, чтобы побеседовать со Сталиным. Потом Сталин дал обед в его честь. Нужно сказать здесь правду, что Армия Крайова, которая создавалась людьми, возглавлявшимися Миколайчиком, была разветвленной и сильной. Потом мы с ней столкнулись, и она много нам принесла беспокойства.

//_ * * * _//

… Когда завершилась великая эпопея войны народов СССР против гитлеровского нашествия, смешались воедино радость от уничтожения врага и высокое чувство морального удовлетворения от нашей победы. Фраза из Священного Писания, когда-то повторенная Александром Невским: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», — в то время была у всех на устах и наконец-то воплотилась в жизнь в результате нашей победы. Когда я узнал, что Германия капитулировала, радость моя была невероятной. Да и все у нас радовались. Это многократно описано, и я лучше не скажу, чем было рассказано писателями и художниками о том, что имело место в Москве на Красной площади. Военных там буквально душили в объятиях радости. Победа! Всеобщее ликование! Целовались, обнимались, торжествовали. Я тоже переживал все это.

Хотя я хорошо знал Сталина и то, на что могу рассчитывать в ответ, но спешил позвонить ему и поздравить и его с победой. Позвонил. Меня быстро соединили, и Сталин снял трубку. Я его поздравляю: «Товарищ Сталин, разрешите поздравить Вас с победой наших Вооруженных Сил, с победой нашего народа, с полным разгромом немецкой армии» и пр. Уж не помню дословно, что я тогда говорил. И что же? Сталин сказал мне в ответ какую-то грубость. Вроде того, что отнимаю у него время, обращаясь по такому вопросу. Ну, я просто остолбенел. Как это? Почему? Очень я тогда переживал и ругал себя: зачем я ему позвонил? Я ведь знал его характер и мог ожидать чего угодно. Знал, что он захочет показать мне, что происшедшее- уже пройденный этап, что он думает уже о новых великих делах. Поэтому, мол, чего там говорить о вчерашнем дне? Он теперь ломает себе голову о завтрашнем дне.

Я считаю, что это была актерская игра. Сталин очень умело и хорошо играл такую роль. А поскольку он был к тому же грубый человек (не я первый говорю о его грубости: еще Ленин, который отлично его знал, в своем завещании упомянул о грубости Сталина, о его нетерпимости), то вот так и получилось.

Я потом долго переживал происшедшее. Как же так? Что же он, действительно лишен всякого чувства радости? Или притворяется? Но ведь не лишен он чувства страха! Я видел, в каком состоянии находился Сталин в первые дни войны. Он тогда был совершенно деморализован: какая-то бесформенная протоплазма. Он чуть не отказался от своих постов, от активных действий. А членам Политбюро высказал такие слова: «Ленин создал наше государство, мы же его про. Все погибло. Я ухожу». Сел в машину и уехал из Кремля к себе на дачу. Потом за ним поехали туда, как рассказывал мне позднее Берия, уговаривали его, призывали, чтобы он обрел прежние силы и приступил к деятельности, потому что победа возможна, не все потеряно, у нас остались еще огромная территория и большие ресурсы.

И вот наконец долгожданная победа! Но сейчас он вроде бы не радуется. Показывает: «Что это ты меня поздравляешь? Я-то заранее знал, что именно так будет». Однако я-то видел его и в другой ситуации и твердо знал, что он в свое время так не думал, а думал даже хуже, чем лица из его окружения. А тут он теперь такое отмочил коленце: не принял поздравления…

//_ * * * _//

На 24 июня 1945 г. в Москве был назначен Парад Победы. Я

тоже приехал в Москву. Мне хотелось посмотреть, как пройдут войска по Красной площади, порадоваться вместе со всем народом в столице нашей Родины. Не помню, звонил ли мне Сталин, чтобы я приехал, или же я сам просто взял да поехал. Прибыл к нам Эйзенхауэр. Он тоже стоял тогда на Мавзолее. В тот раз я впервые встретился с Эйзенхауэром, в ту пору еще не президентом США, а верховным главнокомандующим силами союзников в Западной Европе.

Хочу рассказать насчет высказываний Сталина относительно взаимоотношений с союзниками в процессе войны, конкретно- с Рузвельтом и Черчиллем. Франция не имела крупных сил в Европе, и Сталин стал уделять ей внимание, в сущности, начиная с Потсдамской конференции и после нее. Его внимание занимали раньше главным образом Рузвельт и Черчилль. Сталин, по его собственным словам, больше симпатизировал Рузвельту, потому что президент США с пониманием относился к нашим проблемам. Сближала Рузвельта со Сталиным и его нелюбовь к английской монархии, к ее институтам.

Сталин как-то рассказал о таком эпизоде. Когда во время Тегеранской конференции главы держав встретились за обедом, Рузвельт, подняв бокал, предложил выпить за президента Советского Союза господина Калинина. Все выпили. Спустя какой-то срок Черчилль, тоже подняв бокал, объявил тост за короля Великобритании. Рузвельт сказал, что он пить не будет. Черчилль обиженно насторожился, а тот — нив какую: «Нет, я пить не буду. Я не могу пить за английского короля. Я не могу забыть слова моего отца». Оказывается, когда отец Рузвельта уезжал в Америку из Европы, то уже на пароходе он сказал сыну про британского короля: «Он наш враг». Сын не забыл этого и, невзирая на этикет, так и не поднял бокала.

При деловых разговорах и возникавших спорах очень часто Сталин встречал поддержку со стороны Рузвельта против Черчилля. Таким образом, у Сталина симпатии сложились явно в пользу Рузвельта, хотя Черчилля он тоже ценил и относился к нему с уважением. Это был крупный политический деятель не только Англии, он занимал одно из ведущих мест в сфере мировой политики. При неудаче конца 1944 г. в Арденнах, когда немцы серьезно угрожали союзным войскам на втором фронте, Черчилль обратился за помощью к Сталину, с тем чтобы мы оттянули на себя немецкие армии. Для этого нам нужно было провести внеочередную наступательную операцию. Ее мы провели, хотя она планировалась у нас на значительно более поздний срок. Это стало демонстрацией дружбы и помощи союзнику, у которого сложилась тяжелая обстановка. Это было

Сталиным проведено очень хорошо, он умел понимать и такие дела и проводить их в жизнь.

Помню, как Сталин несколько раз возвращался к характеристике Эйзенхауэра. Он отмечал его благородство, рыцарский подход к взаимоотношениям с союзником. Несколько раз я слышал такие высказывания при беседах в узком кругу у Сталина уже после войны, но еще до моего переезда в Москву.

Когда я вновь начал работать в Москве и чаще бывал у Сталина, он стал часто приглашать меня, когда уезжал в отпуск на Кавказ. Я чувствовал, что он просто не терпит одиночества и даже боится его. У него появлялся физический страх перед одиночеством. Это было для всех нас довольно накладно (говорю о членах руководства страны, которое окружало Сталина). Отдыхать вместе с ним и обедать считалось великой честью. Но это еще и большая физическая нагрузка.

Однажды я с ним вместе отдыхал целый месяц. Он меня поместил буквально рядом с собой. Приходилось и жить рядом, все время вместе обедать и ужинать. Но это внешняя сторона дела. А если бы знали, что это означает на деле, какие это физические нагрузки, сколько нужно было съедать и вообще потреблять того, что вредно или неприятно, лишь бы не нарушить личных отношений! Отношение к тебе демонстрировалось самое хорошее, дружеское, и приходилось идти на жертвы. Но такая жизнь была отчасти полезна тем, что велись беседы, из которых можно было извлечь для себя пользу и сделать различные политические выводы.

В ходе таких бесед я неоднократно слышал от Сталина очень лестные отзывы о порядочности Эйзенхауэра. Сталин говорил, что когда мы наступали на Берлин, то если бы со стороны союзников был не Эйзенхауэр, а какой-то другой верховный командующий их войсками, мы бы, конечно, Берлин не взяли, просто не успели бы. Его бы заняли раньше нас американцы. И это действительно так, потому что немцы сосредоточили главные силы против нас и охотно готовы были сдаться Западу. Сталин обратился к Эйзенхауэру с письмом, в котором говорилось, что, согласно межсоюзническому договору и с учетом крови, которая пролита нашим народом, мы хотели бы, чтобы наши войска вошли первыми в Берлин, а не союзные. Как говорил Сталин, Эйзенхауэр тогда придержал свои войска и прекратил наступление. Он предоставил нашим войскам возможность разбить немцев и занять Берлин. Таким образом, мы получили приоритет, захватив столицу Германии. Другой человек на это не пошел бы. А ведь если бы Берлин был захвачен американцами, то тогда, по словам Сталина, по-другому решался бы вопрос о судьбе Германии, а

наше положение значительно ухудшилось бы. Эйзенхауэр проявил такое рыцарское благородство и был верен слову, данному нам Рузвельтом. Он уважал память о Рузвельте.

//_ * * * _//

В это время новым президентом США стал Трумэн, которого Сталин и не уважал, и не ценил. И, видимо, правильно делал, потому что тот заслуживал такого отношения. А вот еще один факт, о котором рассказывал Сталин, тоже относящийся к концу войны, когда немцы были уже приперты нашими войсками к стене капитуляции и не могли оказывать сопротивления, должны были слагать оружие и сдаваться в плен. Многие из них не хотели сдаваться в плен нашим войскам и двинулись на запад с тем, чтобы сдаться американцам. Опять последовало обращение Сталина к Эйзенхауэру: было сказано, что советские войска проливали кровь, разгромили врага, а противник, который стоит перед нашими войсками, сдается в плен американцам: это несправедливо. Эйзенхауэр приказал тогда не брать немцев в плен (кажется, это было в Северной Австрии, где у нас наступал Малиновский) и предложил командующему германскими силами сдаться в плен русским, так как именно русское оружие победило его армию. Так и получилось.

Сталин рассказывал также, что он обратился с аналогичной просьбой к Черчиллю. На участке в Северной Германии, который занимал Монтгомери, немцы тоже убегали от войск Рокоссовского к англичанам. Сталин попросил, чтобы их англичане не брали в плен и вынудили сдаться нашим войскам. «Ничего подобного! — возмущался Сталин. — Монтгомери забрал себе их всех и забрал их оружие. Так наши войска разбили немцев, а результат разгрома пожинал Монтгомери». И Эйзенхауэр, и Монтгомери — оба представители буржуазного класса. Но они решили по-разному и по-разному соблюдали принципы партнерства, договоренности, слова, чести. Когда я имел дело с Эйзенхауэром, то всегда передо мной как бы стояли его былые действия. Я помнил слова, сказанные Сталиным, и верил им. Ведь Сталина заподозрить в симпатиях к кому-либо никак было нельзя. В классовых вопросах он был неподкупен и непримирим. Это у него была очень сильная политическая черта, за которую он пользовался среди нас большим уважением.

Под конец войны Сталин очень беспокоился, как бы американцы не перешли через линию разграничения союзных войск. Я уже говорил, что против нас было организованное

сопротивление немцев, а американцы спокойнее наступали и легко пересекли линию разграничения. Сталин сомневался, уступят ли они, сдержат ли слово, данное Рузвельтом. Они ведь могли сказать, что их войска останутся там, куда вышли, и это будет теперь разделительная граница оккупационных районов. Но нет, американцы отвели свои войска назад и расположили их по линии, которая была намечена в Тегеране, еще до победы над Германией. Это тоже свидетельствует о порядочности Эйзенхауэра. Из таких вот фактов складывалось хорошее отношение Сталина к Эйзенхауэру. Поэтому Сталин и пригласил Эйзенхауэра на Парад Победы и выразил наше признание его заслуг награждением его высшим военным орденом СССР — «Победы». Это очень высокая награда. Правда, тем же орденом был награжден фельдмаршал Монтгомери. Но в данном случае налицо формальное выполнение нашего долга по отношению к союзнику, потому что англичане тоже награждали наше начальство своими орденами. Здесь имела место лишь официальная взаимность, а Эйзенхауэра Сталин выделял особо.

Ошибка Сталина и Молотова

Говоря о войне, хочу еще сказать о победе над Японией, о том, как непросто складывались послевоенные отношения с этой страной. Потерянные в результате Русскояпонской войны 1904–1905 гг. права на собственность в Маньчжурии и Корее вернулись к нам. Та война закончилась поражением царской России, и Япония навязала, как известно, кабальный мирный договор. Соответствующие пункты, касающиеся нас, были включены сначала в текст Сан-францисского мирного договора с Японией, но без учета всех предложений СССР, и мы в 1951 г. не подписали его. Очень трудно, на мой взгляд, найти какую-то логику в нашем подходе к заключению мирного договора. Имело значение одно: нам нужно было признать, что главные усилия для разгрома Японии были приложены США. Этот факт понятен каждому знающему факты и мыслящему человеку. В результате вероломного нападения со стороны Японии именно США понесли главные потери, хотя были затронуты также интересы Англии, Нидерландов и других стран европейских колонизаторов: Япония захватила некоторые колонии этих стран. Не нам переживать за это. Что касается нас, то на протяжении всего времени вплоть до Второй мировой войны Япония проводила враждебную политику в отношении СССР. И не только враждебную, а наглую, вымогательскую, нетерпимую. Мы же тем не менее вынуждены были терпеть. Кроме того, мы понимали, что дело не только в Японии: милитаристская Япония действовала на Востоке, нацистская Германия — на Западе. Надо было вести дипломатическую игру, лавировать, чтобы обеспечить мир и не вызвать противников на войну. Нельзя было допустить войну СССР на два фронта: на Западе и на Востоке. Мы были тогда еще слабы для такой войны. Даже в 1945 г. мы соблюли трехмесячный интервал. Впрочем, я никогда не слышал от Сталина (он не рассказывал этого при мне), как конкретно был оформлен договор СССР с союзниками о нашем участии в войне против Японии после разгрома гитлеровской Германии.

Когда этот момент наступил, наши войска перешли маньчжурскую границу. Главнокомандующим этими войсками был назначен Василевский. Фронтами руководили Малиновский, Мерецков, Пуркаев. Больше других дали войск Малиновскому. И мы разгромили Квантунскую армию Японии. Правда, после того, как Япония уже была, собственно, разбита, ибо на нее были сброшены американцами две атомные бомбы. Япония металась в предсмертной агонии и искала возможность как-нибудь выйти из

войны. Буквально в последний месяц событий и мы включились в войну с нею. Я присутствовал в Москве при разговоре, когда Сталин торопил военачальников как можно скорее начать операции против Японии, иначе она капитулирует перед США и мы не успеем включиться в войну. У Сталина были тогда сомнения, станут ли американцы держать данное ими ранее слово. Думал, что могут и не сдержать. Обговоренные между нами условия были таковы: мы получаем территории, которые были отторгнуты от России Японией в войне 1904–1905 гг., если сейчас станем участвовать в этой войне с Японией. А если не будем участвовать? Если еще до нашего вступления в войну Япония капитулирует? Складывается другая ситуация, так что американцы могут пересмотреть обязательства, которые они нам дали. Скажут: вы не участвовали, и мы вам ничем не обязаны.

Если бы оставался жив президент Рузвельт, у Сталина было бы больше надежд. Рузвельт был умным руководителем и считался с Советским Союзом. С ним Сталин не раз делал дела, и у них сложились, как говорил сам Сталин (видимо, так оно и было), хорошие личные отношения. Они были куда лучше, чем взаимоотношения с другим нашим союзником Великобританией и лично с ее лидером Черчиллем. Но Рузвельта летом 1945 г. уже не было в живых, он умер весной, а войну с Японией завершал Трумэн. Трумэн был неумный человек и стал случайно президентом. Он вел разнузданно-реакционную политику, а в отношении Советского Союза его политика стала потом просто нетерпимой.

Когда Япония капитулировала, я сейчас точно не могу вспомнить, но наш представитель, кажется, в этом не принимал участия, он прибыл только на официальнопарадную церемонию подписания капитуляции. И это не случайно. Мы ведь не воевали на тихоокеанских островах, если не говорить о Сахалине и Курилах; наших войск там никогда не было. Наши претензии на решение послевоенной судьбы Японии вызвали раздражение союзников по отношению к нам, а Сталин, переоценивая свои возможности, отвечал им той же неприязнью. Одним словом, отношения с США начали портиться. Нас нередко игнорировали, с нами порою не считались, нас пытались третировать. Первым третировал нас Трумэн. Это вытекало из его характера и умственных способностей.

Умный президент не вел бы себя так вызывающе и не восстанавливал бы Советский Союз против Соединенных Штатов Америки.

//_ * * * _//

Что касается территорий, то американцы, нужно отдать им должное, сдержали свое слово. Когда проект мирного договора с Японией был составлен, мы тоже получили там место для подписи. Соблюдение наших интересов было предусмотрено, как и оговаривалось ранее протоколом, подписанным еще Рузвельтом. Нам надо было подписать этот договор.

Я не знаю, что сыграло главную роль в нашем отказе: самолюбие Сталина, гордость за наши успехи во Второй мировой войне или то, что Сталин переоценил свои возможности и влияние на ход событий. Но он закусил удила и отказался подписать договор. Кому была выгода от нашего отказа? Правда, мы фактически территории Южного Сахалина и Курильских островов получили. Наши войска стояли там, реализация соответствующих пунктов договора как бы уже произошла. Но юридического подтверждения она не обрела и не была закреплена в мирном договоре. Раз мы не подписали договор, то и не сумели воспользоваться им для закрепления принятых решений.

Сталин был недоволен, и справедливо недоволен, политикой Трумэна. Но одно дело быть недовольным и другое — совершать неправильные действия, которые наносят вред нашему государству. Нас пригласили подписать мирный договор с Японией, а мы отказались. Сложилась неясная обстановка, которая тянется до сих пор. Мне лично это совершенно непонятно. Тогда было непонятно и сейчас непонятно. Сталин не советовался с нами, да и вообще не считался с другими людьми. Он был слишком самоуверен. Тем более после разгрома нами гитлеровской Германии. Тут, как раньше говорилось, он изображал лихого казака Кузьму Крючкова. Люди младшего поколения могут не знать этого газетного героя. Во время Первой мировой войны был создан армейский герой. Донской казак Кузьма Крючков. Изображали на иллюстрациях в журналах и газетах, как он поднимал на пику сразу по 10 немцев. Лучше бы Сталин изображал не его, а Василия Теркина, известного героя поэмы Твардовского, если уж искать аналогию, а не точное сравнение. А Сталин изображал именно Кузьму Крючкова. Ему море по колено, ему все нипочем. Что захочет, то, дескать, и получит. Но в то время война уже кончилась.

Главный враг, для разгрома которого мы были нужны Западу, был разбит. Теперь Запад начал уже мобилизовывать и сплачивать свои силы против Советского Союза. И когда мы отказались подписать мирный договор с Японией, это не только не огорчило былых союзников, но оказалось для них выгодным.

А если бы мы дали ранее правильную оценку сложившихся после разгрома японского милитаризма условий и подписали бы

мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учетом наших интересов, мы бы сразу открыли в Токио свое представительство, создали посольство. Наши люди имели бы контакты с японцами на новой основе. Наше влияние как-то возросло бы. Думаю, что в те дни, когда только что был подписан мирный договор, существовали более хорошие условия установления контактов с прогрессивной общественностью в Японии и доведения сути нашей политики до сознания ее общественности, чем сейчас. Главной силой, которая разгромила Японию и разрушила ее военщину, были США. Но своими действиями они нанесли материальный и моральный ущерб Японии, особенно в результате применения атомных бомб. Это было первое в истории такого рода зверство, совершенное против человечества! А мы не использовали тогда выгодный момент, сами себя изолировали и тем самым позволили агрессивным силам США натравить японцев против Советского Союза. После того как наши представители удалились из Японии, много лет мы не имели там никаких представителей. Это большая потеря. Мы сами, проявив тупость, непонимание, создали наилучшие условия для антисоветской пропаганды со стороны врагов как внутри Японии, так и в США. Огромный пропагандистский аппарат, находившийся на Японских островах, был нацелен против Советского Союза. Так поплатились мы за проявленное нами совершенно необъяснимое упорство. Я и сейчас толком не пойму, чем оно было вызвано.

//_ * * * _//

Хочу теперь рассказать, как мы решили ликвидировать это наследие сталинских времен, убрав осколки ошибочной политики. Эту политику Сталин строил вместе с Молотовым. Внешнеполитические взгляды Сталина и Молотова — это все равно, что взгляды Молотова и Сталина. Кто у них был первой скрипкой? Безусловно, Сталин. Но Молотов вторил ему, как мог, во весь голос. Между прочим, Молотов — скрипач.

Я не могу оценить, насколько хорошо он играл на скрипке, но слышал, как он играл. Сталин иной раз подтрунивал над ним в этой связи, иногда просто издевался. Когда Молотов был до революции в ссылке в Вологде или еще где-то (Молотов сам про это рассказывал, а я был слушателем), то пьяные купцы в ресторан зазывали его. Он играл им на скрипке, а они ему платили. Молотов говорил: «Вот был заработок». Сталин же, когда раздражался, бросал Молотову: «Ты играл перед пьяными

купцами, тебе морду горчицей мазали». Тут я тоже, признаюсь, был больше на стороне Сталина, потому что считал, что это унижало человека, особенно политического ссыльного. Тот играет на скрипке и ублажает пьяных купцов! Можно ведь было поискать пути материального самообеспечения и другим трудом. Ну, ладно, это попутно.

Итак, когда я поднял вопрос о ненормальном положении с Японией, то разговаривал с Микояном, Булганиным, Маленковым и другими. Все мы в этом вопросе оказались едины: надо искать пути, как поставить свои подписи под мирным договором и таким способом официально ликвидировать состояние войны СССР с Японией. Мы хотели иметь возможность послать в Токио посольство, которое проводило бы необходимую работу в Японии. Только Молотов проявил непонимание, выказал запальчивость и резкость, такие же, как при заключении мирного договора с Австрией: «Как же так? Они и того не сделали, и этого не сделали… Поэтому и мы не можем!». Одним словом, повторял все аргументы, которыми прежде руководствовался Сталин, когда отказался поставить нашу подпись под мирным договором. Мы Молотова убеждали: «Вячеслав Михайлович, поймите же, чего сейчас мы можем добиться в создавшемся положении? Какое может быть наше влияние в Японии? Поправить пройденное невозможно, старое ушло невозвратимо. Единственное, что еще можно поправить, — добиться, чтобы приняли нашу подпись к протоколу мирного договора. Тогда все встанет на должное место». Мы ведь, собственно, получили все, что было предусмотрено протоколом. Наши интересы фактически учтены, и мы это уже реализовали. Осталось единственное: мы все еще находимся юридически в состоянии войны с Японией. Нет ни японского посольства в Москве, ни нашего в Токио. Кому выгодно наше отсутствие в Токио? Надо же понимать, что выгодно это только США. Они господствовали и ныне господствуют в Японии. Наше возвращение будет выгодно прогрессивным японцам, а невыгодно американцам. Сразу же, как только наше посольство появится в Токио, оно, как магнит, станет притягивать силы, недовольные реакционной политикой. Так мы начали бы оказывать влияние на политику Японии. Ведь в Японии, естественно, существует большое недовольство американцами. Достаточно вспомнить о Хиросиме и Нагасаки! Больные люди, которые облучились, но остались еще живы. Мертвые, конечно, недовольство выражать не могут. А их родственники? Японцы ничего не могли тут поделать, потому что были обессилены. Американцы после войны вели себя в Японии нагло, их солдаты проявляли грубость и насилие, всяческие художества. Да и сейчас

это еще случается. «Поэтому, — говорил я, — если мы будем упорствовать, отказываться от поиска контактов и возможностей подписать мирный договор, который нас устраивает, то это подарок лишь американцам. Им и желать более нечего от нас, это самое лучшее: мы будем выражать недовольство, а им предоставим абсолютную свободу действий в проведении политики. Они восстанавливали Японию в еще большей степени против СССР, указывая, что советские захватили то-то и то-то, но не подписали мирный договор; видимо, имеют еще какие-то намерения… А никаких других особых намерений даже у Сталина не было!».

Вот с какими трудностями столкнулись мы и какую оппозицию встретили со стороны Молотова. Но она не вызывала у нас гнева, а мне было просто жаль Молотова. Я недоумевал: как же это можно? И этот человек при Сталине занимался вопросами дипломатии? Представлял столько лет нашу внешнюю политику в самых ответственных ситуациях? Был наркомом иностранных дел и даже главой правительства? И такая ограниченность, такое непонимание простейших вещей? Да, ограниченность. Я и сам удивляюсь, откуда такое? Если с ним просто о чем-то разговаривать (а у меня даже дружеские отношения сложились ранее с Молотовым), то видно, что умный человек. Поговорить с ним доставляло мне удовольствие. О хороших отношениях, сложившихся у нас с Молотовым, свидетельствует и такой факт. Я всегда называл его на «Вы»: «Вячеслав Михайлович, Вы». А он мне как-то говорит: «Слушай, давай перейдем на «ты»? Будем называть друг друга по имени и перейдем на «ты». Я первое время испытывал какую-то неловкость. Потом привык. Он особенно хорошо был расположен ко мне после устранения Берии. Когда был дан обед в честь моего 60-летия в кругу руководства страны, то Молотов произнес там в мой адрес очень дружескую речь, причем особенно подчеркивал мою роль и заслуги в организации устранения Берии.

Не хочу играть в скромность, но скажу, что устранение Берии было проведено своевременно. Если бы мы не сделали этого, то совершенно по-другому направлению развивались бы все события внутренней и международной политики Советского Союза. Этот изверг и палач расправился бы со всеми нами, и он уже был близок к такой расправе. Все убийцы, которые выполняли его тайные поручения, были уже собраны им в Москве и, видимо, успели получить или должны были получить задания. После ареста Берии эти люди были названы нам пофамильно. Я сейчас их фамилий не помню. Те события очень сблизили нас, потому что Молотов хорошо понимал Берию и знал, на что тот способен.

Понимал, что, начни Берия действовать, головы Молотова и Хрущева полетели бы в первую очередь. Эти головы Берии надо было снять, чтобы развязать себе руки. Было бы пролито море крови, еще больше, чем при Сталине.

//_ * * * _//

Я отвлекся, чтобы рассказать, какие у меня были хорошие, не просто доверительные, а даже дружеские отношения с Молотовым. Поэтому у меня лично не было никаких причин быть недовольным Молотовым. Но факты политики, столь разное понимание простых вещей, истин для каждого, даже не искушенного в политике человека меня обескураживали. Казалось, и другого выхода-то нет, нельзя найти другого решения. Конечно, лишь единственное решение бывает полностью разумным, но могут быть и компромиссные решения. Компромисс с учетом условий, в которых может быть проведено единственно правильное решение. В данном же случае заключение мирного договора вообще не требовало никакого компромисса. Отказ- это затемнение мозгов и проявление тупоумия. В конце концов мы стали предпринимать дипломатические шаги к установлению контактов с японским правительством. Нельзя было обойти США при этом, потому что протокол-то находился там и от США зависела возможность подписания договора. Когда мы сообщили, что хотим подписать мирный договор, США отказались. Ведь протокол был составлен руками Америки, и там наша подпись была, как говорят канцеляристы, уже заделана. Надо было только расписаться. Но нам в этом отказали.

Японцы тоже вели линию против нашего подписания. Я говорю о японцах, проводивших антисоветскую политику. Тогда именно они были у власти, те, которые были угодны США. Америка фактически определяла подбор людей и комплектование ими высших государственных органов в Японии и оказала решающее влияние на японскую позицию. Естественно, японцы стали бороться против пунктов мирного договора, фиксирующих переход Курильских островов и Южного Сахалина к Советскому Союзу, а также против прочих выгод, которые предусматривались в нашу пользу. Вот почему мы так и не получили возможности подписать договор. Не захотели нашей подписи ни японское правительство, ни американское. Какую позицию занимала по этому вопросу Англия, у меня не отложилось в памяти. Видимо, занимала подчиненную позицию, не решающую. Антисоветская

политика по японскому вопросу в это время определялась США. А у нас отношения с США были тогда обострены до невозможности.

Казалось бы, простое дело: исправить ошибку, которая была совершена Сталиным и Молотовым, проявить желание подписать мирный договор с Японией и подписать его? На деле же оказалось, что одного нашего желания мало. И это было понятно. Почему? Да потому, что недругам было выгодно, чтобы мы не имели советского посольства в Токио, не имели возможности оказывать влияние на японские общественность и правительство. Напротив, США развернули активную деятельность по закреплению своих позиций в Японии. Были подписаны договоры о военных базах. В резкой форме подтверждалось пребывание американцев на территории Японии. После войны еще не остыли страсти, и США наслаждались победой над Японией, а в 50-е годы Япония уже сама прикрывалась силами США от Советского Союза. Главным врагом Японии стал Советский Союз. Вот как обернулось дело!

Когда Молотов по вопросу о подписании мирного договора с Японией буквально становился на дыбы, я его абсолютно не понимал, смотрел на него и думал: «Что такое? Почему?». Потом, после принятия нами решения, Молотов уже не возражал. Ведь существовало партийное решение. Но понял ли он сам суть дела или нет? Я никогда не возвращался позднее к тем неприятным разговорам. Такой опытный дипломат, каким мы его считали, и вдруг оказал нашей стране медвежью услугу. Мы же пресекли это, решив по-своему. А теперь жизнь показала, что мы поступали правильно, хотя нам и не предоставили возможности подписать мирный договор. Мы подписали декларацию о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Японией, и только. Юридически это можно толковать как перемирие. Конечно, лучше, если бы мы имели подписанный нами мирный договор. Правда, сейчас наши отношения нормализовались и развиваются так, как развивались бы, если бы был подписан мирный договор, но юридическая сторона дела остается прежней.

//_ * * * _//

Итак, мы создали в Токио свое посольство и получили тут равные права с другими странами, которые находятся в состоянии мира с Японским государством. Таким образом, было восстановлено нормальное положение, стали хорошо развиваться различные контакты, даже очень хорошо, я бы сказал. Сейчас забыл фамилию японского премьер-министра той поры,

либерального человека. Когда он пришел к власти, то приехал к нам, в Советский Союз. С ним приезжал, кажется, еще министр земледелия и рыболовства, не старый, можно даже сказать — молодой человек, и очень активный. У нас состоялись переговоры относительно возможности подписать все-таки мирный договор с Японией. Я нетвердо сейчас помню, говорилось ли об этом с премьер-министром или же с министром, хотя и очень влиятельным. Вспоминаю, но не могу восстановить это в своей памяти, а к газетному источнику сейчас не в состоянии обратиться.

Повели мы переговоры. Премьер проявлял много внимания к делу и прилагал все усилия к тому, чтобы нормализовать отношения с СССР. Во время его визита японской стороной был поднят также вопрос об уступке нами двух небольших Курильских островов, непосредственно прилегающих к Японским островам. Мы долго совещались тогда в руководстве СССР и пришли к выводу, что стоит пойти навстречу желаниям японцев и согласиться с передачей этих островов (сейчас не помню их названий), но при условии подписания мирного договора Японии с СССР и выведения войск США с Японских островов. Иначе было бы непонятно, просто глупо передавать эти острова такой Японии, которая сама фактически находится под оккупацией. Несмотря на подписание мирного договора, она как бы оккупирована войсками США. Мы бы передали острова японцам, а США превратили бы их в свои военные базы. Мы хотели одного, а получили бы другое. И поэтому мы сказали: «Поймите, что мы не можем выполнить вашу просьбу. Когда будут выведены американские войска и прекратится действие военного союза Японии с США, направленного против СССР, тогда можно будет говорить о передаче вам островов».

Хочу сказать еще несколько слов, чтобы было понятно, почему мы решили пойти в те годы на уступку Японии, точнее — тому премьеру, который приехал к нам и проводил политику сближения и дружбы с Советским Союзом. Мы считали, что такая уступка не имеет особого значения для СССР. Там лежат пустынные острова, которыми пользовались только рыбаки и военные. Оборонного значения при современной военной технике эти острова тоже не имеют. Когда мы получили ракеты, которыми можно поражать врага на тысячи километров, острова утратили значение, которое они имели ранее для береговой артиллерии. Экономического значения они тоже никакого не имеют. По-моему, и никаких полезных ископаемых там не было найдено. Зато дружба, которую мы хотели завоевать со стороны японского народа, наша взаимная дружба имела бы колоссальное значение.

Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы теми новыми отношениями, которые сложились бы между народами Советского Союза и Японии.

Мы хотели усилить влияние этого премьера в японской внутренней и международной политике, считали, что она должна развиваться в сторону укрепления дружеских отношений с Советским Союзом. Вот главное, чем мы руководствовались, когда решали этот вопрос. Я и сейчас полагаю, что это было правильное решение, что оно сыграет полезную роль, если мы будем и дальше развивать политику мирного сосуществования и крепить дружбу с Японией.

Антисемитизм Сталина

Крупным недостатком Сталина являлось неприязненное отношение к еврейской нации. Он как вождь и теоретик в своих трудах и выступлениях не давал даже намека на это.

Боже упаси, если кто-то сослался бы на такие его высказывания, от которых несло антисемитизмом. Внешне все выглядело пристойно. Но, когда в своем кругу ему приходилось говорить о каком-то еврее, он всегда разговаривал с подчеркнуто утрированным произношением. Так в быту выражаются несознательные, отсталые люди, которые с презрением относятся к евреям и нарочно коверкают русский язык, выпячивая еврейское произношение или какие-то отрицательные черты. Сталин любил это делать, и выходило у него типично.

Помню, в начале 50-х годов возникли какие-то шероховатости, что-то вроде волынки, среди молодежи на 30-м авиационном заводе. Доложили об этом Сталину по партийной линии. И госбезопасность тоже докладывала. Зачинщиков приписали к евреям.

Когда мы сидели у Сталина и обменивались мнениями, он обратился ко мне как к секретарю Московского горкома партии: «Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют этих евреев». Я присутствовал там не один: были еще Молотов, Берия, Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний никогда себе не позволял. Слушаю я его и думаю: «Что он говорит? Как это можно?».

В детстве, живя в Донбассе, я был свидетелем еврейского погрома. Шел я из школы (а я ходил в школу с рудника, где работал отец, версты за четыре). Был хороший солнечный осенний день. Случается в Донбассе такое бабье лето: как снег, летит белая паутина. Красивое время. Мне с товарищами повстречался извозчик на дрогах, остановился и заплакал: «Деточки, что делается в Юзовке!». Мы не знали, кто он такой и почему он нам стал вдруг говорить, что там происходит. Мы ускорили шаг. Как только я пришел домой и бросил сумку с тетрадками, то побежал в Юзовку. От нас до нее было несколько верст. Когда я прибежал туда, то увидел много народу на железнодорожных путях. Там стояли большие склады с железной рудой. Ее привозили про запас из Криворожья и сваливали, готовили на зиму, чтобы не происходило перебоев в работе домен. Возникла естественная преграда пути. Через нее прокладывали тропы: карабкались по ней шахтеры, когда ходили

в Юзовку на базар и преодолевали гору красной руды. На горе стояла толпа.

Смотрю, прибыли казаки, заиграл рожок. Я никогда прежде не видел войск, это было для меня в новинку. Как заиграл рожок, тут рабочие из бывалых солдат заговорили, что дан сигнал приготовиться к стрельбе, сейчас будет залп. Народ хлынул на другую сторону склона. Солдаты же не пропускали в город рабочих.

Прогремел залп. Кто кричал, что стреляют вверх, кто кричал, что стреляют холостыми и только для острастки, но какие-то солдаты стреляют боевыми патронами. Орали, кто как мог. Потом наступила пауза, и народ опять хлынул на солдат. Уже поздно вечером люди разошлись. Я слышал потом разговоры рабочих с нашей шахты, которые попали в Юзовку. Они рассказывали, как там грабили евреев, и сами приносили какие-то трофеи: кто-сапоги, целый десяток, кто- платье. Другие рассказывали, как пошли толпой евреи с какими-то знаменами и несли на себе своего царя! Их встретили русские с дубинками. Тут еврейский царь спрятался в кожевенном заводе. Завод подожгли. Он действительно сгорел. А в нем, дескать, сгорел их царь. Столь примитивное понимание дела отсталыми рабочими было использовано черносотенцами и полицией, которые натравливали рабочих на евреев.

На второй день прямо из школы я побежал в Юзовку: посмотреть, что там делается? Никто никого не задерживал, народ валил по всем улицам местечка. Грабили. Я видел разбитые часовые магазины, много пуха и перьев летало по улицам. Когда грабили еврейские жилища, то распарывали перины, а пух выбрасывали. Шла старушка и тащила железную кровать. Этой же улицей шли солдаты. Один солдат подскочил: «Бабушка, я тебе помогу». И помог ей нести чужую кровать. Пронесся слух, что имелся приказ: три дня можно делать с евреями что угодно. И целых три дня такому грабежу не оказывалось никаких препятствий. Я услышал, что много побитых евреев лежит в заводской больнице, и решил со своим дружком сходить туда. Пришли мы с ним и увидели ужасную картину: лежало много трупов в несколько рядов. Только через три дня власти начали наводить порядок, и погром был прекращен. Никаких преследований грабителей не было. Действительно, три дня были предоставлены громилам-черносотенцам, и никаких последствий ни грабежи, ни убийства не имели.

Потом многие рабочие опомнились, поняли, что тут была провокация. Они разобрались, что евреи вовсе не враги рабочих, что среди евреев есть участники и лидеры рабочих забастовок.

Главные политические ораторы были тогда из еврейской среды, и их охотно слушали рабочие на митингах. А когда поздней осенью я уезжал в деревню вместе с братом отца Мартыном, который работал на шахте и с которым мать и отец отправили меня (они тяготели к земле, у них сохранилась мечта вернуться в деревню, заиметь свою хату, лошадь, полоску и стать «хозяевами»), я во второй раз с отцовского рудника вернулся к деду в Курскую губернию. Уехал в деревню как раз тогда, когда в Донбассе начались забастовки, развевались красные флаги и проходили митинги. Возвратился я из деревни, и мне рассказали о местных событиях, называли даже фамилии активистов, в абсолютном большинстве евреев. Об этих ораторах отзывались очень хорошо, тепло. То есть уже после того, как рабочие были одурачены и часть их участвовала в погроме, они стыдились того, что произошло, стыдились, что допустили погром и не приняли надлежащих мер, не противостояли черносотенцам и переодетой полиции, которая организовала погром. Это было позором.

//_ * * * _//

И вот теперь, когда Сталин сказал, что надо дубинками вооружить рабочих и побить евреев, а потом мы вышли, Берия иронически говорит мне: «Ну что, получил указания?». «Да, — отвечаю, — получил. Мой отец был неграмотный, но он не участвовал в погромах, это считалось позором. А теперь мне, секретарю ЦК партии, дана такая директива». Я-то знал, что хотя Сталин и дал прямое указание, но если бы что-либо такое было сделано и стало бы достоянием общественности, то была бы назначена комиссия и виновных жестоко наказали.

Сталин не остановился бы ни перед чем и задушил бы любого, чьи действия могли скомпрометировать его имя, особенно в таком уязвимом и позорном деле, как антисемитизм. После войны Сталин часто заводил подобные разговоры, мы к ним привыкли. Слушали, но не запоминали и ничего не делали в этом направлении.

Однажды к Сталину приехал Мельников, избранный после меня секретарем ЦК Компартии Украины. Коротченко тоже с ним был. Сталин пригласил их к себе, на «ближнюю» дачу. Он их усиленно там спаивал и достиг цели. Эти люди в первый раз были у Сталина. Мы-то знали его. Он всегда спаивал свежих людей. Они охотно пили, потому что считали за честь, что их угощает сам Сталин. Но здесь главное заключалось не в проявлении гостеприимства: Сталину интересно было напоить их до такого

состояния, чтобы у них развязались языки и они болтали все то, что в трезвом виде, подумав, никогда бы не сказали. У них, действительно, развязались языки, и они начали болтать.

Я сидел и нервничал: во-первых, я отвечал за Мельникова; это я его выдвигал. А уж о Коротченко и говорить было нечего. Я его знал как честного человека, но довольно ограниченного. Сталин тоже знал его, но за стол у Сталина Коротченко попал в первый раз. В то время Сталин уже не обходился без антисемитизма и начал высказываться в этом духе. Он попал на подготовленную почву внутренней готовности у Мельникова. Они с Коротченко пораскрывали рты и слушали вождя. Кончился обед, мы разъехались. Те двое убыли на Украину.

Когда я перешел работать в Москву, состоялось решение Политбюро ЦК, что я должен наблюдать за деятельностью ЦК КП(б)У. Мне присылали все украинские газеты. Я просматривал центральные органы печати, а мои помощники докладывали мне обо всем, что заслуживало внимания в других изданиях. Вскоре после упомянутого обеда мой помощник Шуйский приносит мне украинскую газету и показывает передовую. В ней критиковались какие-то недостатки и назывались конкретные люди, человек 16. И все фамилии были еврейскими. Я возмутился: как можно допускать такое? Тут я сразу догадался, откуда ветер дует. Мельников и Коротченко поняли как указание ту критику, которую Сталин высказал при них в адрес еврейской нации, и начали конкретные действия. Стали искать конкретных носителей недостатков и использовали газету. Ведь если вести борьбу, то уж вести ее надо широким фронтом, мобилизовать партию и массы.

Я тут же позвонил Мельникову: «Прочел вашу передовую. Как вам не стыдно? Как вы посмели выпустить газету с таким содержанием? Ведь это же призыв к антисемитизму. Зачем вы это делаете? Имейте в виду, если Сталин прочтет эту передовую, то не знаю, как она обернется против вас- секретаря ЦК на Украине. Центральный Комитет КП(б)У проповедует антисемитизм! Как вы не понимаете, что тут материал для наших врагов. Враги используют это позорное явление: Украина поднимает знамя борьбы с евреями, знамя антисемитизма». Он начал оправдываться. Потом разрыдался. Я говорю: «Если и дальше так будет продолжаться, то я сам доложу Сталину. Вы неправильно поняли Сталина, когда были у него на обеде». Я, конечно, тоже тут рисковал, потому что не имелось гарантии, что телефонные разговоры не подслушиваются. Не был я уверен и в том, что Мельников сам не напишет Сталину про то, что Хрущев дает указания, противоречащие тем, которые он получил от Сталина,

когда находился у него на «ближней». Сталин, видимо, мне бы этого не спустил.

//_ * * * _//

Вскоре моя супруга Нина Петровна получила из Киева письмо и рассказала мне такую историю. В Киеве есть клиника для детей, больных костным туберкулезом. Возглавляла эту клинику профессор Фрумина. Она часто бывала у нас на квартире, когда мой сын Сергей болел костным туберкулезом, и очень много приложила усилий к тому, чтобы вылечить его. Сейчас у Сергея никаких признаков болезни нет, он выздоровел полностью. Приписывали это главным образом Фруминой. Был тогда еще один видный специалист по костному туберкулезу в Ленинграде, и мы попросили его совета насчет лечения. Он тогда сказал Нине Петровне: «Что же вы ко мне обращаетесь? У вас есть Фрумина в Киеве. Лучше ее это дело никто не знает». Теперь в своем письме Фрумина сообщала, что ее уволили с формулировкой о несоответствии занимаемой должности.

Я возмутился и позвонил опять Мельникову: «Как вы это могли допустить? Уволить заслуженного человека, да еще с такой формулировкой. Сказать, что она не соответствует по квалификации. Вот такой-то академик медицины говорит мне, что лучше ее никто не знает костного туберкулеза. Кто же мог дать другую оценку и написать, что она не соответствует занимаемому положению?». Он опять начал оправдываться, ссылаться на кого-то. Всегда в таких случаях найдутся люди, которые подтвердят, что все сделано правильно. Я ему: «Вы позорите звание коммуниста». Не помню, чем дело кончилось. Кажется, восстановили врача в должности. Но это был позорный факт.

А что сказать о жестокой расправе с заслуженными людьми, которые подняли вопрос о создании еврейской автономии в Крыму? Да, это было неправильное предложение. Но так жестоко расправиться с ними, как расправился Сталин? Он мог просто отказать, разъяснить людям, и этого оказалось бы достаточно. Нет, он физически уничтожил всех, кто активно поддерживал их документ. Только Жемчужина выжила каким-то чудом и отделалась долголетней высылкой. Безусловно, такая акция стала возможна только в результате внутренней деятельности бациллы антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. Произошла расправа с Михоэлсом, величайшим артистом еврейского театра,

человеком большой культуры. Его зверски убили, убили тайно, а потом наградили его убийц и с честью похоронили их жертву, уму непостижимо! Изобразили, что он попал под грузовую автомашину, а он был подброшен под нее. Это было разыграно артистически. А кто сие сделал? Люди Берии и Абакумова по поручению Сталина.

Таким же образом хотели организовать убийство Литвинова. Когда подняли ряд документов после смерти Сталина и допросили работников МТБ, то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. Есть там такая извилина при подъезде к его даче, и именно в этом месте хотели совершить покушение. Я хорошо знаю это место, потому что позднее какое-то время жил на той самой даче. К убийству Литвинова имелось у Сталина двоякое побуждение. Сталин считал его вражеским, американским агентом, как всегда называл все свои жертвы агентами, изменниками Родины, предателями и врагами народа. Играла роль и принадлежность Литвинова к еврейской нации. Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму.

Последние годы Сталина

После Великой Отечественной войны с каждым годом становилось заметнее, что Сталин слабеет физически. Особенно заметно сказывалось это в провалах его памяти. Иной раз сидим за столом, и он, обращаясь к человеку, с которым общался десятки, а может быть и больше, лет, вдруг останавливается и никак не может припомнить его фамилию. Он очень раздражался в таких случаях, не хотел, чтобы это было замечено другими. А это еще больше стимулировало угасание его человеческих сил. Помню, однажды обратился он к Булганину и никак не мог припомнить его фамилию. Смотрит, смотрит на него и говорит: «Как ваша фамилия?»- «Булганин». — «Да, Булганин!» — и только тут высказал то, что и хотел сначала сказать Булганину. Подобные явления повторялись довольно часто, и это приводило его в неистовство.

Свое зло он вымещал потом на лицах, которые работали с ним, прошли вместе большой путь и, к сожалению, явились также свидетелями неповинной гибели многих честных людей. Такие лица, как Булганин и Маленков, наверное, многого не знали. Они действовали, помогали развитию пагубного процесса, но действовали как бы вслепую. Корни были делом рук Сталина, и все материалы насчет необходимости расширения «мясорубки» и приводились им лично, и оформлялись, и объяснялись тоже им лично.

Такие пояснения обосновывали необходимость этих мероприятий якобы в интересах революции, закрепления ее завоеваний и продолжения дела строительства социализма. Одним словом, все объяснялось весьма благими намерениями. Не знаю, был ли Сталин сам, хотя бы частично, введен в заблуждение. Яжев этом сомневаюсь, ибо чувствую и знаю, вспоминая его фразы и различные высказывания, что это делалось им сознательно, с целью исключить возможность появления в партии каких-то лиц или групп, желающих вернуть партию к ленинской внутрипартийной демократии, повернуть страну к демократичности общественного устройства. Он этого не допускал. К людям он относился, как Бог, который их сотворил, относился покровительственнопренебрежительно. Бог сотворил первого человека из глины, как нас учили в детстве согласно Библии. Поэтому какое же уважение может быть к глине? Сталин говорил, что народ — навоз, бесформенная масса, которая идет за сильным. Вот он и показывал эту силу, уничтожая все, что могло давать какую-то пищу истинному пониманию событий, толковым

рассуждениям, которые противоречили бы его точке зрения. В этом и заключалась трагедия СССР. И именно это совпадало с предупреждением Ленина, что Сталин — человек нетерпимого характера и способен злоупотреблять властью. Сколько уже раз я это повторяю! У меня эти слова все время остаются в памяти. Какое же это было ленинское предвидение! И как глупо поступила наша партия, не послушав его и не сделав должного вывода на первом же после-ленинском пленуме своего ЦК или хотя бы на съезде. Истории оказалось угодно, чтобы партия и советский народ прошли путь строительства социализма через трагедию сталинского времени.

Помню, как Сталин отдыхал в последний раз в Новом Афоне. Это был 1951 г. (знаю это, потому что в 1952 г. он в отпуск не ездил, а раз Сталин не поехал, то и из руководства тоже никто не ездил в отпуск, а в 1953 г. он умер; следовательно, то был 1951 г.). Он пригласил меня, как часто случалось и раньше, к себе. Я тогда отдыхал, кажется, в Сочи, оттуда приехал к нему в Новый Афон, и мы затем отдыхали вместе. Потом он позвонил Микояну, который отдыхал в Сухуми. Тот тоже приехал. Так мы вдвоем и жили у Сталина. Не помню, сколько дней мы там прожили, но долго. Однажды, еще до обеда, Сталин поднялся, оделся и вышел из дома. Мы присоединились к нему и стояли втроем перед домом. И вдруг, без всякого повода, Сталин пристально так посмотрел на меня и говорит: «Пропащий я человек. Никому не верю. Сам себе не верю». Когда он это сказал, мы буквально онемели. Ни я, ни Микоян ничего не смогли промолвить в ответ. Сталин тоже нам больше ничего не сказал. Постояли мы и затем повели обычный разговор.

Я потом все время не мог мысленно отвязаться от этих слов. Зачем он это сказал? Да, все мы на протяжении длительного времени видели его недоверие к людям. Но когда он так категорично заявил, что никому и даже сам себе не верит, это показалось ужасным. Можете себе представить? Человек, занимающий столь высокий пост, решающий судьбы всей страны, влияющий на судьбы мира, — и делает такое заявление? Если вдуматься, если проанализировать под этим углом зрения все зло, содеянное Сталиным, то станет понятно, что он действительно никогда и никому не верил. Но тут есть и иная сторона дела. Одна — не верить, это его, так сказать, право. Конечно, это создает тяжелое душевное состояние у человека, имеющего такой характер. Но другое, когда человек, который никому не верит, обладает характером, толкающим его поэтому на уничтожение всех тех, кому он не верит.

//_ * * * _//

Возвращаясь к ушедшему времени, еще раз скажу: дело дошло до того, что Сталин стал считать шпионом Ворошилова! Наверное, лет пять он не приглашал его ни на какие высокие заседания, какие собирались, прежде всего на заседания Политбюро. Впрочем, настоящих заседаний уже не происходило, а имели место эпизодические собрания, буквально на ходу, перед обедом или перед ужином, хотя там решались вопросы и текущего порядка, принципиальные, крупнейшие. Ворошилов туда доступа уже не имел. Изредка он прорывался явочным порядком, то есть сам приходил, а иной раз звонил. Но это случалось очень редко.

Подозревать, что Ворошилов- английский шпион? Это же величайшая глупость. Не знаю, до чего надо дойти в недоверии к людям, чтобы обрести такое состояние души. Сталин не верил тому самому Ворошилову, с которым много лет вместе воевал и работал рука об руку. Честность Ворошилова перед партией, перед рабочим классом ни в какой степени не может подвергаться никакому сомнению. Другой вопрос — оценка его деятельности на посту наркома обороны. Она показала его несостоятельность как наркома, потому что Красная Армия не была подготовлена к войне, и не только в результате неоправданного уничтожения кадров: она была не подготовлена должным образом и по вооружению. Боевая техника, вооружение, их запасы не соответствовали всем материально-техническим возможностям СССР и задачам эпохи. Ведь мы по уровню производства могли создать необходимые резервы и вести войну без нужды не один и не два года. А у нас вначале винтовок, сколько нужно, не оказалось!

Не было многих самых простейших вещей для армии в нужном количестве. Мы испытывали по 1942 г. голод на оружие. Остро чувствовали нехватку зенитных средств и в результате терпели большой урон от нападений врага с воздуха.

Бесспорно, Ворошилов оказался не на высоте. Не знаю, как это объяснить, но я во всяком случае не чувствовал, что он имел должное прилежание в своей работе наркомом. Сравню его с Кагановичем. Этот менее располагал меня к себе как человек. Однако если говорить о прилежании и трудоспособности, то Каганович — это буря. Он мог иной раз и здоровое дерево сломать в результате такого ураганного характера. Работал, насколько хватало сил, совершенно не щадил себя и не считался со временем, все отдавал работе в партии и для партии. Конечно, он был карьеристом. Но это другой вопрос, а я говорю сейчас о

стиле его работы. Ворошилов же — иной человек. Его всегда можно было увидеть на всех празднествах. Он демонстрировал себя и свою выправку, а реально военному делу уделял мало внимания.

Когда трудились Гамарник, Тухачевский и другие, которые по-настоящему ведали политической работой, экономикой, боевой техникой армии, дело двигалось и без Ворошилова. Когда же они были уничтожены и пришли на их место такие лица, как Мехлис, Щаденко и Кулик, недостойные своих постов, Наркомат обороны превратился, честное слово, в дом сумасшедших, не то в собачник какой-то, если иметь в виду его руководителей. Однажды меня буквально затащил за рукав Тимошенко на заседание Главного военного совета РККА. Тогда он командовал войсками Киевского Особого военного округа, и мы с ним приехали в Москву. Тимошенко — человек с хитрецой. Он, видимо, хотел, чтобы я как член Военного совета КОВО посмотрел на этот собачник, как они друг другу впивались в горло, рвали друг друга по пустякам, но не занимались настоящим делом.

Кто в том был виноват? И Ворошилов, и Сталин. Я думаю, что в то время Ворошилов уже не пользовался должным доверием у Сталина. Зачем же нужно было брать ему таких людей? Они по своему характеру (не говорю об их политической и государственной преданности стране: это были безупречно честные люди) оказались совершенно нетерпимыми друг к другу, поэтому и согласованной деятельности у них никак не могло быть. А кто страдал? Страдали армия, народ, страна. Но, может быть, Сталина именно устраивала их междоусобная грызня?

//_ * * * _//

Теперь о Молотове. Молотов был выдвинут Председателем Совета Народных Комиссаров СССР после Рыкова в 1930 году. Я тогда учился в Промышленной академии и состоял в партактиве Бауманского района Москвы. Когда мы получили информацию о назначении Молотова, по Москве ходили всякие слухи. В то время существовали еще сторонники и Бухарина — Рыкова, и Зиновьева — Каменева. Имелись и сторонники Сырцова — Ломинадзе, близкие к тем, кто поддерживал Бухарина. Я сейчас и не помню конкретно, в чем были расхождения между ними. То были люди одного политического направления. Молотов же был выдвинут вместо них как самый верный и непоколебимый друг и соратник Сталина. Он сам заявил так на том пленуме ЦК, на котором была

названа его кандидатура. А когда я работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов и меня не раз Сталин вызывал к себе, то там чаще всего я встречал Молотова. Я считал, что Сталин и Молотов — это самые близкие, неразлучные друзья. В отпуск они всегда уезжали тоже вместе.

Я и сейчас не могу ничего сказать о том, какие причины вызвали тот факт, что Сталин отвернулся от Молотова. Конечно, если вспомнить о его жене Жемчужиной, которую Сталин посадил, то Молотов до конца не соглашался в этом вопросе и со Сталиным, и с пленумом ЦК. Когда на пленуме стоял вопрос о ее выводе из состава ЦК партии, все проголосовали «за», а Молотов воздержался. Он не голосовал «против», но воздержался. Это взорвало Сталина. Правда, и после всего этого Молотов остался со Сталиным. Однако событие на пленуме наложило отпечаток на дальнейшее отношение Сталина к Молотову. Если принять во внимание характер Сталина, то ясно, что бесследно для их отношений такой инцидент не мог пройти. И все-таки у них сохранялась близость и продолжалась совместная работа.

Но потом Сталин начал со злостью лягать Молотова. Особенно хорошим барометром неустойчивости Молотова служил Каганович. Каганович с подначивания Сталина как бы играл роль цепного пса, которого выпускали, чтобы рвать тело того или другого члена Политбюро, к которому, как он чувствовал, Сталин питал какое-то охлаждение.

Каганович всегда неприязненно относился к Молотову. Я слышал от Кагановича, что он его очень не любил, даже ненавидел. Но и знал свое место: Молотов есть Молотов. В послевоенное время Каганович начал нападать, и очень резко, на Молотова, а когда бывал на заседаниях Ворошилов, то и на Ворошилова. Нас, других, это раздражало. Это я говорю о себе, Булганине и даже Берии. Мы были недовольны Кагановичем и иной раз подавали контрреплики, сдерживая его. Тут Каганович сразу поджимал хвост, он был трусливым человеком.

Теперь положение Молотова стало незавидным, но он держался хорошо и по всем принципиальным вопросам высказывался смело. Я бы сказал, что он был единственным человеком в Политбюро, который порою возражал Сталину по тому или иному вопросу. Такие возражения не возникали в порядке политической драки. Драки там не было, а его замечания и некоторое проявление им упорства по тому или другому вопросу мне у Молотова нравились. Поэтому я к нему относился с очень большим уважением, хотя с точки зрения действенности его работы, умения работать у меня имелось критическое о нем мнение. Эту недейственность отмечал не только я, но и другие

товарищи. Однако политическая линия Молотова, ее направленность была безупречной, и это все перекрывало.

//_ * * * _//

Когда в последние годы жизни Сталина Молотов утратил его доверие, то Сталин, отдыхая как-то в Сухуми, поставил вдруг такой вопрос: Молотов является американским агентом, сотрудничает с США. Сейчас просто невозможно даже представить, что такое могло прозвучать. Молотов тут же начал апеллировать к другим. Там был и я, и Микоян, и все сказали, что это невероятно. «А вот, помните, — говорит Сталин, — Молотов, будучи на какой-то Ассамблее Организации Объединенных Наций, сообщил, что он ехал из Нью-Йорка в Вашингтон. Раз ехал, значит, у него там есть собственный салон-вагон, как он мог его заиметь? Значит, он американский агент». Мы отвечали, что там никаких личных железнодорожных вагонов государственные деятели не имеют. Сталин же мыслил по образу и подобию порядка, заведенного им в СССР, где у него имелся не только салонвагон, а и целый — отдельный поезд. То есть считал, что такой же порядок существует в капиталистических странах.

Сталин резко отреагировал на недоверие, проявленное к его высказываниям, и сейчас же продиктовал телеграмму Вышинскому, находившемуся тогда в Нью-Йорке: потребовал, чтобы Вышинский проверил, имеется ли у Молотова собственный вагон? Тут же телеграмма была послана шифровкой. Вышинский срочно ответил, что по проверенным сведениям в данное время у Молотова в Нью-Йорке собственного вагона не обнаружено. Сталина этот ответ не удовлетворил. Да ему и не нужен был ответ. Главное, что у него уже засело в голове недоверие, и он искал оправдания своему недоверию, подкрепления его, чтобы показать другим, что они слепцы, ничего не видящие. Он любил повторять нам: «Слепцы вы, котята, передушат вас империалисты без меня». Так ему хотелось, так ему нужно было. Он желал удостовериться, что Молотов — нечестный человек.

Спустя какое-то время в такую же опалу попал Микоян. Я и сейчас не могу сказать, в чем его обвинял Сталин. Молотов- тот вроде американский агент, потому что он в США имел вагон и, следовательно, там жили его истинные хозяева. Ну а Микоян? Агентом какой страны он был? Я уже после смерти Сталина не раз шутил и спрашивал Анастаса Ивановича: «Слушай, скажи, какой страны ты агент? Уж ты, наверное, если агент, то не какой-то одной страны?» Анастас Иванович, сам любивший пошутить,

на шутку отвечал шуткой. Вот так мы шутили. Но это стало шуткой уже после смерти Сталина. А при Сталине, если бы он еще полгода пожил, то отослал бы Молотова с Микояном к прадедам, куда отсылал всех «врагов народа», расправился бы с ними. Вот до чего дело дошло!

Если рассматривать Сталина как могучий, несгибаемый дуб, то этот дуб сам себе обрубил все ветви. А когда нет ветвей, исчезает листва, то нарушается питание ствола, гниют корни, и дерево обречено на гибель.

Опала Молотова

Заканчивался 1951 г. или, кажется, начинался 1952 г., не помню, в каком точно месяце, Сталин собрал нас у себя и высказал мысль, что пора созывать съезд ВКП(б). Нас уговаривать не требовалось. Мы все считали невероятным событием, что съезд партии не созывается уже 12–13 лет. Не созывались также пленумы ЦК партии, партактивы в союзном масштабе, другие крупные совещания партработников. ЦК не принимал никакого участия в коллективном руководстве делами СССР, все решалось единолично Сталиным, помимо ЦК. Политбюро ЦК подписывало спускаемые ему документы, причем Сталин часто даже не спрашивал мнения его членов, а просто принимал решение и указывал опубликовать его.

На этот раз договорились, что надо собирать съезд партии. Наметили его созыв на осень 1952 года. Сталин не сразу определил повестку дня съезда, а мы между собою обменивались мнениями, возьмет ли Сталин отчетный доклад на себя или кому-то поручит его. Мы гадали, кому он может поручить сделать доклад? Думали, если он не возьмет доклад на себя, почувствовав, что слаб физически и не сумеет простоять нужное время на трибуне, то, возможно, он раздаст текст в письменном виде и не станет зачитывать. Это тоже было возможно. Кажется, так практикуют в лейбористской партии: там доклады печатаются и заранее раздаются участникам съезда.

Я считал, что это неплохая практика, потому что разница между напечатанным текстом и тем, что зачитывается докладчиком, очень малая. К тому же не всегда у нас бывало, что докладчик является автором этого материала. Ведь к составлению отчетного доклада на партсъезде привлекается очень много ведомств и различных лиц. Потом, на каком-то этапе, весь материал сводится воедино, и будущий докладчик приводит его в надлежащий вид. Тут, конечно, докладчик вкладывает в дело свое «я». Потом он вносит проект доклада на утверждение руководству, где даются к тексту поправки. Затем документ принимается за основу. Такая практика была у нас раньше и, видимо, существует и сейчас.

Когда Сталин, наконец, определил повестку дня, то сказал, что отчетный доклад поручим Маленкову, об уставе — Хрущеву, а о пятилетке — председателю Госплана СССР Сабурову. Вот и была таким способом принята повестка дня съезда. Как Сталин нам сказал, так и записали, никаких замечаний не возникло.

Спрашивается, почему Сталин не поручил сделать отчетный

доклад Молотову или Микояну, которые исторически занимали более высокое положение в ВКП(б), чем Маленков, и были известными деятелями? А вот почему. Если мы, люди довоенной поры, рассматривали раньше Молотова как того будущего вождя страны, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни, то теперь об этом не могла идти речь. При каждой очередной встрече Сталин нападал на Молотова, на Микояна, «кусал» их. Эти два человека находились в опале, и самая жизнь их уже подвергалась опасности.

Открылся съезд. Были сделаны доклады, началось их обсуждение. Прения были короткими. Да, собственно, и не имелось условий разворачивать по-настоящему прения, обсуждение поставленных вопросов. Среди других проблем обсудили и доклад о пятой пятилетке. То была самая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо у нас принимались. На мой взгляд, очень неквалифицированно она была подготовлена и так же доложена съезду. Тотчас после смерти Сталина мы вынуждены были взять на себя ответственность за процесс выполнения этой пятилетки, внеся серьезные коррективы в план. Это невероятное дело — корректировать решение, утвержденное съездом партии. Но мы вынуждены были так поступить, потому что ни в какие ворота эта пятилетка не лезла. Мы рассылали предложения о корректировке делегатам прошедшего ранее XIX съезда партии, ища демократическую форму внесения изменений в план пятилетки. И мы их внесли, потому что этого требовала жизнь, так что мы не должны были противиться здравому смыслу, опираясь лишь на то, что съездом план уже утвержден. То есть мы пошли по пути, которым должен был следовать каждый разумный человек.

XIX съезд завершался. Нужно было проводить выборы руководящих органов партии.

Вся подготовительная работа уже была проделана аппаратом ЦК. Так делалось всегда. Все члены будущих руководящих органов еще до начала съезда подбирались аппаратом. Так же подбирались делегаты самого съезда. Определяли, сколько надо выбрать в ЦК партии рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, кого избрать персонально. Одним словом, вся структура и состав ЦК разрабатывались заранее. А потом, когда шли выборы на съезде, сразу рекомендовалось, кого именно избрать. То есть практически не выбирали людей, как это было когда-то, в первые годы Советской власти, а сообщали на места, что вот такого-то следует провести на съезд, потому что имеется в виду выбрать его в состав ЦК или членом Центральной ревизионной комиссии, и т. д. Вся работа за съезд уже была

проделана. К сожалению, такая практика сохранилась доныне.

А на XIX съезде партии такая практика была вообще в порядке вещей. Выбрали новый ЦК. Закончился съезд. Спели «Интернационал». Сталин выступил, держал речь под конец несколько минут. Тогда все восхищались им, радовались, как гениально им все сказано, и тому подобное.

Закончил он свою речь, сошел с трибуны, съезд был закрыт, и члены Политбюро пошли в комнату Президиума ЦК. Сталин говорит нам: «Вот, смотрите-ка, я еще смог!» Минут семь продержался на трибуне и счел это своей победой. И мы все сделали вывод, насколько уже он слаб физически, если для него оказалось невероятной трудностью произнести речь на семь минут. А он считал, что еще силен и вполне может работать.

//_ * * * _//

Закончился съезд. Вдруг ночью созывают нас и начинают голосовать поправку: маршала Говорова и еще трех человек забыли избрать кандидатами в члены ЦК. Сталин потом вспомнил о них и уже после съезда вставил их в списки членов, выбранных на съезде органов партии. Казалось, хорошо, что он об этом заботится. Плохо другое: что он насиловал устав, насиловал теорию и практику строительства партии, принимая решения один, без всякого обсуждения. Тут он выдумал, что тех людей забыли или пропустили при напечатании списка. Конечно, ничего не было пропущено, и это легко было доказать. Он сам задним часом подумал: а отчего вот этих не избрали? И распорядился.

Еще сильнее мы были поражены следующим фактом, тоже довольно показательным. Формировались руководящие органы партии: Президиум ЦК, его Секретариат, Комитет партийного контроля при ЦК. Это был самый ответственный момент: создать из избранных членов ЦК руководящие органы. Смотрим, созывается пленум ЦК, но никакого предварительного разговора о Политбюро Сталин не поднимал. Каков будет состав Президиума? Ни численности, ни персонального состава не сообщает- ничего не известно! А на пленуме Сталин, выступая, разделал «под орех» Молотова и Микояна, поставив под сомнение их порядочность. В его речи прямо сквозило политическое недоверие к ним, подозрение в какой-то их политической нечестности. Ну и ну!

Начались выборы. Мы переглядываемся. Я смотрю на Маленкова: если кто и должен был готовить кандидатуры, то именно Маленков. Сталин не знал людей персонально, за исключением той верхушки, в которой вращался. Поэтому должен

был неизбежно прибегнуть к помощи аппарата. Мы спросили о новых людях у Маленкова. Он нам сказал: «Я ничего не знаю, мне никаких поручений не было дано и я никакого участия в этом не принимал». Мы удивились: «Как же так? Кто же тогда готовил кандидатуры?» Сталин сам открыл пленум и тут же внес предложение о составе Президиума ЦК, вытащил какие-то бумаги из кармана и зачитал их. Он предложил 25 человек, и это было принято без разговоров и без обсуждений. Мы уже привыкли: раз Сталин предлагает, то нет вопросов, это — Богом данное предложение; все, что дает Бог, не обсуждают, а благодарят за это.

Когда он читал состав Президиума, мы все смотрели вниз, не поднимая глаз. 25 человек, трудно работать таким большим коллективом, решая оперативные вопросы. Ведь Президиум — оперативный орган и не должен быть очень большим. Когда заседание закрылось, мы переглядывались: как же это получилось, кто составил такой список? Сталин не знал людей, которых он назвал, и сам не мог составить этот список. Я, признаться, подозревал, что сделал это Маленков, только он скрывает и нам не говорит. Потом я его по-дружески допрашивал: «Слушай, я думаю, что ты приложил свою руку, хотя это продукт не только твоего ума, а были и поправки со стороны Сталина». Он: «Я тебя заверяю, что абсолютно никакого участия не принимал. Сталин меня к этому не привлекал и никаких поручений мне не давал, я никаких предложений не готовил». Мы оба еще больше удивились. Участия Берии я не допускал, потому что там имелись лица, которых Берия никак не мог бы назвать Сталину. И все-таки я его спросил: «Лаврентий, ты приложил руку?» — «Нет, я сам набросился на Маленкова, думал про него. Но он клянется и божится, что тоже не принимал участия».

Молотов исключался, Микоян — тоже. И Булганин ничего не знал.

Вертелись у нас в голове разные мысли, но без результата. Мы доискивались, кто же автор? Конечно, Сталин. Но кто ему помогал? Мы-то не участвовали. Поскребышев еще заведовал тогда секретариатом Сталина, но и он не мог сам составить такой список без помощи аппарата. Может быть, Сталин обошел Маленкова и сам привлек кого-то из аппарата. Этого мы, однако, не допускали, потому что Маленков обязательно узнал бы: в аппарате по многу лет люди работали рядом с ним и под ним. Поэтому хотя бы тайно, по секрету, но сказали бы Маленкову, если бы имели такое поручение от Сталина. Так мы и не смогли разгадать загадку.

25 человек были избраны. Не буду сейчас перечислять их.

Скажу лишь, что там были разные люди, разного достоинства. Они пользовались доверием, и нельзя было сказать, что они в принципе недостойны. Но многие из них были не готовы к той деятельности, которой ранее занималось Политбюро. В этом мы не сомневались. У нас имелось твердое мнение об этой стороне дела. Тем не менее, когда Сталин предложил в Президиум 25 человек и назвал их персонально, то сказал, что Президиум громоздок и понадобится избрать из его состава бюро. Какое еще бюро? Это было вовсе не уставное предложение. Только что мы приняли устав КПСС, и тут же он ломается. Сталин добавил, что будет оперативное бюро, которое станет собираться почаще и принимать решения по текущим вопросам. Он предложил бюро в составе девяти человек и тут же огласил его состав.

Когда он читал состав Президиума, я, слушая, думал: будут ли включены туда Молотов, Микоян и Ворошилов? Я сомневался. Это были люди, на которых Сталин «махнул рукой», и над их головами уже нависла опасность попасть в новоявленные враги народа. Но нет, они включены. Я радовался, уже это было хорошо. Когда же он зачитал состав бюро, то в нем не было фамилий Молотова и Микояна, однако имелся Ворошилов. Я опять ничего не понимал: как это так, Молотова нет, Микояна нет, а Ворошилов есть? Ворошилова Сталин начал подозревать значительно раньше, чем Молотова и Микояна.

Бюро сложилось такое: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин и Булганин. Итак, Ворошилов попал в бюро. Я подумал: значит, хорошо, что все хорошо кончается. Сталин в конце концов понял, что то была ошибка, когда он считал Ворошилова английским агентом или черт знает кем. Все тут зависело от воображения Сталина, кто именно является агентом и какой империалистической страны.

//_ * * * _//

Началась работа. Но не так, как шла раньше, ибо из девяти человек Сталин по своему выбору и благоволению избрал пятерых, о чем нигде не говорилось открыто. Он приглашал к себе только тех, кого считал нужным созвать. Считалось большой честью быть приглашенным к Сталину и, наоборот, дурным предзнаменованием, если кто-то из тех, кого приглашал он прежде, не назывался. В пятерку входили: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев. Реже Сталин приглашал Кагановича и Ворошилова, совершенно не приглашал теперь к себе Молотова и Микояна.

В целом работа в руководстве протекала так же, как до XIX съезда партии. Не имелось никакого коллектива, все решения принимались теми же методами и тем же порядком, как это вошло в практику Сталина после 1939 года. До XVIII съезда ВКП(б) еще сохранялась более или менее, до какой-то степени, демократичная практика деятельности Политбюро. Потом постепенно все сходило на нет, склоняясь к единоличному управлению. Затем появились грубые окрики, безапелляционные приказы и прочее. Это происходило после разгрома состава ЦК, избранного на XVIII съезде партии, уничтожения активнейших членов партии, «стариков», как мы их называли, тех, которые прошли дореволюционный путь борьбы по сколачиванию нашей партии, по организации рабочего класса и затем свершения Октябрьской революции.

Все зависело от воли Сталина, нам же отводилась роль статистов. Даже когда речь заходила о будущем. Последние годы Сталин порой заводил речь о своем преемнике. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот Счет: «Кого после меня назначим Председателем Совета Министров СССР? Берию? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин». Естественно, никто не вмешивался в его размышления вслух. Все молчали.

Мы тревожились за судьбу Молотова и Микояна. То, что их не ввели в бюро, казалось зловещим. Сталин что-то задумал. Когда он выступал на пленуме, я был поражен, что в его речи сформулированы обвинения в адрес Молотова и Микояна. Это уже не шутка! За ним выступил Молотов. Да и Микоян тоже что-то говорил. Не помню что. В стенограмме, наверное, все осталось. Но, может быть, ничего не записывалось. Сталин мог так распорядиться. Мы были настороже, думали, что, видимо, Молотов и Микоян обречены.

Правда, после съезда Микоян и Молотов, пользуясь былой практикой, когда все мы собирались у Сталина, сами продолжали приходить туда без оповещения. Они узнавали, что Сталин в Кремле, и приходили. А если он уезжал за город, то тоже приезжали к нему. Их пропускали. И они все вместе проводили вечера на его даче.

Не буду сейчас возвращаться к тому, какие это были вечера, я уже рассказывал об этом. Но однажды Сталин впрямую сказал: «Я не хочу, чтобы они приезжали». Не знаю, что конкретно он

сделал, но, видимо, приказал никому не сообщать, когда он приезжает в Кремль, и не говорить, где он находится, если звонят Микоян или Молотов и справляются о нем. Они разыскивали Сталина потому, что хотели тем самым сохранить себя не только как руководителей и как членов партии, а и как живых людей. Добивались, чтобы Сталин вернул свое доверие. Я это понимал, сочувствовал им и всемерно был на их стороне.

После его запрета они потеряли возможность знать, где находится Сталин, утратив возможность бывать вместе с ним. Тогда они поговорили со мной, с Маленковым и, может быть, с Берией. Одним словом, мы втроем (Маленков, Берия и я) договорились иной раз сообщать Молотову или Микояну, что мы, дескать, поехали на «ближнюю» или туда-то. И они тоже туда приезжали. Сталин бывал очень недоволен, когда они приезжали. Так продолжалось какое-то время. Они пользовались «агентурными сообщениями» с нашей стороны, и мы превратились в агентов Молотова и Микояна.

Сталин понял нашу тактику. Понять было нетрудно. Он, наверное, допросил людей в своей приемной, и там ему сказали, что они-то не сообщают, где находится Сталин, ни Молотову, ни Микояну. Но раз они приезжают, и приезжают точно, следовательно, кто-то из нас их извещает, то есть из тех лиц, которых он приглашает к себе. И однажды он устроил нам большой разнос. Не называя никого персонально, он более всего адресовался к Маленкову и заявил: «Вы нас не сводите, не сводничайте!»

Смерть Сталина

В феврале 1953 г. Сталин внезапно заболел. Как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он говорит: «Давайте посмотрим кино». Посмотрели. Потом говорит снова: «Поедемте, покушаем на ближней даче». Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его «обеды». Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас.

Он много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Распрощались мы и разъехались.

Мы уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеды кончались в таком добром тоне. Разъехались по домам. Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти никогда не происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель.

Вдруг звонит мне Маленков: «Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут 15. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?» Они: «Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в 11 вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было». Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина, ограниченную, но честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже посылали ее посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу,

спит, а под ним подмочено. Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблаговидном положении. Мы разъехались по домам.

Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: «Опять звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный сон. Надо еще раз съездить». Мы условились, что Маленков позвонит всем другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем и врачей. Опять приехали мы в дежурку. Прибыли Каганович, Ворошилов, врачи. Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского. А с ним появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато сказал: «Вы врач, так берите, как следует».

Лукомский заявил, что правая рука у Сталина не действует.

Парализована также левая нога, и онне в состоянии говорить. Состояние тяжелое. Тут ему сразу разрезали костюм, переодели и перенесли в большую столовую, положили на кушетку, где он спал и где побольше воздуха. Тогда же решили установить рядом с ним дежурство врачей. Мы, члены Бюро Президиума, тоже установили свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия и Маленков вдвоем дежурят, Каганович и Ворошилову и Булганин. Главными «определяющими» были Маленков и Берия. Они взяли для себя дневное время, нам с Булганиным выпало ночное. Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина, который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали, что при таком заболевании почти никто не возвращался к труду. Человек мог еще жить, но что он останется трудоспособным, маловероятно: чаще всего такие заболевания непродолжительны, а кончаются катастрофой.

Мы видели, что Сталин лежит без сознания и не сознает, в каком он состоянии. Стали кормить его: с ложечки давали бульон и сладкий чай. Распоряжались там врачи. Они откачивали у него

мочу, он же оставался без движения. Я заметил, что при откачке он старался как бы прикрыться, чувствуя неловкость. Значит, что-то сознает. Днем (не помню, на какой именно день его заболевания) Сталин пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица. Но говорить он не мог, а поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал жать нам руки. Я ему подал свою, и он пожал ее левой рукой, правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства. Тогда я сказал: «Знаете, почему он показывает нам рукой? На стене висит вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Там девочка кормит из рожка ягненка. А мы поим товарища Сталина с ложечки, и он, видимо, показывая нам пальцем на картину, улыбается: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок».

//_ * * * _//

Наступило наше дежурство с Булганиным. Мы и днем с ним приезжали на дачу к Сталину, когда появлялись профессора, и ночью дежурили. Я с Булганиным тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал: «Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?». — «Какой?» — «Он возьмет пост министра госбезопасности (в ту пору Министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены). Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!»

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: «Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же мнения, он ведь должен все понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа». Этот вопрос касался не только нас, а всей страны, хотя и нам, конечно, не хотелось попасть под нож Берии. Получится возврат к 1937–1938 годам, а может быть, даже похуже. У меня имелись сомнения: я не считал Берию коммунистом и полагал, что он просто пролез в партию. У меня маячили в сознании слова Каминского, что во время Гражданской войны, когда англичане оккупировали Баку, он был агентом их контрразведки; что это волк в овечьей шкуре, влезший в доверие

к Сталину и занявший высокое положение. Сам Сталин тяготился им. Мне казалось, что были дни, когда Сталин боялся Берии.

На подобные мысли наталкивал меня и такой инцидент, хочу о нем рассказать. Как-то сидели мы у Сталина. Вдруг он смотрит на Берию и говорит: «Почему сейчас у меня окружение целиком грузинское? Откуда оно взялось?». Берия: «Это верные вам, преданные люди». — «Но отчего это грузины верны и преданы? А русские, что, не преданы и не верны, что ли? Убрать!». И моментально как рукой сняло этих людей. Берия был способен через своих людей сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же Сталина: уничтожать, травить и прочее. Поэтому Сталин, видимо (если рассуждать за него), считал, что Берия способен сделать то же самое и с ним.

Значит, надо убрать окружение, через которое Берия имеет доступ и в покои, и к кухне. В те дни Берия ходил как побитый.

Но Сталин не понимал по старости, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов докладывает ему обо всем уже после того, как доложит Берии и получит указания, как сообщить Сталину. Сталин думал, что он выдвинул свежего человека и тот делает только то, что велит Сталин. В ту же сторону раскрутилось «мингрельское дело». Сталин продиктовал тогда решение (и оно было опубликовано), что мингрелы связаны с турками, что среди них есть лица, которые ориентируются на Турцию. Конечно, чепуха! Я считаю, что тут имела место акция, направленная Сталиным против Берии, потому что Берия — мингрел. Таким образом, он готовил удар против Берии.

Тогда много было произведено арестов, но Берия ловко вывернулся: влез в это дело как «нож Сталина» и сам начал расправу с мингрелами. Бедные люди. Тащили их тогда на плаху, как баранов. Существовали и другие факты, которые свидетельствовали о вероломстве Берии, о недоверии Сталина к Берии.

//_ * * * _//

Итак, поговорили мы обо всем с Булганиным, кончилось наше дежурство, и я уехал домой. Хотел поспать, потому что долго не спал на дежурстве. Принял снотворное, лег.

Только лег, но еще не уснул, услышал звонок. Маленков: «Срочно приезжай, у Сталина произошло ухудшение. Выезжай срочно!» Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он

перестал дышать. Стали делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: «Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть». Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили.

Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с «ближней» дачи. Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали, Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним. «Егор, — говорю, — мне надо с тобой побеседовать». «О чем?» — холодно спросил он. «Сталин умер. Как мы дальше будем жить?» — «А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся». Казалось бы, демократический ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уже все вопросы оговорены им с Берией, все давно обсуждено. «Ну, ладно, — отвечаю, — поговорим потом».

Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, не смог сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я душою оплакивал его смерть, волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. А это — начало конца. Я не доверял ему, не считал уже его коммунистом. Я считал его способным на все, быстрым на расправу мясником и убийцей.

И вот пошло распределение «портфелей». Берия предложил назначить Маленкова Председателем Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей Секретаря ЦК партии. Маленков предложил утвердить своим первым заместителем Берию и слить два министерства, госбезопасности и внутренних дел, в одно Министерство внутренних дел, а Берию назначить министром. Я молчал. Молчал и Булганин. Тут я волновался, как бы Булганин не выскочил не вовремя, потому что было бы неправильно выдать себя заранее. Ведь я видел настроение остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили большинством голосов, что мы склочники, дезорганизаторы, еще при неостывшем трупе начинаем в партии драку за посты. Да, все шло в том самом направлении, как я и предполагал.

Молотова тоже назначили первым замом предсовмина. Кагановича — замом.

Ворошилова предложили избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Шверника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия: сказал, что его вообще никто в стране не знает. Я видел, что тут налицо детали плана Берии, который хочет сделать Ворошилова человеком, оформляющим в указах то, что станет делать Берия, когда начнет работать его мясорубка. Меня Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета партии с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в ЦК партии. Провели мы и другие назначения. Приняли порядок похорон и порядок извещения народа о смерти Сталина.

Так мы, его наследники, приступили к самостоятельной деятельности по руководству государством и партией.

Во время похорон Сталина и после них Берия проявлял ко мне большое внимание, выказывал свое уважение. Я этим был удивлен. Он вовсе не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но вдруг начал устанавливать дружеские отношения и со мной. Если, бывало, они вдвоем соберутся пройтись по Кремлю, то и меня приглашают. Одним словом, стали демонстрировать мою близость к ним. Я, конечно, не противился, хотя мое негативное мнение о Берии не изменилось, а, наоборот, укрепилось еще больше.

Существовала договоренность: составлять повестку дня заседаний Президиума ЦК вдвоем- Маленкову и Хрущеву. Маленков председательствовал на заседаниях, а я только принимал участие в составлении повестки дня. Берия же все больше набирал силу, быстро росла его наглость. Вся его провокаторская хитроумность была пущена им тогда в ход. Тогда же произошло первое столкновение других членов Президиума ЦК с Берией и Маленковым. Президиум уже изменился по составу. Мы вернулись к более узкому кругу членов, а Бюро, которое было создано Сталиным на пленуме сразу после XIX съезда партии, мы ликвидировали.

Берия и Маленков внесли предложение отменить принятое при Сталине решение о строительстве социализма в Германской Демократической Республике. Они зачитали соответствующий документ, но не дали его нам в руки, хотя у Берии имелся письменный текст. Он и зачитал его от себя и от имени Маленкова. Первым взял слово Молотов. Он решительно выступил против такого предложения и хорошо аргументировал свои возражения. Я радовался, что Молотов выступает так смело и обоснованно. Он говорил, что мы не можем пойти на это; что тут будет сдача позиций; что отказаться от построения социализма в ГДР — значит дезориентировать партийные силы

Восточной, да и не только Восточной, Германии, утратить перспективу; что это капитуляция перед американцами. Я полностью был согласен с Молотовым и тотчас тоже попросил слова, поддержав Молотова. После меня выступил Булганин, который сидел рядом со мной. Потом выступили остальные члены Президиума. И Первухин, и Сабуров, и Каганович высказались против предложения Берии — Маленкова относительно ГДР. Тогда Берия с Маленковым отозвали свой документ. Мы даже не голосовали и не заносили в протокол результаты обсуждения. Вроде бы вопроса такого не было. Тут была уловка.

Разошлись мы после заседания, но на душе осталась горечь. Как можно по такому важному вопросу выходить с подобным предложением? Я считал, что это — антикоммунистическая позиция. Мы понимали, конечно, что Берия использует Маленкова, а Маленков, как теленок, пошел вместе с ним в этом деле. Кончилось заседание, и вышли мы из зала втроем — Маленков, Берия и я. Но ничего не обсуждали. В тот же день я увиделся с Молотовым, и он сказал мне: «Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаться, не ожидал, потому что видел вас всегда втроем и считал, что вы занимаете единую позицию с Маленковым и Берией, думал, что Хрущев уже, наверное, заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы заняли, мне очень понравилась». И тут же предложил мне перейти с ним на «ты». Я, в свою очередь, сказал, что тоже доволен, что Вячеслав Михайлович занял такую правильную позицию.

//_ * * * _//

Мы видели, что Берия стал форсировать события. Он уже чувствовал себя над членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно срочно действовать, и сказал Маленкову, что надо поговорить с другими членами Президиума по этому поводу. Видимо, на заседании такое не получится, и надо с глазу на глаз поговорить с каждым, узнать мнение по коренному вопросу отношения к Берии. С Булганиным я по этому вопросу говорил раньше и знал его мнение. Он стоял на верных позициях и правильно понимал опасность, которая грозила партии и всем нам со стороны Берии. Маленков тоже согласился: «Да, пора действовать». Мы условились, что я прежде всего поговорю с Ворошиловым, поеду к нему. Имелась какая-то

комиссия, в которую входили и Ворошилов, ия. Я решил использовать это обстоятельство, позвонил Клименту Ефремовичу и сказал, что хотел бы встретиться с ним, поговорить по такому-то вопросу. Ворошилов ответил, что он сейчас приедет ко мне в ЦК. «Нет, — говорю, — прошу меня принять, я сам приеду к тебе». Но он настаивал, что это он приедет. В конце концов я настоял на своем. Мы условились с Маленковым, что после разговора с Ворошиловым (это было перед самым обедом) я приеду домой, зайду к Маленкову и мы отобедаем вместе. Мы жили тогда с Маленковым в одном доме на улице Грановского, 3, ив одном подъезде, только я на 5 этаже, а он этажом выше.

Приехал я к Ворошилову в Верховный Совет, но у меня не получилось того, на что я рассчитывал. Как только я открыл дверь и переступил порог его кабинета, он очень громко стал восхвалять Берию: «Какой у нас, товарищ Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это исключительный человек!». Я ему: «Может, ты зря так говоришь, преувеличиваешь его качества?» Но я уже не мог говорить с ним о Берии так, как было задумано. Моя-то оценка была совершенно противоположной, и я бы своим мнением поставил Ворошилова в неловкое положение. Он мог не согласиться со мной просто из самолюбия: только что, когда я вошел, он восхвалял его, а потом сразу перешел на мою позицию, которая сводилась к необходимости устранения Берии. И я перебросился с ним словами по вопросу, о котором официально договорился по телефону: чепуховый какой-то вопрос. И сейчас же вернулся обедать, как мы условились с Маленковым.

Рассказал Маленкову, что у меня ничего не получилось, что я не смог поговорить с Ворошиловым, как было задумано. Я полагал, что Ворошилов мог так говорить, рассчитывая, что его подслушивают, и говорил это для «ушей Берии». С другой стороны, он считал меня близким к Берии, потому что часто видел нас втроем: Берию, Маленкова и меня. Значит, и тут он говорил это для Берии, что тоже свидетельствует об обстановке, которая вынуждала людей идти на такие приемы поведения и брать грех на душу против своей совести.

Мы договорились с Маленковым, что далее я поговорю с Молотовым.

Молотов был тогда министром иностранных дел. Он мне звонил несколько раз сам, говорил, что хотел бы со мной встретиться в ЦК и поговорить по вопросам мидовских кадров. Я воспользовался одним из таких его звонков и сказал: «Ты хотел со мной встретиться? Я готов. Если можешь, приезжай, поговорим с тобой о кадрах». А когда он приехал, я ему сказал: «Давай о

кадрах, только не мидовских». И начал высказывать ему свою оценку роли Берии. Говорил, какая опасность грозит сейчас партии, если не остановить начатый им процесс разгрома партийного руководства. Молотов, видимо, сам немало думал об этом. Не мог не думать, потому что он сам все знал и видел похожее еще при жизни Сталина. Когда Молотов пользовался у Сталина еще доверием, я лично слышал, как он очень резко высказывался против Берии, но не при Сталине, а когда выходил от Сталина, имея в виду провокационный метод Берии. Если Берия вносил какое-то предложение, а Сталин высказывался против, то Берия тут же обращался к кому-то из сидящих: «Ну, что ты предлагаешь? Это не годится!». Так он не раз поступал с Молотовым, и Молотов реагировал очень резко.

Поэтому, как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной согласился. «Да, верно, но хочу спросить, а как держится Маленков?» — «Я разговариваю сейчас с тобой от имени и Маленкова, и Булганина. Маленков, Булганин и я уже обменялись мнениями по этому вопросу». — «Правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. А что вы станете делать дальше и к чему это должно привести?» — «Прежде всего нужно освободить Берию от обязанностей члена Президиума ЦК, заместителя Председателя Совета Министров СССР и от поста министра внутренних дел». Но Молотов сказал, что этого недостаточно: «Берия очень опасен, и я считаю, что надо пойти на более крайние меры». — «Может быть, задержать его для следствия?»

Я говорил «задержать», потому что у нас прямых криминальных обвинений в его адрес не было. Я-то мог думать, что он был агентом мусаватистов, как об этом говорил Каминский. Но такие факты никем не проверялись, ия не слышал, чтобы имело место хоть какое-то разбирательство этого дела. Правда ли то было или неправда, однако я верил Каминскому, потому что это был порядочный и сугубо партийный человек. Но в отношении провокационного поведения Берии все у нас было основано на интуиции. А по интуитивным мотивам человека арестовать невозможно. Поэтому я говорил, что его надо задержать «для проверки». Это как раз было возможно.

//_ * * * _//

Итак, мы договорились с Молотовым, а потом я рассказал все Маленкову и Булганину.

И мы решили, что следует форсировать ход дела, потому что

нас могут подслушать или кто-либо нечаянно проговорится, сведения о наших шагах дойдут до Берии, и Берия нас просто арестует. Тогда же мы условились, что я должен поговорить с Сабуровым, тоже членом Президиума.

Сабуров очень быстро ответил мне: «Я полностью согласен». И тоже спросил: «А что Маленков?» Об этом спрашивали все, с кем я заговаривал. Кагановича в то время в Москве не было, он находился на лесозаготовках, проверял, как идут там дела. Когда Каганович вернулся, я попросил его заехать в ЦК. Он приехал вечером, и мы сидели с ним очень долго. Он подробно мне рассказывал о Сибири, о лесозаготовках. Я его не останавливал, хотя у меня голова была занята совершенно другим. Я проявлял вежливость, тактичность, ждал, когда его тема иссякнет.

Когда я увидел, что наступил конец, то сказал: «Это все интересно, о чем ты рассказывал. Теперь я тебе хочу рассказать, что делается у нас». Каганович сразу навострил уши: «А кто за?». Он поставил так вопрос, чтобы разведать, каково соотношение сил. Я сказал, что Маленков, Булганин, Молотов и Сабуров согласны, так что, собственно говоря, и без него у нас имеется большинство. Тогда Каганович заявил: «Я тоже за, конечно, за, это я просто так спросил». Но я его правильно понял, и он меня понял. Затем спрашивает: «А как же Ворошилов?». И я ему рассказал, какая у меня получилась неловкость с Ворошиловым. «Так он тебе и сказал?» — «Да, он стал хвалить Берию». Каганович выругался в адрес Ворошилова, но незлобно: «Вот старый хрыч. Он неправду тебе сказал. Он сам мне говорил, что просто невозможно жить дальше с Берией, что он очень опасен, что он может на все пойти и всех нас уничтожить». «Тогда нужно с ним побеседовать еще раз. Может быть, с ним поговорит Маленков? Мне-то лучше не возвращаться к этому разговору, чтобы не ставить его в неловкое положение». На том и согласились.

Каганович спрашивает: «А Микоян?» — «С Микояном я по этому вопросу еще не говорил, тут сложный вопрос». Мы все знали, что у кавказцев Микояна и Берии существовали наилучшие отношения, они всегда стояли один за одного. И я сказал, что с Микояном поговорить, видимо, надо попозже. О новом разговоре я поведал Маленкову, и он тоже согласился, что с Ворошиловым в данной ситуации лучше поговорить ему.

Теперь оставался Первухин. Маленков: «С Первухиным я хочу потолковать сам». — «Учти, что Первухин — человек сложный, я его знаю». — «Но и я его знаю». — «Ну, пожалуйста!» Он пригласил Первухина к себе и потом звонит мне: «Вызвал Первухина, рассказал ему все, а Первухин ответил, что подумает. Это очень опасно. Я тебе это сообщаю, чтобы вызвать его

поскорее. Неизвестно, чем это может кончиться». Я позвонил Первухину. Он приехал ко мне, и я ему рассказал все в открытую. Михаил Георгиевич ответил: «Если бы мне Маленков все сказал так, как ты, так и вопросов у меня не возникло бы. Я полностью согласен и считаю, что другого выхода нет». Не знаю, как именно Маленков говорил ему, но кончилось так.

Таким образом, у нас со всеми членами Президиума дело было обговорено, кроме Ворошилова и Микояна. И мы с Маленковым решили начать действовать в день заседания Президиума Совета Министров СССР. На заседании Президиума Совмина я всегда присутствовал: в протоколе было записано, что я должен принимать участие в таких заседаниях. На этих заседаниях отсутствовал Ворошилов. Поэтому мы решили, созвав заседание Президиума Совмина, пригласить Ворошилова. Когда все соберутся, открыть вместо заседания Президиума Совмина заседание Президиума ЦК. Условились еще, что я перед самым заседанием побеседую с Микояном, а Маленков — с Ворошиловым.

//_ * * * _//

Утром того дня я был на даче. Позвонил оттуда Микояну и пригласил его заехать за мной, чтобы вместе отправиться на заседание Президиума Совета Министров СССР. Микоян приехал, и тут я провел беседу. Она была очень длительной. Припоминаю, что мы разговаривали часа два, подробно все обговорили, а потом еще несколько раз возвращались к обговоренному. Позиция Микояна была такой: Берия действительно имеет отрицательные качества, но он не безнадежен, в составе коллектива может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто из нас не занимал. Пора было кончать разговор, времени оставалось только на то, чтобы прибыть на заседание.

Мы уселись вместе в машину и уехали в Кремль. Приехали. Перед началом заседания Микоян зашел в свой кабинет, а я поспешил к Маленкову. Пересказав ему свой разговор с Микояном, я выразил сомнения и тревогу в связи с таким его ответом. К тому времени Маленков уже поговорил с Ворошиловым. «Ну, и как? Он по-прежнему хвалил Берию?» — «Когда я ему только заикнулся о нашем намерении, Клим обнял меня, поцеловал и заплакал». Так ли это было, не знаю. Но думаю, что врать Маленкову было незачем.

Выявился и такой вопрос: мы обсудим дело, задержим Берию. А кто именно его задержит? Наша охрана подчинена лично ему.

Во время заседания охрана членов Президиума сидит в соседней комнате. Как только мы поднимем наш вопрос, Берия прикажет охране нас самих арестовать. Тогда мы договорились вызвать генералов. Условились, что я беру на себя пригласить генералов. Я так и сделал, пригласил Москаленко и других, всего человек пять. Маленков с Булганиным накануне заседания расширили их круг, пригласив еще Жукова. В результате набралось человек 10 разных маршалов и генералов; их с оружием должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль, сдавали оружие в комендатуре. Мы условились, что они станут ожидать вызова в отдельной комнате, а когда Маленков даст им знать, то войдут в кабинет, где проходит заседание, и арестуют Берию.

И вот открылось заседание. Ворошилов как председатель Президиума Верховного Совета СССР, естественно, обычно не присутствовал на заседаниях Президиума Совета Министров СССР. Поэтому его появление показалось вроде бы непонятным. Маленков, открыв заседание, сразу же поставил вопрос: «Давайте обсудим партийные дела. Есть такие, которые необходимо обсудить немедленно, в составе всех членов Президиума ЦК». Все согласились. Я, как условились заранее, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о Берии. Берия сидел от меня справа. Он встрепенулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит: «Что это ты, Никита? Что ты мелешь?». Я ему: «Вот ты и послушай, как раз об этом я и хочу рассказать».

Вот о чем я говорил: на предвоенном пленуме ЦК, когда обсуждали положение дел в партии и всех там критиковали, попросил слова Каминский, нарком здравоохранения СССР. Он вышел на трибуну и сделал примерно такое заявление: «На этом пленуме нас призвал тов. Сталин рассказать всю правду друг о друге, покритиковать друг друга. Хотел бы сказать, что когда я работал в Баку, то там упорно ходили слухи среди коммунистов, что Берия работал в мусаватистской контрразведке. Хочу сказать об этом, чтобы знали в нашей партии и проверили это». Заседание тогда закончилось, и никто больше по данному вопросу не выступал, сам Берия тоже никакой справки не дал, хотя присутствовал. Был объявлен перерыв, все разошлись на обед. После обеда пленум продолжался, но Каминский уже туда не пришел, и никто не знал, почему. Тогда это было закономерно. Многие члены ЦК, которые присутствовали на одном заседании, на второе не приходили, попадали во «враги народа» и арестовывались. Каминского постигла та же участь.

Потом я рассказал о последних шагах Берии, уже после

смерти Сталина, в отношении партийных организаций — украинской, белорусской и других. В своих записках Берия поставил вопросы (эти записки находятся в архиве) о взаимоотношениях в руководстве национальных республик, особенно в руководстве чекистских органов, и предлагал выдвигать национальные кадры. Это правильно, такая линия всегда была налицо в партии. Но он поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности в выращивании, выдвижении и подборе кадров. Он хотел сплотить националов и объединить их против русских. Всегда все враги Коммунистической партии рассчитывали на межнациональную борьбу, и Берия тоже начал с этого.

Затем я рассказал о его последнем предложении — насчет отказа от строительства социализма в ГДР и о предложении относительно людей, осужденных и отбывших наказание, когда он предложил не разрешать им возвращаться к месту жительства, а право определять их местожительство предоставить Министерству внутренних дел, то есть самому Берии. Тут уже узаконенный произвол! Сказал я и о его предложении вместо радикального решения вопроса о той недопустимой практике ареста людей и суда над ними, которая была при Сталине, снизить максимальный срок осуждения таких лиц органами МВД с 20 до 10 лет. На первый взгляд предложение вроде бы либеральное, а по существу узаконивающее то, что существовало. Осудить на 20 лет или на 10, положения не меняет. Пройдет 10 лет, и, если нужно, Берия еще добавит 10 лет, а потом снова 10, пока не дождется смерти неугодного человека. Ия закончил словами: «В результате наблюдений за действиями Берии у меня сложилось впечатление, что он вообще не коммунист, а карьерист, который пролез в партию из карьеристских побуждений. Ведет же он себя вызывающе и недопустимо. Невероятно, чтобы честный человек мог так вести себя».

//_ * * * _//

После меня взял слово Булганин. Мы с ним еще при жизни Сталина были единого мнения о Берии. Он тоже высказался в том же духе. И другие проявили принципиальность, но за исключением Микояна. Микоян высказывался последним. Он выступил (не помню сейчас деталей его речи) со следующим заявлением: повторив то, что сказал мне, когда я с ним беседовал перед заседанием, заявил, что Берия может учесть критику, что он не безнадежен и в коллективе сумеет быть полезным. Когда

все высказались, Маленков как председатель должен был подвести итоги и сформулировать постановление. Но он растерялся, и заседание оборвалось на последнем ораторе. Возникла пауза.

Вижу я, что складывается такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он предоставил мне слово для предложения. Как мы и условились, я предложил поставить на пленуме вопрос об освобождении Берии (это делает Президиум ЦК) от всех постов, которые он занимал. Маленков все еще пребывал в растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных. Первым вошел Жуков, за ним Москаленко и другие. Жуков был тогда заместителем министра обороны СССР. К Жукову у нас тогда существовало хорошее отношение, хотя он на первых порах не назывался в числе тех военных, которые должны были помочь нам справиться с Берией.

В кабинет вошло человек 10 или более того. И Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову: «Предлагаю вам как председатель Совета Министров СССР задержать Берию». Жуков скомандовал Берии: «Руки вверх!». Москаленко и другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал на подоконнике, у него за спиной. Я схватил Берию за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле. Потом проверили: никакого оружия там не было, ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал какое-то рефлекторное движение.

Берию взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров, рядом с кабинетом Маленкова. И тут же мы решили, завтра или послезавтра, так скоро, как это будет возможно, созвать пленум ЦК партии, где поставить вопрос о Берии. Одновременно освободить от занимаемой должности Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия и мы сомневались, сможет ли он объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии.

Итак, Берию мы арестовали. А куда его девать? Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, с его людьми. Тогда его заместителями были Круглов и, кажется, Серов. Я мало знал Круглова, а Серова знал лучше и доверял ему. Считал, да и сейчас считаю, что Серов — честный человек. Если что-либо за ним и имелось, как за всеми чекистами, то он стал тут жертвой той общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берии

именно Серову. Но другие товарищи высказались в том смысле, что нужно быть все-таки поосторожнее. Круглову же мы все не доверяли. И договорились, что лучше всего поручить это дело командующему войсками Московского округа противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко взял Берию, поставил вокруг своих людей и перевез Берию к себе на командный пункт, в бомбоубежище. Я видел, что он делает это как нужно. На этом заседание закончилось.

Когда изолировали Берию, он попросил авторучку и бумагу. Мы посоветовались (у некоторых имелись сомнения) и решили дать ему: может быть, в нем пробудилось какое-то стремление искренне рассказать, что он знает о том, в чем мы его обвинили. И он начал писать. Сначала — записку Маленкову: «Егор, такой-сякой, ты же меня знаешь, мы же друзья, зачем ты поверил Хрущеву? Это он тебя подбил» и прочее. Ко мне он тоже обратился с запиской, в которой писал, что он честный человек. Таким образом он послал несколько записок. Маленков очень волновался, когда читал эти записки.

Потом стал говорить, что это они вместе с Берией предложили идею сворачивания строительства социализма в Восточной Германии и он боится, что дело, направленное против Берии, обернется и против него. Но мы ему сказали, что сейчас обсуждается не этот вопрос. Вопрос же о Берии гораздо глубже, чем о Германии.

Когда Руденко стал допрашивать Берию, перед нами раскрылся ужасный человек, зверь, который не имел ничего святого. У него не было не только коммунистического, а и вообще человеческого морального облика. А уж о его преступлениях и говорить нечего, сколько он загубил честных людей!

А столько людей партии уничтожил Сталин! Он уничтожил все хозяйственные, инженерные кадры. Тысячи уничтожил. Не найти ему, как некоторые сейчас пытаются, исторического оправдания. Это означает оправдать будущих авантюристов, которые способны на повторение такого. Нельзя оправдать хотя бы и из «благородных побуждений», ради укрепления государственности. Такими аргументами Сталин оправдывал казни Иоанна Грозного и сам стал на тот же путь уничтожения людей. Люди вроде меня, близкие к Сталину, читая «Князя Серебряного» Алексея Константиновича Толстого, подтвердят, что все эти проделки Иоанна Грозного явились тем, что потом буквально копировал Сталин.

А.И. Микоян Второе лицо в стране

(Из книги А.И. Микояна «Так было»)

Отношения со Сталиным

До революции о Сталине я знал только по его работе «Национальный вопрос и социал-демократия», которую мы, наряду с книгами Шпрингера и Отто Бауэра, штудировали в марксистском кружке в 1915 г., когда я учился в семинарии. Труд Сталина произвел на меня хорошее впечатление.

Позднее до конца 1917-го- начала 1918 г. яо Сталине не слышал. Во время Бакинской коммуны Сталин был в Москве, прислал несколько телеграмм Шаумяну, и он некоторые читал вслух. Он с уважением относился к Сталину, но особой теплоты в его высказываниях в отношении Сталина я не замечал. Да и ни от одного активного коммуниста я о Сталине, будучи в Баку, в тот период ни слова не слыхал.

Потом, когда мне говорили о работе Сталина в Закавказье, особенно жена Шаумяна Екатерина Сергеевна, то рассказывали, что Сталин, будучи в Баку, вел себя как склочник, подсиживал Шаумяна, что в какое-то время работы бакинской организации он и Спандарян захватили руководство в свои руки.

Сам Сталин потом, через несколько лет, о жене Шаумяна говорил: «Эта женщина, как самка, думает только о своих птенцах, она часто враждебно смотрела на меня, потому что я втягивал ее Степана в такие конспиративные дела, которые пахли тюрьмой. Бывало так, что мы со Спандаряном ворвемся в квартиру и говорим: «Степан, собирайся, идем на такое-то нелегальное собрание». Степан сразу же соглашался и шел. Она же не могла спрятать своего неприязненного отношения ко мне».

Вообще Сталин и Шаумян считались друзьями, но такой оттенок отношений между ними был. Сын Шаумяна, когда в 1917 г. по поручению отца ездил в Москву, жил на квартире у Сталина. Но после смерти Шаумяна Сталин не хотел поддерживать близких отношений с его семьей. Он относился неплохо к его старшему сыну, но не проявлял теплоты и дружбы.

Таким образом, до 1919 г. мне не приходилось сталкиваться со Сталиным и узнать о нем что-то особенное. Его не было заметно. Даже несмотря на то, что он был наркомом по делам национальностей и членом Политбюро.

//_ * * * _//

В марте 1921 г. я был делегатом на X съезде партии. После одного из заседаний, когда приближалось обсуждение вопроса о

выборах ЦК, меня как представителя Нижегородской организации, стоящего на ленинской платформе, вдруг пригласили на совещание в Кремль. Это было часов в 7–8 вечера. В небольшой комнате собрались Ленин, Сталин, Каменев, Петровский, Каганович, наверное, и Молотов был, Шмидт, Рудзутак, Рыков. Ленин сидел за столом, Сталин позади Ленина ходил и курил трубку.

Когда Ленин предложил собрать сторонников платформы втайне от других, чтобы наметить кандидатуры для выборов в ЦК, Сталин, который все время молчал, подал реплику: «Товарищ Ленин, это же будет заседание фракции, как это можно допустить?» Ленин ответил: «Смотрите, старый и рьяный фракционер- и боится организации. Вот странно! В это время, пока мы здесь сидим, троцкисты второй раз собираются. У них уже готов список кандидатов в ЦК. Они ведут свою работу. Нельзя с этим не считаться. Надо подготовиться, чтобы не дать им возможности победить, а то они могут провести много своих людей в ЦК». Действительно, тогда на съезде авторитетных деятелей было сравнительно мало, и те в большинстве были на стороне Троцкого. На стороне же Ленина были организаторы из рабочих. Вот такой характерный обмен репликами произошел между Лениным и Сталиным. И тогда у меня со Сталиным не было личного разговора.

Еще одна публичная встреча со Сталиным произошла при обсуждении его доклада по национальному вопросу. В нем было одно место, которое я считал неправильным. Характеризуя районы России в смысле подготовленности к социалистической революции, он из Закавказья выделил Азербайджан, отнеся его к отсталым феодальным районам Востока, где речь может идти только о ликвидации феодализма.

Я знал, что азербайджанцы не могли быть с этим согласны, и ждал, что кто-нибудь из азербайджанской компартии опровергнет это утверждение, но никто из них не выступил. И тогда выступил я, выступил резко, касаясь только азербайджанского вопроса, хотя был делегатом Нижегородской партийной организации.

Это не было попыткой отомстить или чем-то подобным. Нет, это были мои принципиальные взгляды. Во-первых, я считал, что ничего нового по национальному вопросу не было сказано сверх того, что было ранее сказано и написано Лениным. Вместе с тем возникли новые вопросы, на которые докладчик не дал ответа. Во-вторых, я подверг критике концепцию Сталина о том, что Азербайджан относится к тем отсталым районам Востока, для которых советская система не подходит ввиду социальной незрелости населения.

Я оспаривал эти утверждения, считая, что Азербайджан не такой отсталый, чтобы там нельзя было создавать Советы, тем более что Советы там уже созданы, что наличие крупного центра — Баку — оказывает свое революционизирующее влияние на крестьянство, на деревню.

Сталин в заключительном слове выступил против моих высказываний, заявив, что по Баку нельзя судить о всем Азербайджане, доказывал, что прав он, а не я.

//_ * * * _//

Поворот в наших отношениях произошел после той роли, которую сыграла моя партийная работа в Нижегородской организации. Эти объяснения являются моими предположениями, так как я об этом со Сталиным никогда не разговаривал. Но через год, накануне XI съезда партии, меня по телеграфу вызвали в ЦК, где сказали, что нужно идти к Сталину на квартиру. Там он принял меня тепло и передал поручение со ссылкой на Ленина и ЦК: ехать в Сибирь на помощь ленинцам, чтобы на съезде не оказалось много троцкистов.

В то время, когда кончилась беседа со Сталиным, в квартиру к нему неожиданно для меня вошел Ленин.

Эта встреча была поворотным пунктом в отношениях со Сталиным в положительную сторону, в сторону взаимного доверия. И Сталин выиграл в моих глазах: я увидел, что он является правой рукой Ленина в таких важных внутрипартийных вопросах. Это было на самом деле большое поручение, раз такое доверие ЦК оказывал мне через Сталина.

После XI съезда партии Сталин стал энергично проявлять себя по подбору кадров, организации и перестановке их как на местах, так и в центре. И то, что он делал, насколько я знал, и то, что касалось моей работы, мне нравилось. Это были меры по организационному подтягиванию, по обеспечению руководства ЦК, слабость чего ощущали до этого в местных организациях, а также в центральных ведомствах.

Позднее, когда мне приходилось перед ЦК ставить практические вопросы, они всегда находили со стороны Сталина правильное понимание. Он быстро схватывал суть дела, и я не помню ни одного случая, чтобы наши серьезные предложения были отклонены ЦК или правительством.

Все это укрепляло мое доверие к Сталину, и я стал часто обращаться к нему, а во время поездок в Москву бывать у него.

Весной 1923 г., кажется в мае, будучи в Москве, я зашел к

нему днем на квартиру. Он жил тогда в первом доме направо от Троицких ворот, на втором этаже двухэтажного дома. Комнаты простые, не особенно просторные, кроме столовой. Кабинет был даже очень маленький.

Сталин вышел из кабинета с перевязанной рукой. Я это увидел впервые и, естественно, спросил, что с ним. «Рука болит, особенно весной. Ревматизм, видимо. Потом проходит». На вопрос, почему он не лечится, ответил: «А что врачи сделают?» У него было скептическое отношение к врачам и курортам. До этого он один раз отдыхал в Нальчике, в небольшом домике, без врачебного надзора. А потом ни на каких курортах не был и не хотел бывать.

Узнав о ревматических болях, я стал уговаривать его полечиться на мацестинских ваннах. При этом сослался на Председателя ЦКК Сольца, который каждый год ездил в Мацесту и очень хвалил ее. Знал я это потому, что тогда не было прямых поездов Москва — Сочи, поэтому Сольц ездил через Ростов и останавливался у меня на квартире. Я говорил Сталину: «Поезжай полечись». (Мы были уже на «ты».) Он спорил. «Зачем сопротивляешься? Поезжай. Если ничего не выйдет, больше не поедешь. Ведь надо считаться с тем фактором, что это хороший курорт и место для лечения, о котором все так говорят. Зачем терпеть боль в руке?» Словом, еле-еле уговорил.

Привезли его в Сочи, поместили в купеческом домике из трех спальных комнат и одной столовой-гостиной. Этот домик и сейчас сохранился. Я выбрал этот домик и предложил Сталину там поселиться, ведь это было в пределах моего края.

Мацеста на Сталина повлияла очень хорошо. К концу курса лечения он получил большое облегчение. Боль в руке почти прошла. Он был очень доволен. Но врачи сказали, что одного курса недостаточно, и он стал ездить в Мацесту каждый год. Я его всегда там навещал.

Сочи так понравился Сталину, что он ездил туда даже тогда, когда уже не нуждался в мацестинских ваннах. Только после войны он провел одно лето в Ливадии, поселившись в Ливадийском дворце. Честно говоря, я был этим очень недоволен. Ведь до войны дворец считался курортом для трудящихся крестьян. Это было, на мой взгляд, политической бестактностью.

//_ * * * _//

В Москве мы встречались со Сталиным у него на квартире, когда я приезжал туда по партийным делам. Сталин тогда

работал во всю силу. Не так много по времени (мы, молодые, больше работали), но, учитывая его способности, он был в полной форме, что вызывало к нему уважение, а манера поведения — симпатию.

Со Сталиным в обращении мы так и остались на «ты». Вообще со Сталиным очень узкий круг лиц был взаимно на «ты»: Орджоникидзе, Калинин, несколько позже-Молотов, Ворошилов, затем Киров, Бухарин, Каменев. (Каменев и Сталин дружили еще на Кавказе и в ссылке встречались, в Минусинске, вместе прибыли в Петроград и работали в редакции «Правды», находились в хороших отношениях друг с другом- до известной поры.) Некоторые из перечисленных товарищей обращались к нему Коба — это была его партийная кличка. Редко Орджоникидзе называл его Сосо — уменьшительное от Иосиф.

В личной жизни Сталин был очень скромен, одевался просто. Ему очень шла гражданская одежда, подчеркивавшая еще больше его простоту. Часто я у него обедал дома и на даче один или до середины 30_х гг. с женой. Между прочим, моя жена безоговорочно верила Сталину, уважала его и считала, что все беззакония, которые творились, делаются без его ведома.

Раньше обеды у Сталина были как у самого простого служащего: обычно из двух блюд или из трех- суп на первое, на второе мясо или рыба и компот на третье. Иногда на закуску-селедка. Подавалось изредка легкое грузинское вино.

Но после смерти жены, а особенно в последние годы, он очень изменился, стал больше пить, и обеды стали более обильными, состоявшими из многих блюд. Сидели за столом по 3–4 часа, а раньше больше получаса никогда не тратили.

Сталин заставлял нас пить много, видимо, для того, чтобы наши языки развязались, чтобы не могли мы контролировать, о чем надо говорить, о чем не надо, а он будет потом знать, кто что думает.

Постепенно он стал увлекаться разнообразной едой. Обстановка обеда или ужина была организована разумно в том смысле, что девушки, которые подавали, ставили закуски на стол сразу, а супы — на другой стол. Каждый брал то, что хотел, потом подходил к другому столу, наливал себе тот или другой суп, брал чистую салфетку. Словом — самообслуживание. Одновременно с едой обсуждались разные вопросы, он даже говорил, что это вроде политического клуба.

Сталин очень любил рыбные блюда. Несколько сортов всегда было: дунайскую сельдь очень любил, керченскую, рыбца копченого, шемаю копченую, отварную рыбу, птицу любил: цесарок, уток, цыплят. Любил тонкие ребра барашка, сделанные

на вертеле. Очень вкусная вещь. Тонкие ребра, мало мяса, сухо зажаренные. Это блюдо всем всегда нравилось. И перепела отварные. Это были самые лучшие блюда.

Бывало, часа два посидим и уже хочется разойтись. Но он заводил беседу, задавал вопросы на деловые темы. Обычно все проходило нормально, но иногда он, не сдерживая себя, горячился, грубил, нападал на тех или других товарищей. Это оставляло неприятный осадок. Но такое было не часто.

//_ * * * _//

Я наблюдал за Сталиным, сколько он ел. Он ел минимум в два раза больше меня. А я считал, что объедаюсь. Например, он брал глубокую тарелку, смешивал два разных супа в этой тарелке, потом по крестьянской привычке, которую я знал по своей деревне, крошил кусочками хлеб в горячий суп и покрывал все это другой тарелкой — пар сохранялся там и хлеб впитывал влагу- и доедал все это до конца. Потом закуски, вторые блюда, много мяса. Ел он медленно, запивая вином.

Он любил выдумывать и заказывать блюда, неизвестные нам. Например, стал заказывать поварам и постепенно совершенствовать одно блюдо: не то суп, не то второе. В большом котле смешивались баклажаны, помидоры, картошка, черный перец, лавровый лист, кусочки нежирного бараньего мяса — и все доводилось до готовности. Это блюдо подавалось в горячем виде и ставилось на тот стол, где мы брали первое. Когда открывали котел, то шел приятный аромат. Туда добавляли кинзу и другие травы. Блюдо было очень вкусным. Сталин дал ему название «Арагви».

Один раз Сталин сказал, чтобы я организовал доставку в Москву нельмы. Это было нетрудно, стали привозить сырую рыбу. Я впервые в жизни узнал, что можно есть сырую рыбу. Вначале было противно даже трогать ее. Но потом понравилось. Крепко замороженная, как камень, тонко наструганная ленточками, она сразу подавалась на стол, чтобы не разморозилась. Пробовали сперва несмело, а потом понравилось. Ощущение во рту было приятное, как будто кондитерское изделие. Брали рыбу, потом чеснок и соль и сразу же запивали рюмкой коньяка.

Когда отношения со Сталиным у меня были еще хорошие, я иногда посылал ему несколько бутылок новых вин, главным образом грузинских или крымских. Это ему нравилось. Но с началом репрессий и усилившейся мнительностью Сталина я перестал это делать. Когда же появился Берия, то он стал

присылать Сталину разные сорта вин. А пили мы их все вместе. В последние годы, когда мнительность Сталина резко возросла, он делал так: поставит новую бутылку и говорит мне или Берии: «Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других, попробуйте, стоит ли пить это вино?» Я всегда говорил, хорошее вино или плохое, — нарочно пил бокал до конца. Берия тоже. Каждое новое вино проверялось таким образом. Я думал: почему он это делает? Ведь самое лучшее — ему самому попробовать вино и судить, хорошее оно или плохое. Потом мне показалось, и другие подтвердили, что таким образом он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии. Вот на нас он и проверял.

Но, как правило, атмосфера во время этих обедов была товарищеская, особенно до войны. Потом, особенно после войны, Сталин стал раздражительным. Я же по старой привычке рассказывал ему все, что знал, что происходит в стране, что народ волнует. Говорил, что нет мяса, нет некоторых товаров и о других недостатках. Сталин стал нервничать, сердиться — почему нет? Раз он очень раздраженно стал меня допытывать, почему нет продуктов. Я ответил, как думал. Это было время, когда Маленков в Совмине ведал сельским хозяйством. Я сказал Сталину: «Пусть Маленков скажет, почему отсутствуют необходимые продукты, ему легче это сделать». Я правду говорил. Сталин посмотрел на Маленкова. Тот молчал, делая вид, что со мной спорить нечего. Сталин, видимо, понял, не стал допрашивать Маленкова, ибо тот все равно не мог ничего объяснить.

И до этого, и в данном случае Маленков или Берия наступали мне на ногу под столом, давая понять, чтобы я перестал такие откровенные вещи говорить. Я смотрел на них удивленно. Потом, когда спорил с ними, доказывая, что я прав, они мне говорили: «А какая польза от этого? Это только раздражает Сталина. Он начинает нападать то на одного, то на другого. Ему надо говорить все то, что понравится, чтобы создать атмосферу благополучия, не портить обстановки за обедом». Я срывался еще несколько раз, но меня вновь предупреждали, и постепенно я стал говорить о делах мало и между прочим.

Когда-то, в начале 1930-х гг., он умел спокойно выслушать или высказаться недлинно, но метко, быстро схватывая, о чем говорили, любил, чтобы кто-нибудь вечером бывал у него. Бывали Молотов, Ворошилов, я, Орджоникидзе, Киров, когда приезжал. Тогда не было обильного обеда, обильной выпивки, больше сидели за чаем. Такие встречи помогали ему получать информацию, память у Сталина была отличная. Но в

послевоенные годы память у него стала сдавать сильно. Однажды он даже забыл фамилию Булганина в его присутствии.

//_ * * * _//

Сталин не любил широкого круга людей, посещения заводов, колхозов, собраний, что до 30-х гг. еще как-то выносил. Кажется, был тогда на заводе «Динамо» и еще где-то, но мало. Однако из бесед с окружающими товарищами, из их информации он много знал, так как эти люди, как правило, были квалифицированными, умеющими правильно разбираться в фактах и событиях, и поэтому Сталин был в целом в курсе всего того, что происходит в стране и за рубежом.

В 1934 г. он настолько привязался ко мне, что по вечерам мы сидели долго, говорили, он мне советы давал. Однажды предложил остаться ночевать у него на даче. Я, конечно, остался. Звонил жене, что остаюсь ночевать у Сталина. Это был первый случай, когда я не ночевал у себя дома. Для жены это было нежелательно. Прошло несколько дней, и он опять предложил остаться ночевать. Я снова предупредил жену, что не приду домой, так как она всегда меня ждала, в какое бы время я ни приходил. Когда это произошло в третий раз, вижу (хоть жена не говорит прямо, но по глазам видно), что она не знает, верить мне или нет. А как можно было проверить, что я у Сталина? Можно было верить только на слово. Правда, она меня знала, никаких оснований для ревности за всю нашу жизнь у нее не было. И все же в следующий раз, когда Сталин стал оставлять меня ночевать, я сказал, что моя жена волнуется, когда меня нет дома. Он не настаивал.

После меня у него часто ночевал Сванидзе, брат его первой жены. Видимо, ему было скучно совсем одному. Позже, когда Сванидзе не стало, у Сталина никто ночевать уже не оставался, и он не предлагал этого никому.

Он запирался в спальне один изнутри. Видимо, у него появилась мания преследования на фоне его расправ с людьми. И страх…

Убийство Кирова. Поведение Молотова

1 декабря 1934 г. после 9 часов вечера вызвали меня на экстренное заседание Политбюро. В кабинете у Сталина были Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович. Сталин объявил, что убит Киров. Он тут же, до какого-либо расследования, сказал, что зиновьевцы, потерпев поражение в открытой борьбе, перешли к террору против партии. Он предложил, чтобы Молотов и Ворошилов с ним немедленно выехали в Ленинград для проведения расследования этого дела, «докопаться до корней и пресечь террор со стороны зиновьевцев, нагнать на них страху, приостановить готовящиеся новые террористические акты». Предложил принять чрезвычайный закон, по которому за террористические акты террористы будут беспощадно наказываться и судебные решения о расстреле будут приводиться в исполнение немедленно, без права апелляции.

Это было так неожиданно, невероятно, так нас подавило, что обсуждения никакого не было.

Сталин поручил Енукидзе подготовить постановление ЦИК.

Ночью Сталин, Молотов и Ворошилов уехали в Ленинград. 2 декабря они приехали обратно и привезли с собой гроб с телом Кирова. На вокзале гроб поставили на артиллерийский лафет, и процессия направилась к Дому Союзов. Впереди шел Сталин, за ним другие члены Политбюро. После смерти Ленина и того горя, которое все тогда пережили, это было вторым по своей глубине горем для партии и страны.

Потом члены Политбюро собрались в кабинете у Сталина, и он рассказал о ходе следствия об убийстве Кирова. Из рассказа Сталина меня поразили два факта: первый — что террорист Николаев, который считался сторонником и ставленником Зиновьева, два раза до этого арестовывался органами ЧК, при нем находили оружие. Он пытался совершить покушение и был задержан охраной Зимнего дворца, где работал, но был выпущен работниками ЧК. Невероятно с точки зрения поведения ЧК. Казалось, все данные свидетельствовали о том, что готовится террористический акт. Факт ношения оружия должен был привести к аресту Николаева — ведь запрещено было носить оружие. Однако вместо проявления бдительности, вместо предотвращения убийства ЧК, по существу, его поощряло. Это вытекало из рассказа самого Сталина.

И второй факт- это убийство комиссара охраны Кирова, который лично его сопровождал и был после совершенного убийства арестован чекистами для допроса.

Сталин послал чекистов, чтобы они доставили его к нему для допроса в Зимний дворец. Но при перевозке его на машине по дороге случилась автомобильная авария, машина ударилась обо что-то. Убитым оказался только комиссар из охраны Кирова. Причем странно было, что в машине был убит только он один, больше никто не пострадал.

Сталин возмущался: как это могло случиться? Все это было очень подозрительно. Но никаких выводов Сталин из этого не делал. Дальше расследовать, распутывать весь узел он не предлагал, а лишь возмущался.

Я тогда сказал Сталину: как же можно такое терпеть? Ведь кто-то должен отвечать за это? Разве Председатель ОГПУ не отвечает за охрану членов Политбюро? Он должен быть привлечен к ответственности.

Но Сталин не поддержал меня. Более того, он взял под защиту Ягоду, сказав, что из Москвы трудно за все это отвечать, что поручено разобраться в этом деле работникам ленинградского ЧК и виновные будут найдены и наказаны.

Ленинградское ЧК возглавлял Медведь, очень хороший товарищ, один из близких, закадычных друзей Кирова. Они вместе ездили на охоту в карельские леса. С Медведем Киров был неразлучен. Но в эти трагические дни его не было в Ленинграде, и он не мог нести ответственности за это дело. Однако Медведь был снят с работы и в качестве наказания направлен начальником лагеря заключенных на Севере.

В моей памяти осталось совершенно непонятным поведение Сталина во всем этом: его отношение к Ягоде, нежелание расследовать факты. В другом случае он расстрелял бы сотни людей, в том числе чекистов, как в центре, так и на местах, многих, может быть, и невинных, но навел бы порядок. Когда же необходимость серьезных мер вытекала из таких поразительных обстоятельств гибели Кирова, он этого не сделал.

Потом мы с Серго обменивались мнениями по этому вопросу, удивлялись, поражались, не могли предположить и понять.

//_ * * * _//

После убийства Кирова началось уничтожение руководящих работников. Лишь немногим из тех, кто попал в поле зрения ГПУ, удалось избежать гибели. Среди таких «счастливчиков» был Иван Федорович Тевосян. О жизни этого человека следует сказать особо.

Тевосян был одним из самых интересных, толковых,

принципиальных, твердых по характеру, талантливых людей. Я его знал, когда он был мальчиком лет 15. На X съезде партии он и Фадеев, оба в возрасте 18 лет, были делегатами с решающим голосом. В нелегальных условиях Тевосян налаживал связи, привлекал молодежь на сторону партии. Он оставил в Баку о себе самое лучшее впечатление. Потом ушел учиться, окончил институт, стал металлургом.

Орджоникидзе его возвысил. Он стал начальником треста «Электросталь», большие успехи делал в работе. Орджоникидзе восхищался им, ценил его, в своих речах много раз о нем похвально говорил. Орджоникидзе умел находить талантливых людей.

По инициативе Орджоникидзе Тевосяна послали на фирму Круппа изучать производство высококачественных сталей у немцев. Он начал там работу с мастера цеха. Проявил большие способности. Немцы были поражены его знаниями, организаторскими способностями.

Тевосян вырос до наркома судостроения и много сделал хорошего на этом посту. Сталин был им доволен.

В 1939 г., когда Ежов и Берия уже несколько лет как косили руководящие кадры, они стали подкапываться под Тевосяна.

Перед этим Сталин вызвал в Москву Берию, и ЦК его назначил заместителем Ежова. Мы не понимали значения всего этого, но потом нам стало ясно, что это делается с перспективой на будущее- Сталин решил ликвидировать Ежова, как раньше Ягоду.

Как раз в это время Ежов представил материал против Тевосяна, которого обвинили во вредительстве какие-то арестованные инженеры.

Я как-то был у Сталина, и он мне говорит: «Вот на Тевосяна материал представили, верно или неверно? Жалко, хороший очень работник». — «Это невероятная вещь, — ответил я, — ты сам его знаешь, я его знаю, Серго его хорошо знал. Не может этого быть!»- «На него такие невероятные вещи пишут!» Затем, подумав, он предложил устроить очную ставку: «Ты участвуй в очной ставке, пускай Молотов еще будет, вот вам двоим поручается. Атам будут присутствовать Ежов и еще работники ЧК».

Мы согласились и пошли в здание НКВД. Привели двух инженеров, лет по 40–45, болезненных на вид, изнуренных, глаза у них прямо не смотрели, бегали по сторонам. Тевосян сидел и напряженно ждал.

Мы их спрашиваем, что они могут сказать о Тевосяне плохого. Отвечают: «Очень давно, когда он учился вместе с нами,

мы жили в общежитии и плохо было со снабжением, мы как-то ходили за кипятком, и Тевосян критиковал и ругал Советскую власть за то, что плохо поставлено дело снабжения. В общежитиях не было кипяченой воды ит. д., словом, ругал Советскую власть».

Мы с Молотовым переглянулись. Понимаем, что это не может быть основанием для обвинения Тевосяна во вредительстве. Спрашиваем: «А еще в чем виноват Тевосян?» Отвечают, что он был связан с немецкими специалистами, с немецкой агентурой, добился приглашения в Россию немецких специалистов, потому что у Круппа служил и вел дело против Советской власти. Спрашиваем: в чем же вредительство Тевосяна проявилось?

Один из инженеров отвечает, что производство качественной стали получается лучше на древесном угле, анеу электростали. Уральские металлурги дают самую высококачественную сталь, работая на древесном угле. В Швеции развитие производства стали идет на древесном угле. Тевосян же зажал развитие этой отрасли металлургии и переводит дело на производство электростали, а это ухудшает качество стали. У немцев нет дров, поэтому они и вынуждены перейти на производство электростали, но качество стали при этом получается хуже. У нас же дров хватает, а Тевосян вместо развития древесной стали все переключает на электросталь. Это вредительство.

Из всех показаний это было самым острым аргументом.

Действительно, почему мы должны переходить на производство электростали, качество которой хуже? Мы тогда только знали, что шведская сталь высокого качества.

Просим Тевосяна объяснить. Он был очень взволнован, бледен, но не горячился. Сказал: «На другие вопросы отвечать не буду, а в отношении электростали скажу. Действительно, я поворачиваю дело с древесного угля на электросталь. Я считаю это совершенно правильным делом. Неверно, что качество электростали хуже стали, производимой на древесном угле. Это во-первых. Во-вторых, при огромном росте потребности Советского Союза в качественных сталях никаких уральских лесных ресурсов поблизости не хватит металлургическим заводам, чтобы всю эту сталь произвести на древесном угле, не говоря уже о стоимости. Это очень дорогое удовольствие и в смысле количественном невыполнимая задача. А у немцев, у Круппа, получается очень хорошее, высокое качество стали, и мы у себя наладим это. Никто не может доказать, что наша сталь хуже».

У меня прямо от сердца отлегло, как аргументированно, убедительно он доказал это. Неприятно было смотреть на лица этих несчастных обвинителей: глаза у них блуждали, они

смотрели на чекистов и, наверное, думали, как те поведут себя с ними после этого.

У Ежова была двусмысленная улыбка. Он чувствовал, что его обвинение провалилось и что Тевосян реабилитировал себя. У Берии было довольное лицо. Тогда я не понимал, почему довольное, — потом стало ясно, что он использовал дело Тевосяна против Ежова, чтобы еще больше его скомпрометировать. У Молотова же лицо было, как маска. Он умеет это делать, когда хочет.

//_ * * * _//

Обратно к Сталину ехали на одной машине все вместе: Ежов, Берия, я и Молотов. Я говорю: «Какая великолепная реабилитация!» Молотов молчит, Ежов и Берия тоже молчат. Видимо, думали, что говорить при Сталине лучше, чем здесь: у каждого были какие-то свои планы.

Приехали к Сталину. Он спрашивает: «Ну как дела?»

Я сказал: «Первое обвинение, выдвинутое против Тевосяна, чепуховское, а в главном обвинении — он доказал, что он прав».

«Вячеслав, а ты как?» — спрашивает Сталин. Молотов сказал, что здесь не все ясно. Нельзя, как Микоян, безоговорочно утверждать. Надо еще выяснить. И больше никаких аргументов не привел.

Ежов молчал. Берия сказал, что даже нет оснований к обвинению Тевосяна. Это ему надо было сказать, чтобы «высечь» Ежова.

Сталин говорит: «Не надо арестовывать Тевосяна, он очень хороший работник. Давайте сделаем так (ко мне обращается). Он тебе доверяет, ты его хорошо знаешь. Ты вызови его и от имени ЦК поговори с ним. Скажи, что ЦК известно, что он завербован Круппом как немецкий агент. Все понимают, что человек против воли попадает в капкан, а потом за это цепляются, человека втягивают, хотя он и не хочет. Если он честно и откровенно признается и даст слово, что будет работать по совести, ЦК простит ему, ничего не будет делать, не будет наказывать».

Я ответил согласием.

На следующий день вызываю к себе в кабинет Тевосяна. Я ему говорю: «Ты знаешь, как хорошо относится к тебе Сталин, ЦК. Мы очень высоко тебя ценим как нашего талантливого хозяйственника, мы не хотим тебя лишаться». Я сказал, что по поручению ЦК передаю ему мнение ЦК, и изложил все, что было сказано Сталиным.

Тевосян говорит: «Товарищ Микоян, от любого я мог ожидать такой постановки вопроса, но не от вас. Вы знали меня еще мальчиком. Разве я мечтал быть когда-либо наркомом, членом ЦК? Я всем обеспечен, морально удовлетворен, большие достижения имею, меня все уважают, авторитетом большим пользуюсь среди рабочих. Как же вы такие вопросы мне задаете?! Как я, убежденный коммунист, вступивший в партию в тяжелые для нее годы, могу завербоваться к Круппу? Почему я должен быть завербованным Круппом? Неужели вы меня не знаете? Я же шел на смерть в бакинском подполье ради идеи».

Я ответил, что все знаю хорошо, но есть данные в ЦК. «Если бы мы тебя не любили и не уважали, я бы с тобой не разговаривал, ты не должен на это обижаться. Ты все же скажи откровенно: может, что-то было?» (Я выполнил свой долг, хотя сам не верил, что он завербован.)

Он говорит: «Передайте ЦК и Сталину, что не могло быть и не было ничего подобного. Я делал все честно, выполнял любую работу, двигал вперед порученное дело, успехи имеются немалые. Какой же иностранный агент будет добиваться для Советской власти таких вещей? Разве это похоже на деятельность агента? Любая экспертиза может доказать мою правоту».

И еще Тевосян сказал: «Теперь я понимаю, почему в течение месяца за моей машиной следовала другая машина. Значит, за мной следили. Сперва не верилось, что это так, это же провокация, неужели вы не понимаете? Я прошу помочь расследовать это дело».

Я уговорил его, что не надо ничего делать. Я все расскажу ЦК.

Я рассказал Сталину. Он убедился, что это так и есть, и успокоился. Вскоре Ежов был снят с поста и позже расстрелян. Так уцелел Тевосян.

//_ * * * _//

Я тогда возмущался поведением Молотова. Я к нему раньше неплохо относился, правда, с некоторыми оговорками. У меня лично мало было с ним столкновений. Но его поведение в отношении Тевосяна меня просто поразило, даже после того, что о нем думал и говорил Орджоникидзе (а Серго очень не любил Молотова).

Меня поразило и то, что Молотов, после XXII съезда КПСС прислав в ЦК письмо с просьбой о восстановлении его в партии, считал, что неправильно его исключили из партии, что его

ответственность за уничтожение руководящих кадров нельзя преувеличивать, что он не больше ответственен за это, чем другие, и как пример приводит случай с Тевосяном. Он, возможно, забыл, что я был вместе с ним, и бессовестно искажает факты. Кроме этого случая, он не мог ничего привести. Если бы тогда посчитались с его мнением, то с Тевосяном расправились бы.

Молотов скрытный человек, но, видимо, он очень злопамятный. Это видно на примере Тевосяна. Возможно, он не мог простить ему то, что его поддерживал Орджоникидзе, тем самым был как бы против Молотова. Ибо в результате очной ставки, несмотря на очевидную невиновность Тевосяна, он хотел не дать ему реабилитироваться, полагая, что Сталин будет этим удовлетворен. Он добивался ареста Тевосяна в данном случае. Изложенные обстоятельства только и позволили Тевосяну выйти из этой беды.

О его злобе говорит еще такой случай: после того, как Сталина не стало, Молотов устроил «нападение из засады» на Тевосяна, который возглавлял Министерство черной металлургии, будучи заместителем Председателя Совмина СССР.

На заседаниях Президиума ЦК и Совмина Тевосян жаловался, что на металлургию выделяется мало капиталовложений, мало рабочей силы и материальных средств для выполнения планов строительства, по этой причине планы не выполняются. Говорил, что создается угроза отстать в металлургии, особенно в производстве проката. Тевосян был крупным металлургом и пользовался в этом смысле непререкаемым авторитетом. Не было никого до него и после него выше по знаниям и авторитету в этом деле.

Тогда мы не могли выделять много капиталовложений и материальных средств. Хрущев говорил, что надо направить внимание на использование уже выделенных средств, а не требовать новых ассигнований. В этом плане Хрущев критиковал Тевосяна, говоря, что тот не обращает внимания на использование внутренних ресурсов.

В такой обстановке Молотов, будучи министром госконтроля, провел обследование строек металлургической промышленности и представил доклад в ЦК. В нем отмечалось, что очень большое количество оборудования лежит на стройках черной металлургии. Это и оборудование, произведенное в Советском Союзе, и демонтированное в счет репараций оборудование из СДР, и импортное оборудование. Такие явления были, к сожалению, и в других отраслях. Молотов же говорил, что только в металлургии такое происходит, не сопоставляя с другими

отраслями.

Записка была критически острая, факты были даны на основе реальных данных.

Эта записка произвела большое впечатление на членов Президиума ЦК и на Хрущева. Он резко выступил против Тевосяна, хотя и знал ему цену. Этот материал был серьезным ударом по Тевосяну. Он хотел оправдываться, но это было трудно.

После этого в ЦК обсуждали вопрос о том, что, может быть, целесообразнее в интересах развития металлургической промышленности освободить Тевосяна от занимаемой должности. Было решено направить его послом в Японию.

В Японии он пользовался большим авторитетом. Но, конечно, это фактически была отставка Тевосяна от тех дел, которые он знал, на которых вырос.

Чехарда перед войной

Трагичность и пагубность последствий для партии и государства репрессий 1937–1938 гг. видна не только на фактах уничтожения огромного числа опытных, прошедших школу борьбы с трудностями советских, партийных и военных работников. Это сказалось и в другой области, которая до сих пор еще даже не затронута в мемуарах, и никто о ней, насколько я это знаю, не написал ни слова. И в книгах об истории партии и государства эта область — создание, реорганизация и образование органов военного и экономического руководства Советской страной — также почти не освещена.

До 28 апреля 1937 г. функционировал созданный Лениным в ноябре 1918 г. Совет Труда и Обороны (СТО), сыгравший выдающуюся роль как в Гражданскую войну, так и в дальнейшем по руководству социалистическим строительством, развитием оборонной промышленности и вооруженных сил. Одновременно с ликвидацией СТО был создан самостоятельный орган при Совнаркоме СССР — Комитет обороны, который просуществовал 3 года и один месяц и был ликвидирован 30 мая 1941 г. — за 23 дня до начала войны.

Вначале я был кандидатом в члены Комитета обороны, ас 10 сентября 1939 г. — членом этого комитета.

Создание специального Комитета обороны тогда не вызывало возражений, ия не считал и не считаю это ошибкой. Ошибочно только то, что он был ликвидирован перед началом войны и ничем сразу не заменен. Только нападение Гитлера на СССР вынудило нас образовать через 8 дней после начала войны Государственный Комитет Обороны (ГКО).

Эти изменения даже мало считать организационной чехардой, они просто не поддаются пониманию.

Конечно, оставался Совнарком, который за все отвечал, но он не мог обходиться без специального органа по обороне. Чем можно объяснить ликвидацию Комитета обороны? До сих пор не могу этого понять. Правда, комитет постепенно стал мало работать, редко собираться, а значит, мало было коллективного обсуждения военных вопросов, которые сосредоточивались вокруг Сталина. Сталин собирал случайные совещания. Молотов на них присутствовал всегда, на некоторых бывал я, до финской войны Ворошилов всегда участвовал. Но после того, как Ворошилов был снят с поста наркома обороны, превратившись в козла отпущения за неудавшуюся войну с Финляндией, он перестал на них бывать.

Любой историк может задать вопрос: чем мешал Комитет

обороны Сталину в подготовке страны к войне? Почему он его ликвидировал? Он же сам был во главе комитета. Никакой оппозиции ни в этом комитете, ни в правительстве, ни вообще в стране не было.

//_ * * * _//

После ликвидации Комитета обороны Сталин продолжал заботу об обороне страны, но главная организационная чехарда, совершенно недопустимая, началась после ликвидации СТО в связи с тем, что никакой замены СТО в части экономического руководства страной не было сделано. Лишь через 7 месяцев, когда стало ясно, что не может Совнарком наряду с другими делами руководить также и экономической жизнью страны, был образован при Совнаркоме Экономический совет.

Это было исправлением ошибки, и я считаю это решение правильным.

Председателем Экономсовета являлся Председатель Совнаркома по положению, а членами Экономсовета — заместители Председателя Совнаркома и председатель Центрального совета профсоюзов: председатель — Молотов, члены — Микоян, Межлаук, Чубарь, Косиор, Каганович, Булганин. Менее чем через два года состав Экономсовета был дополнен Ждановым, Андреевым, Маленковым.

Экономическая работа в стране велась неудовлетворительно. Это мы понимали, и Сталин, видимо, сам чувствовал это. Он считал одной из причин такого положения слабое организационное руководство из центра. Я же, как и другие, видел главную причину в ином. Она заключалась в том, что многие опытные руководители — начиная с директоров предприятий, главных инженеров, начальников трестов и главков до заместителей наркомов и наркомов — были репрессированы.

Надо сказать, что я как член Экономсовета, ввиду того что Молотов был занят другими вопросами, больше других занимался делами совета. Вначале января 1938 г. я был освобожден с поста наркома пищевой промышленности, что позволило мне еще больше уделять времени Экономическому совету. Многие решения Экономсовета были подписаны мной «за председателя».

Мы, конечно, делали все что могли, чтобы улучшить работу Экономсовета. Но серьезного улучшения не добились.

В сентябре 1939 г. по предложению Сталина было принято решение освободить Молотова от обязанностей председателя Экономсовета. Сталин считал, что Молотов с этой работой не

справляется. Я не хочу плохо говорить о Молотове. Но вообще-то он был негибким, неоперативным, любил длительные совещания, где сам мало говорил, думаю, потому, что он заикался, а это его угнетало, но он любил всех выслушать. Кроме того, Сталин занимал Молотова на всяких совещаниях, часто вызывал к себе, одним словом — держал около себя. Поэтому Молотов и не мог более оперативно работать в Экономсовете.

Я никогда Сталину на Молотова не жаловался, ничего критического в его адрес о его работе в качестве председателя Экономсовета не высказал. И не думаю, что кто-либо другой об этом говорил.

Это изменение руководства Экономсовета нельзя ставить особым упреком Сталину, ибо у Сталина, видимо, сложилось обо мне такое мнение, что работник я более оперативный и энергичный. И вот неожиданно Сталин назначил меня председателем Экономсовета. Это было 10 сентября 1939 г., т. е. через 1 год и 11 месяцев после образования Экономсовета.

Одновременно с назначением меня председателем Экономсовета по предложению Сталина постоянным моим заместителем был назначен Булганин, работавший председателем Госбанка СССР. Я был тогда неплохого, хотя и не очень высокого, мнения о Булганине и о его деловых способностях. Все же это, конечно, была поддержка.

//_ * * * _//

28 марта 1940 г. принимается решение «О перестройке работы Экономсовета»: Молотов снова становится председателем Экономсовета, ая — на этот раз официально — становлюсь его замом. Меня это не огорчило ни в какой степени, даже не обидело. Я понимал, какая гигантская ответственность налагается в такое время и в таком деле. Было ясно, что предыдущее решение о замене Молотова мною было неправильное. Но я думаю, что это не играло особой роли.

Через 38 дней после постановления «О перестройке работы Экономсовета» Сталин назначил еще двух заместителей его председателя: Булганина и Вознесенского, которые были перегружены работой в отраслевых советах, а Вознесенский еще и возглавлял Госплан.

Было при этом и другое нововведение, которое хотя и казалось по характеру демократичным, но никогда на практике не применялось. Было установлено, что заместители председателя Экономсовета: Микоян, Булганин, Вознесенский, «при отсутствии

председателя, поочередно председательствуют на заседаниях Экономсовета, соответственно подготавливая вопросы к заседанию». При всей демократичности этого принципа видна его непрактичность с точки зрения пользы дела. Три человека — три стиля, три подхода к решению вопросов. Они поочередно меняются. В решении не было сказано, кто занимается общими вопросами между заседаниями Экономсовета. Фактически же ими занимался я. Как можно было в такой острый период, за полтора месяца до начала войны, устанавливать такой «демократический» режим в руководстве?

Все это не могло не свидетельствовать о том, что Сталин перестал быть таким, каким он был раньше при решении хотя бы таких вопросов. Элементарно минимальная устойчивость руководящих кадров, минимальное время, которое они должны работать, — это условия, без которых государственный аппарат не может правильно работать.

И еще одна странность была проявлена Сталиным. Видимо, будучи недовольным работой Экономсовета, он предложил 13 февраля 1941 г. включить дополнительно в состав его членов Кагановича и Берию.

Поразительно, но всего через 37 дней (21 марта 1941 г.) после такого «укрепления» Экономсовета он упраздняется вовсе и появляется на свет новое учреждение- Бюро Совнаркома, «облеченное всеми правами Совнаркома», в следующем составе: председатель- Молотов, первый заместитель- Вознесенский, заместители- Микоян, Булганин, Берия, Каганович, Андреев. Все остальные, участвовавшие в то или другое время в экономическом руководстве страны, в Бюро не вошли.

Так был ликвидирован специальный орган, занимавшийся экономическим руководством страны, который существовал с небольшим перерывом со времен Ленина. Через три месяца после этого Гитлер напал на Советский Союз.

Но что нас больше всего поразило в составе руководства Бюро, так это то, что Вознесенский стал первым заместителем Председателя Совнаркома. Чем руководствовался при этом Сталин? Готовил замену Молотову? Или еще чем-то?

По-прежнему не понятны были мотивы, которыми руководствовался Сталин во всей этой чехарде. А Вознесенский по наивности был очень рад своему назначению. Правда, меня это мало трогало. У меня было так много работы и тогда и раньше, что я не придавал особого значения этим назначениям.

Насколько мне помнится, когда Сталин 6 мая 1941 г. стал Председателем Совнаркома, он назначил Вознесенского своим первым замом по экономическим вопросам, то есть отстранил

Молотова от этих дел, хотя тот и оставался его заместителем.

Потребовались тяжелые уроки поражений, чтобы создать устойчивое и компетентное руководство страной в условиях военного времени.

Договор с Германией

К исходу 30-х гг. важнейшие экономические и стратегические позиции в центре Европы оказались в руках фашистской Германии. 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война.

Всего за восемь дней до этого, 23 августа 1939 г., в Москве был подписан советскогерманский договор о ненападении. Я считал тогда и считаю сейчас, что заключение этого договора было неизбежным, вынужденным, а потому правильным действием перед лицом отказа Англии и Франции от серьезных переговоров об антигитлеровской коалиции с участием СССР. Было очевидно, что целью этих двух стран было толкнуть Гитлера к «Drang nach Osten», т. е поощрить Гитлера к нападению на СССР.

В 1940 г. было заключено соглашение о телефонной и телеграфной связи между СССР и Германией. Вначале 1941 г. проводились переговоры по ряду политических и экономических вопросов. Так, 10 января 1941 г. между СССР и Германией был заключен Договор о советско-германской границе от реки Игарка до Балтийского моря, подписанный Молотовым и Шуленбургом. Тогда же в Риге и Каунасе велись переговоры и были подписаны соглашения о переселении в Германию немцев, проживавших в Латвии, Эстонии и Литве. Одновременно в Москве подписали Соглашение об урегулировании взаимных имущественных претензий, связанных с этим переселением. 10 января 1941 г. мной как наркомом внешней торговли и посланником МИД Германии Шнурре было подписано Советско-германское хозяйственное соглашение. В коммюнике по этому поводу указывалось, что СССР предоставляет Германии промышленное сырье, нефтяные продукты и продукты питания, в особенности зерновые; Германия поставляет СССР промышленное оборудование.

Сталин пытался осенью 1940 г. в дополнение к Договору о ненападении добиться соглашения с Германией о сферах влияния в Европе, полагая, что гитлеровская шайка недолго будет господствовать в Германии.

Косвенно это можно видеть из воспоминаний Бережкова о поездке Молотова в Берлин осенью 1940 г. для переговоров. Бережков когда-то работал в моем аппарате во Внешторге. По просьбе Молотова я ему уступил его.

В частности, помнится, в переговорах речь шла о том, чтобы Гитлер не нападал на Болгарию, Дарданеллы и, кажется, Румынию, поскольку они должны быть «зоной советского

влияния».

Бережков не дает оценки хода этих переговоров. Он хвалит Молотова за то, как тот давал отпор наскокам Риббентропа и твердо держался нашей линии. Но любой на этом месте вел бы такую же политику. А ведь весь смысл переговоров, о которых Молотов, вернувшись, рассказал, заключался совсем в другом.

Молотов спрашивает Риббентропа: «Вы воюете с Западом. Мы понимаем это. Но нам непонятно, почему в это же время вы заключили военное соглашение с Румынией и сосредоточиваете там, в Румынии, германские войска, с какой целью?» Риббентроп, не отрицая этого факта, ловко отделался от вопроса и не раскрыл карты.

Молотов задает другой вопрос: «Почему вы сосредоточили несколько дивизий своих войск в Финляндии? Против какой угрозы они выставлены там? Какая цель сосредоточения этих войск здесь, у наших границ, под Ленинградом?» Ловкими отговорками Риббентроп отделался и от этого вопроса.

И, наконец, главный вопрос, который Молотов задает: «Почему такое большое количество дивизий из западных районов Европы, где идет подготовка у вас к нападению на Англию, перебрасывается в Польшу, вблизи наших границ?» Риббентроп отвечает, что войска эти в боях на Западе устали, переброска в Польшу имеет целью дать им отдых.

Десятки дивизий одновременно перебрасываются на отдых именно в Польшу! Не в Венгрию, не в Чехословакию или Италию, где климат для отдыха лучше! Такого вопроса Молотов, кажется, и не задавал.

Не надо быть большим политиком, чтобы, сопоставив три факта концентрации войск в Румынии, Польше и Финляндии в больших количествах на границах нашей страны, с которой есть Пакт о ненападении, сделать вывод — идет подготовка к началу войны против нас.

Меня не волновало то, что Риббентроп, а затем и Гитлер прямо отбрасывали предложение о сферах влияния, сказав, что они не могут терять свое влияние ни в Румынии, ни в Болгарии, ни в Дарданеллах, зато согласны дать нам возможность продвигаться на Персию, к водам Персидского залива. Это было не только грубым отклонением нашего предложения, но просто издевательством.

Я, будучи сторонником Пакта о ненападении, был настроен против директив, данных Сталиным Молотову в переговорах с Германией о сферах влияния. Не только потому, что это было нереально, так мне, по крайней мере, казалось. Но такое соглашение носило характер какого-то союза с гитлеровской

Германией, что не было понято коммунистами всего мира, и я внутренне отвергал это.

После доклада Молотова о переговорах в Берлине я думал, что у Сталина наконец раскроются глаза на реальную действительность и он предпримет срочные меры.

Да, Сталин принял решение о строительстве артиллерийских заводов и других военных предприятий. Очень хорошим было решение об авиационном комплексе в Куйбышеве, строительство которого было закончено через полгода после начала войны и который сыграл огромную роль в войне. Но выглядит анекдотом, что тогда же было принято решение о строительстве большого артиллерийского завода в Киеве, который через год оказался под властью немцев.

//_ * * * _//

Все эти ошибки вытекали из главной порочной установки Сталина, что Гитлер с нами войну не начнет в ближайшее время. А ведь в это время к нам из самых различных источников стали поступать данные, свидетельствовавшие о том, что Гитлер готовится в военному нападению на СССР. В октябре 1940 г. стало известно, что Берлин заключил с Финляндией договор о размещении на ее территории германских войск. 19 апреля 1941 г. на имя Сталина поступило послание Черчилля, в котором он, ссылаясь на заслуживающего доверия агента, предупреждал о предстоящем нападении Гитлера на СССР. Прочитав это послание, Сталин, улыбаясь, сказал: «Черчиллю выгодно, чтобы мы поскорее влезли в войну, а нам выгодно подольше быть в стороне от этой войны».

Но и наш посол в Берлине Деканозов на основе данных разведки сообщал, что Германия готовится к войне против Советского Союза — идет усиленная подготовка войск. Помнится, одно такое донесение мы обсуждали в Политбюро. Сталин говорил, что

Деканозову английские агенты подбрасывают дезинформацию, чтобы запутать нас, а Деканозов «не такой уж умный человек, чтобы разобраться в этом». Когда Криппс, посол Англии в СССР, передал от имени Черчилля новое предупреждение, что, по достоверным данным английской разведки, скоро начнется война между Германией и Россией, и Англия предлагает союз против Германии, Сталин утверждал, что мы не должны поддаваться на провокации Англии.

Помню, как за месяц или полтора до начала войны донесение

прислал представитель нашей разведки в советском посольстве в Берлине Кобулов (младший). Этот разведчик сообщал очень подробные сведения, которые подтверждали усиленную подготовку германских войск и переброску их к нашей границе. Подобные же сведения давал представитель разведки Генштаба Военно-морского флота Михаил Воронцов. Сталин это все также отверг как подсунутую ему дезинформацию.

За несколько недель до начала войны германский посол в СССР граф Шуленбург пригласил на обед приехавшего в Москву Деканозова. В присутствии своего сотрудника Хиль-гера и нашего переводчика Павлова Шуленбург довел до сведения Деканозова, что в ближайшее время Гитлер может напасть на СССР, и просил передать об этом Сталину. Реакция Сталина и на это крайне необычное для посла сообщение оставалась прежней.

Наша стратегическая линия заключалась в том, что чем глубже Гитлер завязнет в войне на Западе, тем больше будет времени у нас для подготовки к войне с фашизмом. Сталин и все мы знали, что столкновение неизбежно, но мы считали, что еще недостаточно готовы к этому.

Перелет первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией Гесса в Англию 10 мая 1941 г. вызвал большую тревогу у Сталина и у всех нас. Мы опасались, что Гесс договорится с англичанами и тогда немцы повернут против нас. Информация о том, с чем прилетел Гесс в Англию, была очень скудная, противоречивая. Вызывало беспокойство и то, что в Англии тогда были силы, которые могли пойти на сговор с Гитлером. А как будет вести себя правительство Черчилля, мы не знали. Потом, через некоторое время, оказалось, что Англия не пошла на сговор с Гитлером. Миссия Гесса оказалась безрезультатной, что для нас было очень важно.

За два дня до начала нападения немцев (я тогда как зампред СНК ведал и морским флотом) часов в 7–8 вечера мне звонит начальник Рижского порта Лайвиньш: «Товарищ Микоян, здесь стоит около 25 немецких судов: одни под загрузкой, другие под разгрузкой. Нам стало известно, что они готовятся завтра, 21 июня, все покинуть порт, несмотря на то, что не будет закончена ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить?» Я сказал, что прошу подождать, нужно посоветоваться по этому вопросу. Сразу же пошел к Сталину, там были и другие члены Политбюро, рассказал о звонке начальника Рижского порта, предложив задержать немецкие суда. Сталин рассердился на меня, сказав: «Это будет провокация. Этого делать нельзя. Надо дать указание не препятствовать, пусть суда уходят». Я по ВЧ дал соответствующее указание начальнику Рижского

порта. (В 1974 г. я прочитал в записках В. Бережкова — работника нашего посольства в Берлине, что перед началом войны советские суда, стоявшие в германских портах, были задержаны.)

У нас в Политбюро была большая тревога. Не может быть, считали мы, чтобы все эти сведения о подготовке войны Гитлером были фальшивые, ведь концентрация войск на нашей границе остается фактом и эта концентрация продолжается.

Война

В субботу, 21 июня 1941 г., вечером, мы, члены Политбюро, были у Сталина на квартире. Обменивались мнениями. Обстановка была напряженной. Сталин по-прежнему уверял, что Гитлер не начнет войны.

Неожиданно туда приехали Тимошенко, Жуков и Ватутин. Они сообщили о том, что только что получены сведения от перебежчика, что 22 июня в 4 часа утра немецкие войска перейдут нашу границу. Сталин и на этот раз усомнился в информации, сказав: «А не перебросили ли перебежчика специально, чтобы спровоцировать нас?»

Поскольку все мы были крайне встревожены и требовали принять неотложные меры, Сталин согласился «на всякий случай» дать директиву в войска о приведении их в боевую готовность. Но при этом было дано указание, что, когда немецкие самолеты будут пролетать над нашей территорией, по ним не стрелять, чтобы не спровоцировать нападение.

А ведь недели за две до войны немцы стали облетывать районы расположения наших войск. Каждый день фотографировали расположение наших дивизий, корпусов, армий, засекали нахождение военных радиопередатчиков, которые не были замаскированы. Поэтому в первые дни войны вывели из строя нашу связь. Многие наши дивизии вообще оказались без радиосвязи.

Мы разошлись около трех часов ночи 22 июня, а уже через час меня разбудили:

«Война!» Сразу члены Политбюро вновь собрались у Сталина, зачитали информацию о том, что бомбили Севастополь и другие города. Был дан приказ немедленно ввести в действие мобилизационный план (он был нами пересмотрен еще весной и предусматривал, какую продукцию должны выпускать предприятия после начала войны), объявить мобилизацию и т. д.

Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина, Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу- всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз.

Так как Сталин упорно отказывался, то решили: пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня.

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу. 23 июня текст выступления Молотова был опубликован в газетах, а рядом дана большая фотография Сталина.

На второй день войны для руководства военными действиями решили образовать Ставку Главного Командования. При обсуждении вопроса Сталин принял живое участие. Договорились, что Председателем Ставки будет Тимошенко, а ее членами Жуков, Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный и адмирал Кузнецов. При Ставке создали институт постоянных советников. Ими стали: Ватутин, Вознесенский, Воронов, Жданов, Жигарев, Мехлис, Микоян, Шапошников.

В этот же день была образована Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам. В нее вошли Вознесенский, Микоян и Булганин. Комиссия должна была собираться ежедневно для принятия решений по неотложным вопросам и быстрого решения текущих дел.

Обстановка на фронте менялась буквально каждый час. В эти дни надо было думать не о том, как снабжать фронт, а как спасти фронтовые запасы продовольствия, вооружения и т. д.

На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи — никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном

состоянии. Минут через 5- 10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые.

Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик — это Сталин предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали…» Мы были поражены этим высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно потеряно? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта.

//_ * * * _//

Через день-два, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились.

Договорились во главе ГКО поставить Сталина, об остальном составе ГКО при мне не говорили. Мы считали, что само имя Сталина настолько большая сила для сознания, чувств и веры народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. Решили поехать к нему. Он был на ближней даче.

Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем», — то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так вести и дальше, то Молотов должен вести нас и мы пойдем за ним.

Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы сможем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко.

Никакого упаднического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбужден.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем пришли?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. «Кто во главе?» — спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе- он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. «Хорошо», — говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я», — добавил он.

Сталин заметил: «Надо включить Микояна и Вознесенского. Всего семь человек утвердить». Берия снова говорит: «Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане». Вознесенский поддержал предложение Сталина. Берия настаивал на своем, Вознесенский горячился. Другие на эту тему не высказывались.

Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Берия устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он, Берия, согласовали между собой это предложение и поручили Берии внести его на рассмотрение Сталина.

Я считал спор неуместным. Зная, что и так как член Политбюро и правительства буду нести все равно большие обязанности, сказал: «Пусть в ГКО будет 5 человек. Что же касается меня, то кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня особо уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим». Так и решили.

Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что также было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, а авиационная промышленность- на Маленкова. На Берию была

оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством.

1 июля постановление о создании Государственного Комитета Обороны во главе со Сталиным было опубликовано в газетах.

Вскоре Сталин пришел в полную форму, вновь пользовался нашей поддержкой. 3 июля он выступил по радио с обращением к советскому народу.

//_ * * * _//

К концу сентября 1941 г. положение советских войск на центральном стратегическом направлении резко ухудшилось. Отступая, наши войска, ослабевшие, измученные в боях, встали недалеко от Москвы, в ее окрестностях. В это время на марше из Сибири и с Урала было много хорошо оснащенных и обученных дивизий, укомплектованных полностью. Но по графику движения первые эшелоны с этими войсками могли прибыть только через несколько дней, а вся масса войск — через месяц. Никаких других резервов у командования под Москвой фактически не было. Мы также не знали, есть ли такие резервы у фашистов и как близко они находятся от линии фронта. Если близко, то они имели шанс ворваться в Москву. Вопрос, по существу, решался тем, кому раньше удастся подбросить резервы. Так решалась судьба Москвы.

Этот вопрос подвергся конкретному обсуждению 16 октября утром. Обычно мы работали до 5–6 часов утра. С точки зрения военного времени это было удобно, потому что к вечеру собирались все сведения от командующих фронтов и штаба. На работу мы приходили часов в 10 утра. Сталин приходил немного позже, около 12.

16 октября, утром, вдруг будит меня охрана (семья — кроме двух старших сыновей — была на даче, от которой немецкие мотоциклисты были замечены в 25–30 км) и сообщает, что Сталин просит зайти к нему в кабинет. Тогда в его кабинете собирались и члены ГКО и Политбюро. В восемь меня разбудили, ав 9 часов утра нужно было быть у Сталина. Все вызванные Сталиным уже собрались: Молотов, Маленков, Вознесенский, Щербаков, Каганович. Сталин был не очень взволнован, коротко изложил обстановку. Сказал, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и прорвать фронт под Москвой. Он предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, выдающихся политических и

государственных деятелей, которые были в Москве, а также подготовить город на случай вторжения немцев. Необходимо назначить надежных людей, которые могли бы подложить взрывчатку под важнейшее оборудование машиностроительных заводов и других предприятий, чтобы его не мог использовать противник в случае занятия Москвы для производства боеприпасов. Кроме того, он предложил командующему Московским военным округом генералу Артемьеву подготовить план обороны города, имея в виду удержать если не весь город, то хотя бы часть его до подхода основных резервов. Когда подойдут войска из Сибири, будет организован прорыв, и немцев вышибут из Москвы.

Сталин сказал, что правительство и иностранные посольства надо эвакуировать в Куйбышев, а наркоматы — в другие города. Он предложил Молотову и мне вызвать немедленно всех наркомов, объяснить им, что немедленно, в течение суток, необходимо организовать эвакуацию всех наркоматов.

Мы согласились с предложением Сталина. Обстановка требовала немедленно принять меры. Только, видимо, надо было это делать раньше и спокойнее, но мы не могли всего предвидеть. Тут же я вышел в комнату Поскребышева и позвонил управляющему делами Совнаркома СССР, чтобы тот вызвал всех наркомов. По нашим расчетам, через 15 минут они должны были уже быть.

Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня же. «Я выеду завтра утром», — сказал он. Я не утерпел и по своей вспыльчивости спросил: «Почему, если ты можешь ехать завтра, мы должны ехать сегодня? Мы тоже можем поехать завтра. А, например, Щербаков (секретарь МК партии) и Берия (НКВД) вообще должны организовать подпольное сопротивление и только после этого покинуть город». И добавил твердо: «Я остаюсь и завтра поеду вместе с тобой». Другие молчали. Вообще постановка этого вопроса была так неожиданна, что не вызвала никаких других мнений.

Сталин не возражал против такого частичного изменения плана и перешел к решению конкретных задач подготовки города на случай прорыва немцев, уточнения, какие заводы следует заминировать (автомобильный, по производству боеприпасов и др.).

//_ * * * _//

В тот же день, 16 октября 1941 г., было принято

постановление ГКО, предусматривающее начать немедленную эвакуацию из столицы, а в случае появления в городе фашистских танков взорвать важнейшие объекты, за исключением метрополитена, водопровода и канализации.

Была образована комиссия по спецмероприятиям в составе: Серов (заместитель Берии в НКВД), Попов (председатель Мосгорисполкома), Черноусов (председатель Президиума Верховного Совета РСФСР). В районах города были образованы тройки, отвечающие за проведение спецмероприятий.

Первоначально предусматривалось вывести из строя путем взрыва или механической порчи 1119 предприятий, из них 412 оборонного значения, но уже 20 октября этот список был сокращен до 335 предприятий.

Мы с Молотовым встретились с наркомами, объяснили положение. Наркомы были буквально ошарашены самим фактом эвакуации, которая должна осуществляться за один день. Тевосян, нарком черной металлургии, сгоряча заявил, что эвакуироваться не будет. Он, видимо, не допускал даже мысли, что мы можем потерять Москву, и был убежден, что эвакуироваться не надо. Ему казалось неправильным, что все правительство уезжает. Я остановил его, сказав, что ему не все видно и не ему этот вопрос решать. «Лучше бы подумал, как хорошо организовать выезд из Москвы своего наркомата», — заявил я.

Быстро составили четкий план действий, где старались все предусмотреть.

Генштаб и Наркомат обороны по предложению Сталина эвакуировались в Арзамас. Продумали вопрос о том, чтобы быстро на местах всех разместить и начать работать. Кагановичу поручили обеспечить подвижным составом эвакуацию. Кроме того, было решено, чтобы успокоить население, выдать на заводах 2-недельный заработок.

Запомнился такой разговор с Кагановичем. Когда мы вместе с ним спускались в лифте, он сказал мне такую фразу, которая меня просто огорошила: «Слушай, когда будете ночью уезжать, то, пожалуйста, скажите мне, чтобы я не застрял здесь». Я ответил: «О чем ты говоришь? Я же сказал, что ночью я не уеду, мы поедем со Сталиным завтра, а ты уедешь со своим наркоматом».

Через несколько часов я зашел к Сталину в кабинет. На столе лежала рельефная карта западной части Москвы, до Бородинского моста через Москву-реку, где были обозначены первый и второй оборонительные рубежи и возможные немецкие позиции во время городских боев. Там был отмечен и водный рубеж, на котором должны быть укрепления. На подходе к

Москве, на окружной железной дороге, также должны быть воздвигнуты укрепления. Генерал Котенков указкой показывал Сталину и разъяснял, как будут отходить войска, как будет организована круговая оборона Москвы, сколько времени можно будет продержаться.

Мы все время проверяли ход выполнения решения об эвакуации. Каганович составил план отъезда наркоматов. Он звонил чуть ли не каждый час и докладывал, как идет эвакуация.

Все было очень быстро организовано и шло нормально.

Было решено, что следующим утром фабрично-заводская молодежь и техникумы пешим ходом эвакуируются из Москвы на Восток. Был составлен план их движения.

Кроме того, было поручено Щербакову выделить из партийных работников Москвы тех людей, которые должны в случае занятия Москвы немцами вечером перейти на нелегальное положение, установив адреса, связи, — одним словом, уйти в подполье, что и было сделано.

Управление охраны передало мне, что моя семья поедет в поезде ЦИК, где ехали Калинин, Димитров (Коминтерн) и товарищи из ЦК. Там будут оставлены места для всех членов моей семьи. Поезд отправлялся в 7 часов вечера 17 октября. Около пяти часов я позвонил жене (она с детьми была уже в нашей кремлевской квартире) и сказал, чтобы она собрала ребят, через час будет машина и они поездом поедут в Куйбышев. Она была огорчена очень: «Как, куда, зачем? Какие вещи можно взять с собой?» Я ответил, что сейчас не время рассуждать, надо немедленно собираться, что нужно взять носильные вещи для детей и для себя, притом поменьше. Она все сделала. У меня и мысль в голову не пришла, чтобы их проводить. Каждая минута была дорога для работы. Потом жена рассказывала, как они ехали в этом поезде, видели Калинина, Димитрова и других.

Хрулев часто мне звонил, а услышав от кого-то, что будто бы я уезжаю, зашел ко мне. Я успокоил его, сказав, что, пока Сталин здесь, я не уеду. Он попросил разрешения тоже остаться с нами. Я подумал и решил, что он правильно говорит, потому что в случае каких-либо экстренных обращений с фронта он очень пригодится. Я сказал: «Оставайтесь, Сталину я скажу, можете сами к нему не обращаться».

Потом мы — члены Политбюро — снова собрались, чтобы узнать, как идет эвакуация. Выполнялось все так, как было намечено, а главное- с фронтов не было тревожных вестей: разведка ни о каких передвижениях немецких войск под Москвой не доносила. И, конечно, в этот день мы не уехали. И вообще эта мысль об отъезде узкой группы руководителей отпала. Все

остальные — Андреев, Каганович, Калинин, Вознесенский — отбыли в Куйбышев.

Положение на фронтах в целом стало стабилизироваться, под Москвой тоже. Новые наши войсковые соединения из Сибири приближались к Москве, что уменьшало опасность возможного прорыва немцев.

//_ * * * _//

Когда наркоматы были эвакуированы из Москвы в восточные районы страны, Совнарком переехал в Куйбышев. На Вознесенского было возложено руководство Совнаркомом в Куйбышеве. В один из приездов Вознесенского в Москву Сталин дал ему документ — по нему Вознесенский получал право решать любые вопросы касательно деятельности наркоматов и наркомов, которые обязаны были выполнять его указания. Фактически Вознесенский выполнял функции Председателя Совнаркома в эвакуации. Он остался очень доволен этим, однако был не в состоянии подчинить себе все наркоматы, поскольку те разместились в разных городах, а связь их с Куйбышевом была плохая, и телеграфная, и железнодорожная, и воздушная. С другой стороны, эти города имели хорошую связь с Москвой. Поэтому каждый из членов ГКО давал прямые указания наркомам и рассматривал просьбы, минуя Куйбышев. Вообще отношения в тот период у Вознесенского со Сталиным были нормальные.

Сталин предложил Молотову выехать в Куйбышев, побыть там некоторое время, посмотреть, как Вознесенский осуществляет руководство делами, как там Совнарком устроился, как работает.

Молотов согласился, но добавил: «Пусть и Микоян со мной поедет». Я прямо взвился: «Что я, хвост, что ли, твой? Я здесь имею связь по телефону со всеми областями, я веду большую работу, получаю информацию, выполняю все, что нужно». Я помогал Сталину, передавал его указания на места. И с Куйбышевом связь имел, и с другими городами, где находились наркоматы. Наркомы прилетали в Москву, мы встречались с ними. Мой наркомат был эвакуирован в Ульяновск. Больше половины наркоматовских работников было распущено, годные к военной службе добровольцами пошли на фронт. Своего первого заместителя Крутикова я направил в Ульяновск во главе наркомата с правом управлять им. Через несколько дней небольшую группу работников наркомата предполагал вернуть в Москву. Поэтому я сказал, что через эту группу могу связь держать с Ульяновском и руководить внешней торговлей.

Но вот тогда Сталин решил поддержать Молотова и сказал, чтобы я ехал с ним. «Почему бы тебе не поехать?» — настойчиво говорил он, и я понял, что дальше упорствовать невозможно. Злой за это на Молотова, я промолчал, и мы поехали.

В Куйбышеве собрали заседание Совнаркома, я ознакомился с работой наркоматов, по телефону кое-как созвонился с наркомами, которые разместились в других городах.

Через 5 дней Сталин вызвал меня с Молотовым обратно в Москву.

У нас сложилось впечатление, что Вознесенский делал все необходимое в тех условиях, и наш отъезд не мог нанести ущерба его работе. Вознесенский остался работать в Куйбышеве.

//_ * * * _//

Вознесенский пришел в руководство, когда Сталин разуверился в Межлауке, очень хорошем человеке, прекрасном работнике, занимавшем пост председателя Госплана. Он добился его ареста, и встал вопрос о новом руководителе. В верхушке самого Госплана не нашлось подходящей кандидатуры. Искали на местах. Тогда Жданов на запрос Сталина назвал кандидатуру председателя ленинградского Госплана Вознесенского — образованного экономиста, хорошего работника.

Мы его не знали. Хотя он учился в Институте красной профессуры в момент острой борьбы с правым уклоном, нам не было известно какое-либо из его выступлений в прессе или на собраниях против уклона за нашу линию. За правый уклон он также не высказывался. При таких его способностях и активности это было немножко странно.

Но Жданов его хвалил, к тому же Вознесенский не был связан с центром. Молодой человек, его выдвижение будет полезным в том смысле, что его не постигнет участь Межлаука, думал я.

19 января 1938 г. Вознесенский был утвержден председателем Госплана. В Госплане он очень хорошо себя показал, понравился Сталину. Грамотный человек, говорил толково, вдумчиво, он сразу завоевал высокое положение. Сталин увлекся им и сделал такой шаг, который был для нас непонятен: через год или полгода Сталин объявил его своим первым замом по экономическим вопросам в Совнаркоме. Таким образом, в области экономики Вознесенский ставился над всеми нами и над Молотовым как первый человек после Сталина в этой области.

Некоторые члены Политбюро были недовольны этим шагом: председателя Госплана, у которого вся экономика, делать еще и

первым замом, то есть освобождать от всякого контроля (Сталин же не мог сам контролировать!), было неправильно. Если бы он был просто замом и председателем Госплана, то был бы под контролем других заместителей, так как был бы на равном положении с нами.

К тому же, как только Сталин начал его возносить, амбициозность Вознесенского становилась очевидной: он стал проявлять высокомерие по отношению к остальным товарищам.

Вознесенский не имел опыта управления хозяйством, он никогда не был ни директором завода, ни секретарем обкома, ни наркомом. Поэтому стиль его работы был несколько канцелярским, бумажным. Для него имел большую силу план. Он недостаточно понимал, что мало принять даже очень хороший план, что главное обеспечить его выполнение.

В начале войны хороший план составить было очень трудно. Мы теряли город за городом, эвакуировали предприятия и заводы, где производилось вооружение, не вовремя вводились в действие эвакуированные заводы, в результате срывались военные задания. Вознесенский ежемесячно составлял план, причем так, что план текущего месяца превышал план предыдущего. Фактическое же выполнение плана в первые 7–8 месяцев войны шло наоборот: план шел по графику вверх, а его исполнение вниз. Это было следствием того, что украинские заводы, особенно харьковские, перестали производить вооружение. То же самое было с Тулой, большим центром по производству оружия. Оборудование заводов Тулы или было на колесах, или прибыло в места, где не было необходимого количества зданий, чтобы его установить. Нужно было строить новые корпуса, налаживать работу. Словом, хотя и работали быстро, оперативно, но большие расстояния и возникающие трудности на несколько месяцев выбили из строя многие предприятия. Выпуск продукции не был начат, пока не был закончен монтаж оборудования. А Вознесенский считал, что неудобно во время войны уменьшать план. Это было его ошибкой. Ведь это был нереальный план.

//_ * * * _//

Я помню, как-то в январе 1942 г. сидели у Сталина Берия, я и Маленков. Берия — хитрый человек, умел так поставить вопрос, чтобы не выдать свои тайные цели. Речь шла о том, что плохо с вооружением, винтовок не хватает, пушек не хватает.

Сталин возмутился: «Как же так, в чем дело?»

Берия, заранее подготовившись к этому вопросу, показал диаграмму по месяцам. Это был утвержденный Вознесенским план по производству винтовок, пулеметов, пушек, боеприпасов, и там же указывалось фактическое исполнение этого плана. Была поразительная картина: план растет из месяца в месяц, это успокаивает правительство, а фактическое производство уменьшается. «До чего же мы дойдем? Когда будет этому конец? Когда начнется подъем производства?» — возмущался Берия. Он говорил, что методы руководства Вознесенского канцелярские: вызывает своих работников, устраивает совещания, навязывает план, но не может обеспечить его выполнения. А ведь любой план без обеспечения его выполнения абсурден.

Это, естественно, вызвало тревогу у Сталина. «А как быть?» — спросил он. «Не знаю, товарищ Сталин», — говорит Берия. Тогда Сталин предложил Берии взять на себя руководство этим делом.

«Товарищ Сталин, не знаю, справлюсь ли с этим делом, — ответил Берия. — Я неопытный в этих делах». «Здесь не опыт нужен, — твердо сказал Сталин, — нужна решительная организаторская рука. Рабочую силу можно отобрать из арестованных, особенно из специалистов. Привлечь можно МВД, дисциплину навести на заводах. Но вы дайте план реальный, вызовите директоров заводов, наркомов, дайте этот реальный план им и проверяйте исполнение».

Берия, конечно, этого и хотел, для этого и диаграмму подготовил. Было решено Вознесенского отстранить от руководства, возложив это дело на Берию. К Берии в подчинение перешел нарком вооружения СССР Устинов, который прекрасно знал дело, — ему нужна была только помощь со стороны правительства в обеспечении рабочей силой и материалами, а Берия мог это сделать. Производством боеприпасов ведал Ванников.

Ванников был арестован еще Ежовым и находился в тюрьме, когда началась война. Ванников и Берия вместе учились в Бакинском техническом училище и были друзьями в юношестве. Я тоже знал Ванникова по Баку. Берия при моей поддержке уговорил Сталина освободить Ванникова из тюрьмы и назначить наркомом боеприпасов. Ванников, очень способный организатор, был когда-то директором тульских заводов вооружения, оттуда был выдвинут в наркомат и теперь вновь возвращен на свое место. Его тогда привели в кабинет Сталина, где все мы находились, прямо из тюремной камеры.

Опираясь на таких людей, Берия быстро поправил дело. Надо подчеркнуть, что Берия поднял вопрос в тот момент, когда эвакуированные заводы стали налаживать свое производство. Это

было в феврале — марте 1942 г., когда производство на новых местах стало подниматься.

Из месяца в месяц было видно, что действительно производство растет, между планом и исполнением почти нет разницы. Планы, составленные Берией, выполняются и перевыполняются. Берия добился своего и до 1946 г. оставался зам. Председателя СНК СССР по экономическим вопросам. Поэтому после войны и атомные дела Сталин поручил ему.

В 1942 г. все еще остро стоял вопрос об увеличении производства танков. Это было очень важной проблемой. Роль танков в войне стала решающей. Наркомом танковой промышленности был Малышев- молодой, способный и хороший нарком, но ему не удавалось увеличить производство танков до нужного количества. Он жаловался на недостаточную помощь его наркомату и был прав. Курировал работу наркомата Молотов.

Как-то у Сталина были Маленков, я и Берия. Обсуждался вопрос увеличения производства танков. Берия и говорит: «Танками занимается Молотов». — «А как он занимается?»- спрашивает Сталин. «Он не имеет связи с заводами, оперативно не руководит, не вникает в дела производства, а когда вопросы ставит Малышев или другие, Молотов созывает большие совещания, часами обсуждают вопрос и формулируют какое-либо решение. В этих решениях мало пользы, а на деле он отнимает время у тех, кто должен непосредственно заниматься оперативными вопросами, — говорит Берия. — Так что вместо пользы получается вред».

Решили освободить Молотова от руководства производством танков и возложить это дело на Берию. Это круто изменило положение дел. Берия, пользуясь властью, оказал Малышеву всю необходимую помощь за счет других наркоматов. И здесь его успеху способствовало то, что к тому времени заработали заводы, эвакуированные за Урал. Производство танков резко выросло и скоро превысило их производство в Германии и в оккупированных ею странах Европы.

Сталин фактически отстранил Молотова от дел, но держал при себе. Поэтому зачастую Молотов просто сидел в кабинете Сталина и присутствовал при всех беседах и докладах. Внешне это создавало ему особый престиж, а на деле Сталин изолировал его от работы, видимо, он ему не совсем доверял: как бы второе лицо в стране, русский, не стал у него отбирать власть. Между тем никаких оснований не доверять Молотову у него не было.

//_ * * * _//

Кстати, очевидно, небезынтересно рассказать, как проходили заседания у Сталина во время войны.

Официальных заседаний ГКО Сталин не собирал. Вопросы обычно решались оперативно, по мере их возникновения, узким составом Политбюро. В полном составе заседания бывали крайне редко; чаще всего нас присутствовало пять человек. Собирались мы поздно вечером или ночью и редко во второй половине дня, как правило, без предварительной рассылки повестки заседания.

На таких заседаниях, проходивших в кабинете за длинным столом, Сталин сидел в головной его части или, по своей привычке, медленно ходил около него.

По одну сторону от него, ближе к стене, садились: я, Маленков и Вознесенский; напротив нас- Молотов, Ворошилов и остальные члены Политбюро. У другого конца стола и около стены находились все те, кто вызывался для докладов.

Должен сказать, что каждый из нас имел полную возможность высказать и защитить свое мнение или предложение. Мы откровенно обсуждали самые сложные и спорные вопросы (в отношении себя я могу говорить об этом с полной ответственностью), встречая со стороны Сталина в большинстве случаев понимание, разумное и терпимое отношение даже тогда, когда наши высказывания были ему явно не по душе.

Он был внимателен и к предложениям генералитета. Сталин прислушивался к тому, что ему говорили и советовали, с интересом слушал споры, умело извлекая из них ту самую истину, которая помогала ему потом формулировать окончательные, наиболее целесообразные решения, рождаемые, таким образом, в результате коллективного обсуждения. Более того, нередко бывало, когда, убежденный нашими доводами, Сталин менял свою первоначальную точку зрения по тому или иному вопросу.

Протоколирования или каких-либо записей по ходу таких заседаний не велось. Решения по обсуждаемым вопросам принимались или непосредственно на самом заседании, когда проекты этих решений были заранее подготовлены и не встречали возражений, или их подготовка (или переработка) поручалась докладчику, атои группе товарищей, которые потом представляли подготовленные ими проекты непосредственно Сталину. Иногда короткие решения под диктовку Сталина записывал Молотов. В некоторых случаях для этого вызывался Поскребышев.

В зависимости от содержания решения оформлялись в виде либо постановления ГКО, либо постановления СНК или ЦК ВКП(б), а той совместного постановления СНК и ЦК ВКП(б). Мне представляется, что в период войны такой оперативный порядок

решения вопросов был правильным и вполне оправданным.

Не касаясь здесь тех сторон деятельности Сталина, которые были в последующем справедливо осуждены нашей партией, должен сказать, что Сталин в ходе и особенно в начале войны, как я понимал это тогда и как думаю об этом и теперь, в целом проводил правильную политическую линию. Он был гораздо менее капризным и не занимался самоуправством, которое стало проявляться, когда наши военные дела пошли лучше и он просто зазнался. Правда, были и в начале войны позорные эпизоды, связанные с упрямством, нежеланием считаться с реальными фактами. Например, категорическое запрещение выйти из назревавшего котла целой армии на Украине, хотя Хрущев и Баграмян настаивали на этом. Помню, он даже не подошел к телефону, когда Хрущев звонил по этому вопросу, а поручил ответить Маленкову. Мне это показалось невозможным самодурством. В результате целая армия пропала в котле, и немец вскоре захватил Харьков, а затем и прорвался к Волге.

После войны. «Заговор Молотова»

Атмосфера в руководстве партией и страной во время Великой Отечественной войны настолько хорошо в целом сложилась, что я исключал возможность того, что после войны в какой-то, даже в малой степени повторится истребление руководящих кадров и необоснованные репрессии. Во-первых, обстановка была уже другая. Война оказалась большой школой для политического воспитания десятков миллионов людей, да и их пребывание в Западной Европе в связи с освобождением от фашизма также вносило что-то новое в настроение. Они увидели, какой уровень жизни там существует, и, возвратившись с фронта, стали другими людьми — с более широким кругозором, с другими требованиями. Это создавало благоприятные условия для дальнейшего развития нашей страны и было препятствием для произвола. И надо сказать, что в армии, несмотря на строгость дисциплины, вполне правильной и законной на самом фронте, в боевых действиях, действовал какой-то товарищеский демократизм, который обычно возникает во время длительной и тяжелой войны.

Боевая обстановка и совместные действия в годы войны в тылу и на фронте сближали и положительно влияли на общественное развитие нашей страны. Учитывая это, а также эволюцию характера и поведения Сталина, я полагал, что начнется процесс демократизации в стране и партии, что как минимум вернемся к тем демократическим формам отношений в партии и отчасти в стране, которые были до 1929 г., и пойдем дальше. Я даже был уверен в этом, и какое-то чувство радости сопровождало меня. Я вновь почувствовал доверие и дружеское отношение к Сталину, тем более что всю войну Сталин доверял мне в делах, которые мне поручались. У меня почти не было с ним столкновений — ни открытых, ни скрытых.

Я ожидал изменения политики и в отношении деревни. Я понимал и считал правильным, что индустриализация перед войной и в ходе самой войны вынуждала идти на большие изъятия, которые мы совершали в отношении деревни. Деревня давала городу по крайне низким заготовительным ценам хлеб, мясо, молоко и другие продукты, но долго это продолжаться не могло. Может быть, год-два после войны это придется продолжать, считал я, потому что сильно обеднели мы в войну, но когда восстановительный послевоенный процесс даст значительные успехи, в первую очередь нужно будет поднимать крайне низкие заготовительные цены, унаследованные

фактически с конца 20х годов, когда существовали ножницы между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары.

Теперь этого терпеть было вовсе нельзя. Я, правда, об этом ни с кем своими мыслями не обменивался до момента, когда это можно было бы осуществить. Я настолько верил в разум Сталина, что думал: он поймет- эта задача вполне осуществима и необходима. Я даже не сомневался в правильном разрешении этого вопроса. Но постепенно пришлось разочароваться и в этих своих надеждах, и в самом Сталине в этом отношении.

У меня вновь возникло чувство недоверия к его разуму и его действиям. Более того, некоторые нетерпимые черты его поведения стали еще острее проявляться в конце и после войны.

Все мои надежды на демократизацию режима постепенно развеивались. Даже в руководстве партии правильно установленные во время войны нормы были попраны.

Хотя товарищеская атмосфера работы в руководстве ни в коем случае не принижала роли Сталина. Наоборот, мы почти во всех случаях собственные предложения, оформленные за подписью Сталина, приписывали целиком Сталину, не декларируя, что автором является не Сталин, а другой товарищ. И он подписывал, иногда внося поправки, а иногда и этого не делая, даже иногда не читая, так как доверял.

Эта атмосфера изменилась. Интриган Берия знал слабые стороны Сталина и сумел вовремя этим воспользоваться. Сталин стал редко выступать, и выступления его были сплошной демагогией. Разве он мало говорил о критике и самокритике? Об ответственности лиц за свои действия, независимо от того, на каком посту они находятся? О демократии партийной и советской? О законности, о ее соблюдении во всем? А ведь сколько невероятных беззаконий было совершено с его согласия или по его прямому указанию, особенно в период 1937–1938 гг., а точнее, начиная с 1936 г. по 1940 г., а затем после войны — это позорное «ленинградское дело», приведшее к расстрелу члена Политбюро Вознесенского, секретаря ЦК партии Кузнецова, Председателя Правительства Российской Федерации Родионова, секретаря Ленинградского обкома партии и председателя Ленинградского облисполкома и ряда других лиц, позже реабилитированных как совершенно невиновных. Или репрессии населения пограничных регионов, от Эстонии до Грузии. Или «дело о космополитах», аресты и убийства видных евреев, «дело врачей».

Не возродилась после войны демократия даже в партии. В отличие от ленинских порядков во время войны не было созвано ни одного Пленума ЦК. Более того, созванный по требованию

членов Политбюро Пленум ЦК в конце сентября 1941 г., несмотря на то что большинство членов Политбюро прибыло, не был открыт, и Сталин не счел нужным хотя бы на несколько часов собрать товарищей и сказать несколько слов об обстановке, хотя члены ЦК нуждались в правдивой оценке положения и постановке задач, стоявших перед партией в связи с войной. Сталин поручил это сделать Маленкову и Берии, которые собрали членов ЦК, прибывших с мест, сказали несколько слов и немедленно отпустили их по домам.

А ведь Ленин даже в Гражданскую войну, в более тяжелых условиях, собирал съезды партии, партийные конференции и съезды Советов.

//_ * * * _//

Только в 1946 г. был созван Пленум ЦК, главной темой которого были вопросы сельского хозяйства (докладчиком был Андреев). Во время длительных прений больше внимания уделяли агротехнике, организационным вопросам о советах и бригадах, но ни одного экономического вопроса не обсуждалось. А главными тогда были вопросы политики цен, производства тракторов и сельхозмашин, удобрений. Ведь в войну было почти прекращено производство тракторов и комбайнов (это было естественно), поэтому на полях работала старая техника. Правда, производство тракторов и комбайнов в 19481950 гг. восстановилось, потому что производство танков было сокращено и тракторные заводы стали выпускать свою основную продукцию.

Тот, кто думал о сельском хозяйстве, не мог пройти мимо вопроса заготовительных цен. Впервые после 20_х годов мне удалось убедить Сталина провести повышение заготовительных цен на молоко, сахарную свеклу и предоставить льготы свекловодам. Не по моей инициативе, но Сталин провел повышение заготовительных цен на тонкую шерсть, ввиду того что надо было сократить импорт шерсти. На остальные продукты оставались цены 1926 г.

Как-то Молотов мне сказал, что надо поднять заготовительные цены на хлеб, потому что нельзя дальше терпеть такое положение. «А какое твое конкретное предложение?» — спросил я его. Он ничего не ответил.

Чувствовалось, что Сталин интересовался рынком, торговлей, многое знал и понимал. Я часто ему подробно рассказывал, и он внимательно слушал. Но его раздражало, когда он хотел снизить цены на мясо и сливочное масло, а я возражал. Желание его было

понятным, но совершенно неправильным, так как этих продуктов в стране не хватало и было плохое снабжение ими. Отсюда возникла идея составить трехлетний план развития животноводства. Сельским хозяйством тогда занимался Маленков. Ему и было поручено подготовить такой план. Были приняты аккуратно расписанные цифровые задания и директивные указания по видам скота, по республикам, и выполнение этих заданий, по мысли авторов, должно было привести к значительному увеличению производства продуктов в стране. Но в этих документах отсутствовали экономические мероприятия: ни повышения заготовительных цен, ни механизации животноводства и др. Все ограничивалось организационными мерами и директивными указаниями. Например, из Министерства сельского хозяйства было выделено Министерство животноводства, что было несуразным: одними и теми же колхозами теперь должны были руководить два министерства, хотя одно от другого неотделимо, ибо растениеводство обеспечивает условия для животноводства. К тому же рядом существовало еще и Министерство совхозов.

Сталин, в отличие от Хрущева, вообще плохо знал деревню. Он никогда практически не был ни в одном колхозе, ни в одном совхозе. Один раз, когда мы со Сталиным ездили по Кавказу, из Сочи в Тифлис, в 1925 г., Серго Орджоникидзе предложил поехать в одну коммуну близ города Гори — родины Сталина. Там 15–20 домов были построены за счет государственного кредита. Старики по давнему обычаю угощали Сталина — грузины умеют это делать. Сталину это понравилось, и он был в хорошем настроении. Улучив момент, мы посмотрели каменные одноэтажные дома, построенные в казенном стиле, впритык один к другому, с выходом на улицу. Я Серго спросил: «Все это построено за счет кредита государства. Как ты думаешь, когда они смогут вернуть этот кредит?» Он мне ответил: «Что ты мне наивный вопрос задаешь? Разве сам не понимаешь? Откуда такие доходы? Конечно, не вернут».

Правда, Сталин многое знал со слов товарищей, которые сами были специалистами сельского хозяйства и с которыми он встречался. Он внимательно слушал делегатов на колхозных съездах и умел быстро воспринимать, схватывать главное. Но он знал качество русского мужика — его терпимость. Русский мужик действительно терпел нужду, в особенности в войну, понимая неизбежность этого. В невыгодных экономических отношениях с государством колхозники выезжали только на том, что развивали личное хозяйство и пользовались разрывом цен между государственными и базарными, имея к доходам значительную

прибавку от личного хозяйства.

Только на ряд культур удалось повысить цены. Так, «по инициативе Сталина» были подняты цены на табак. Сделал он это по настойчивым просьбам абхазцев, которым во время его отпуска на юге удалось убедить Сталина, что табачная культура, если ее не оплачивать хорошенько, не будет производиться в республике. Он разрешил поднять цены и на цитрусовые, что тоже было необходимо, и на виноград по Закавказским республикам, Дагестану, Молдавии, Крыму. На Украине же, как и в Средней Азии, он отказался это сделать.

//_ * * * _//

В последние годы своей жизни Сталин, став крайне неустойчивым в своих взглядах, кажется в 1948 г., вдруг внес совершенно поразившее меня предложение в отношении совхозов. Сидели за обедом, беседовали, спокойно обсуждали недостатки в сельском хозяйстве, трудности; сетовали на то, что совхозы становились все более убыточными. (Хотя эти убытки надо считать условными, потому что от совхозов хлеб принимали в ценах, которые существовали по колхозам, то есть резко заниженным, а продавали этот хлеб на рынке в три-четыре раза дороже, и деньги эти в виде налога с оборота через Заготзерно попадали в бюджет не как доход от совхозов, а как налог от потребителя. Это, конечно, было неправильно.) Сталин говорил, что никаких убытков колхозов мы не покрываем, зато продукты от них получаем, а на совхозы много тратим денег на дотацию. Вдруг он неожиданно говорит: «Надо ликвидировать совхозы, превратить их в колхозы, так как колхозы — форма более выгодная для государства, более социалистическая форма, чем совхозы. И к тому же освободятся огромные средства, которые тратим на покрытие убытков совхозов».

Я был поражен. В особенности еще тем, что совсем недавно — перед окончанием войны или сразу же после войны — он выдвинул идею создания вокруг Ленинграда и Москвы большого количества совхозов со специальным назначением для производства продуктов для снабжения населения этих крупных городов. Я эту идею тогда поддержал. Заявление Сталина было тем более странным, что все знали, что в части Московской области, в Смоленской, Калининской, Ленинградской и северо-западных областях Российской Федерации колхозы фактически были разорены в ходе войны, населения было мало, главным образом старики. Колхозными средствами быстро это не

восстановишь. И создание вокруг Москвы и Ленинграда совхозов было оправданным, так как эти земли близко расположены к потребителю. Казалось бы, это надо было поручить Министерству совхозов. Но почему-то Сталин предложил возложить это дело на меня лично, а тогда я не ведал Министерством сельского хозяйства и совхозов. Правда, под моим руководством работало Министерство мясо-молочной промышленности. Вот он и предложил эти совхозы создать при Министерстве мясо-молочной промышленности, организовав тресты этих совхозов и главные управления при министерстве.

Вообще не один, а много раз Сталин возлагал на меня задания, которые прямого отношения к моим обязанностям не имели. Видимо, он был высокого мнения о моей оперативности, настойчивости, ответственности за порученное дело. И мне кажется, как будто я его и не подводил в таких делах. Например, зная значение каракуля как экспортного товара, дающего большую валюту, он еще до войны предложил мне изъять все совхозы каракулеводческие и зверосовхозы из Наркомата совхозов, передать их Наркомвнешторгу, создать новые совхозы на государственных землях и вовсю раздуть производство каракуля. Или в начале войны он мне поручил создание алюминиевой промышленности на Урале, с чем я тоже вроде бы справился.

И вдруг такая перемена в Сталине! Я не выдержал и сказал: «Как это можно, товарищ Сталин? Ты знаешь, к каким последствиям это может привести? Это будет большим ударом по экономическим возможностям государства, не говоря уже о социалистическом секторе, наиболее боевом, где государство отвечает от начала до конца, государство, которое должно быть и может быть образцом для других. Эти убытки совхозов условные, и если правильно считать, то совхозы выгодны, а не убыточны. Наконец, ты же сам предложил вокруг Москвы и Ленинграда создать совхозы, которые теперь успешно развиваются, дают много мяса для снабжения населения городов».

Надо сказать, что Маленков, который обычно поддакивал Сталину, никогда ему не возражал, на этот раз ни слова не сказал. Но Сталин понял, так как знал Маленкова хорошо, что, следовательно, и он не согласен с ним. И другие члены Политбюро смотрели удивленно на Сталина — наверное, думали, что он их испытывает. На этом разговор кончился. Сталин понял, что никто его не поддерживает, даже Каганович не сказал ни одного слова в его поддержку, молчал.

//_ * * * _//

В 1948 г., когда Сталин отдыхал в Мюссерах, я приехал к нему вместе с Молотовым. Был и Поскребышев, который редко сидел за обеденным столом, но в этот раз он присутствовал. Видимо, это присутствие было заранее согласовано со Сталиным и сделано с определенной целью, как я потом догадался. Происходила обычная для такого случая нормальная беседа. Я сидел рядом со Сталиным, но за углом стола. Поскребышев сидел на другой стороне стола, с краю, Молотов напротив меня.

Вдруг в середине ужина Поскребышев встал с места и говорит: «Товарищ Сталин, пока вы отдыхаете здесь, на юге, Молотов и Микоян в Москве подготовили заговор против вас».

Это было настолько неожиданно, что с криком: «Ах ты, мерзавец!» — я схватил свой стул и замахнулся на него. Сталин остановил меня за руку и сказал: «Зачем ты так кричишь, ты же у меня в гостях». Я возмутился: «Невозможно же слушать подобное, ничего такого не было и не могло быть!» Еле успокоившись, сел на место. Все были наэлектризованы. Молотов побелел, как бумага, но, не сказав ни слова, сидел как статуя. А Сталин продолжал говорить спокойно, без возмущения: «Раз так- не обращай на него внимания». Видимо, все это было заранее обговорено между Сталиным и Поскребышевым. До этого подобных случаев не было.

Сталин постепенно перевел разговор на другую тему. Но этот инцидент произвел на нас такое впечатление, что посещение наше оказалось короче обычного, и мы вскоре уехали.

Видимо, у Сталина зародились какие-то подозрения, и я допускаю, что в возникновении их содействовал Поскребышев. И вовсе не потому, что он имел что-то против Молотова и меня. Обычно один на один со мной он всегда объяснялся мне в любви, говорил, что высоко ценит меня, противопоставлял другим, например Молотову, в честности и корректности и пр. Просто он это сделал, выполняя поручение Сталина. Желая понравиться Сталину и укрепить свое положение, Поскребышев мог до этого, наверное, рассказать Сталину, что я часто захожу в кабинет Молотова, и это соответствовало действительности. Поскребышев, видимо, вел наблюдение, кто и куда ходит.

Мои частые посещения кабинета Молотова вызывались тем, что, когда Сталин поручал какое-либо дело Молотову (а это обычно касалось вопросов внешней политики), Молотов всегда старался, чтобы не ему одному поручали, а еще двум-трем товарищам. А так как я занимался многие годы вопросами внешней экономики, то, естественно, доля этих поручений падала на меня. В отличие от Молотова я не любил делить с кем-то ответственность, поэтому часто возражал против совместных

поручений. Однажды, когда тот, получив поручение Сталина, попросил его в моем присутствии, чтобы и я принял в нем участие, я возмутился: «Что я, хвост, что ли, твой?» Но не всегда удавалось освободиться. Отношения с Молотовым у меня были неплохие, но и не близкие. Поручения эти обычно давались Сталиным устно. Поскребышев мог даже о них и не знать.

Подозревать как Молотова, так и меня в кознях против Сталина было бессмысленно. Хотя отдельные критические замечания в его адрес по некоторым вопросам я и высказывал в беседах не только с ним, ной с другими. Молотов меня не выдавал, но всегда вел себя как преданный сторонник Сталина. Так что, конечно, такого рода обвинения были абсолютно беспочвенны. Видимо, Сталин через Поскребышева хотел учинить проверку, как мы будем реагировать на это обвинение.

Но очень возможно, что эта странная идея о совместной нашей с Молотовым подготовке «заговора против Сталина» у него сохранялась после этого случая все время, и в конце 1952 г. он решил избавиться от такой опасности.

Спокойным со Сталиным не мог чувствовать себя никто. Как-то после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует: Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевавшись от него. «Мне больно потому, — говорил Каганович, — что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него «отмежеваться»! Это было за месяц или полтора до смерти Сталина — готовилось «добровольно-принудительное» выселение евреев из Москвы.

Смерть Сталина помешала исполнению этого дела.

XIX съезд. Последние дни Сталина

Накануне XIX съезда партии вышла брошюра Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Прочитав ее, я был удивлен: в ней утверждалось, что этап товарооборота в экономике исчерпал себя, что надо переходить к продуктообмену между городом и деревней. Это был невероятно левацкий загиб. Я объяснял его тем, что Сталин, видимо, планировал осуществить построение коммунизма в нашей стране еще при своей жизни, что, конечно, было вещью нереальной.

Приближался XIX съезд партии. Сталин, вопреки нашим настояниям, отказался делать политический отчет на съезде. Он поручил это сделать Маленкову, против чего я категорически возражал. Маленков представил проект доклада, в котором ни слова не сказал о брошюре Сталина. Политбюро одобрило проект доклада Маленкова.

Как-то на даче Сталина сидели члены Политбюро и высказывались об этой книге. Берия и Маленков начали активно подхалимски хвалить книгу, понимая, что Сталин этого ждет. Я не думаю, что они считали эту книгу правильной. Как показала последующая политика партии после смерти Сталина, они совсем не были согласны с утверждениями Сталина. И не случайно, что после все стало на свои места. Молотов что-то мычал вроде бы в поддержку, но в таких выражениях и так неопределенно, что было ясно: он не убежден в правильности мыслей Сталина. Я молчал.

Вскоре после этого в коридоре Кремля мы шли со Сталиным, и он с такой злой усмешкой сказал: «Ты здорово промолчал, не проявил интереса к книге. Ты, конечно, цепляешься за свой товарооборот, за торговлю». Я ответил Сталину: «Ты сам учил нас, что нельзя торопиться и перепрыгивать из этапа в этап и что товарооборот и торговля долго еще будут средством обмена в социалистическом обществе. Я действительно сомневаюсь, что теперь настало время перехода к продуктообмену». Он сказал: «Ах так! Ты отстал! Именно сейчас настало время!» В голосе его звучала злая нотка. Он знал, что в этих вопросах я разбираюсь больше, чем кто-либо другой, и ему было неприятно, что я его не поддержал. Как-то после этого разговора со Сталиным я спросил у Молотова: «Считаешь ли ты, что настало время перехода от торговли к продуктообмену?» Он мне ответил, что это — сложный и спорный вопрос, то есть высказал свое несогласие.

Через несколько дней после этого обсуждения Маленков, видимо, по указанию Сталина или с его согласия разослал новый вариант доклада на XIX съезде партии, в котором эта книга и

основные ее положения одобрялись. Я был поражен: зачем это было делать? Но факт остается фактом. При обсуждении нового варианта доклада я уже не высказывал своих возражений, полагая, что Сталин и так знает мое отношение к его книге. Раз он здесь не задевал меня, не было смысла поднимать этот вопрос для других членов Политбюро.

За несколько дней до съезда члены Политбюро собрались для обмена мнениями об открытии съезда. Зашел вопрос о составе президиума. Обычно на съезде президиум избирался из 27–29 человек. Входили, как всегда, члены Политбюро и руководящие работники краев, республик и главных областей. Сталин на этот раз предложил президиум из 15 человек. Это было удивительным и непонятным. Он лишил таким образом возможности многих видных партийных деятелей войти в президиум съезда, а они этого вполне заслуживали. Сталин сам назвал персонально имена, сказав при этом, что «не надо вводить в президиум Микояна и Андреева, как неактивных членов Политбюро».

Это вызвало смех членов Политбюро, которые восприняли замечание Сталина как обычную шутку: Сталин иногда позволял себе добродушно шутить. Я тоже подумал, что это шутка. Но смех и отношение членов Политбюро к «шутке» Сталина вызвали его раздражение. «Я не шучу, — сказал Сталин жестко, — а предлагаю серьезно». Смех сразу прекратился, все присутствующие тоже стали серьезны и уже не возражали. Я тоже ни слова не сказал, хотя было ясно, что слово «неактивный» ко мне совсем не подходило, потому что все знали, что я не просто активный, а наиболее активный из всех членов Политбюро. Подумал: что-то происходит, что-то у Сталина другое на уме. И не сразу нашел этому ответ.

Потом Сталин вдруг предлагает: «Давайте выберем не 15, а 16 человек в президиум, включив дополнительно Куусинена, старого деятеля Коминтерна». Это предложение было правильным, и мы его приняли единогласно. Но все это происходило в последний момент. Делалось все для того, чтобы произвести впечатление на съезде, что в отношении старых кадров проявляется внимание, их не отбрасывают. Это мои догадки, но думаю, что так было сделано для поднятия авторитета руководства партии.

А я был ошарашен, все думал о предложении Сталина, чем оно вызвано, и пришел к выводу, что это произошло непосредственно под влиянием моего несогласия с его утверждениями в книге по поводу перехода к продуктообмену.

//_ * * * _//

Сталин распределил роли на съезде между членами Политбюро: открыть съезд и выступить с кратким словом он предложил Молотову; закрыть съезд- Ворошилову, отказавшись взять на себя эту естественную функцию и возложив ее на двух старых деятелей партии; докладчиками давно были утверждены Маленков — по Отчетному докладу и Хрущев- по Уставу партии; Кагановичу было поручено предложить съезду состав Программной комиссии. В прениях по докладу Сталин предложил выступить Берии и мне. Я не сразу понял шахматную расстановку фигур, но потом стало ясно:

Сталин хотел лишить активности членов Политбюро, ограничив их участие открытием и закрытием съезда, оглашением списка Программной комиссии, выступлением по проекту Устава партии, а нам двоим дать возможность выступить в прениях. Сталин не сомневался, что Берия будет хвалить все: и работу ЦК, и книгу Сталина. А меня, я так понял, хотел испытать. Он почему-то не предложил выступить ни Андрееву, ни Косыгину (правда, Косыгин все-таки выступил на съезде).

Если бы не это его поручение, я бы не стал выступать в прениях, поскольку он меня отвел как «неактивного члена Политбюро». Когда же он предложил мне выступить, я, конечно, не возражал, но заколебался. Как быть? Мне было ясно одно: он хочет провести свой план для моего отстранения от руководства, но у него для этого нет основательного аргумента. Он увидел, что применение ко мне определения «неактивный член Политбюро» вызвало смеху членов Политбюро. Работники партии и министры тоже знали меня как одного из самых активных членов Политбюро и относились ко мне хорошо, особенно зная мою работу во время войны.

И вот, если бы я выступил против той части доклада, где хвалится книга Сталина, или бы выступил только против положения в ней о переходе к продуктообмену, он получил бы козырь в руки для обоснования невключения меня в состав руководства партии «ввиду принципиальных разногласий». Таким образом, я бы сам вооружил его для исполнения его плана в отношении себя. Но если бы даже я вовсе умолчал эту тему в своем выступлении, он мог бы и это использовать против меня, ссылаясь на наш разговор и мое отношение к положениям книги, сказал бы, что я не согласен и что испугался открыто высказать свое мнение на съезде. Обдумав все это, я решил не давать оружия в его руки, чтобы отсечь меня от руководства. Тем более что в тот момент мне казалось, что вывод меня из руководства партии не принесет пользы делу.

Поэтому вполне законно некоторые товарищи, которые были

недовольны, что именно я первым открыто выступил на XX съезде с критикой культа личности Сталина, критикуют мое выступление по этому вопросу на XIX съезде партии. Я понимаю, что допустил здесь явную ошибку. Говоря об ошибочности положений книги Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» на XX съезде, я должен был бы сказать, что мое выступление по этому вопросу на XIX съезде, в котором я высоко оценил книгу Сталина, по существу, не отражало моего мнения по этому вопросу- мое выступление на XIX съезде партии было дипломатическим ходом: не расходиться с руководством партии, с Политбюро, которое одобрило эту книгу. Хотя этот аргумент не вполне убедительный, но было бы более правильно, если бы я это сделал.

//_ * * * _//

На следующий день после окончания работы XIX съезда партии, 15 октября 1952 г., был назначен Пленум вновь избранного ЦК партии.

На съезде по предложению Сталина было решено вместо Политбюро ЦК иметь Президиум ЦК. Состав Пленума ЦК (членов и кандидатов), а также состав Президиума в количестве 25 человек обсуждался, как обычно, с участием Сталина и всех членов и кандидатов Политбюро. При подборе кандидатур Сталин настоял на том, чтобы ввести новые кандидатуры из молодой интеллигенции, чтобы этим усилить состав ЦК. Он предложил в числе других две кандидатуры: экономиста Степанову и философа Чеснокова. Как потом стало известно, он лично не знал Степанову, а составил о ней мнение, прочтя одну из ее статей в журнале. Статья ему понравилась, и он решил, что ее автор талантливый человек, с большим будущим. Чесноков также ему понравился по какой-то статье в журнале «Вопросы философии». Сталин ни с кем не обсуждал эти кандидатуры.

Характерно, что после того, как состав вновь избранного ЦК был объявлен в газетах, сама Степанова даже и не подумала, что речь идет о ней. Она не допускала и мысли, что может быть избрана, — никто до этого с ней не говорил. А когда Чеснокова кто-то поздравил с избранием в Президиум ЦК, он даже испугался и просил таких шуток не допускать. Конечно, как потом оказалось, это был случайный выбор.

Предлагая вместо Политбюро, обычно состоявшего из 9- 11 членов, Президиум из 25 человек, Сталин, видимо, имел на это какие-то свои планы, потому что Президиум из 25 человек

совершенно неработоспособен хотя бы потому, что не сможет собираться раз в неделю или чаще для решения оперативных вопросов. Да и не должно быть так много людей в органе с такими функциями.

При Ленине такое число обычно составляло весь Пленум ЦК, а в Политбюро было пять человек. Пять человек, конечно, мало, поэтому после Ленина цифра дошла до семи человек, потом до девяти.

При таком широком составе Президиума, в случае необходимости, исчезновение неугодных Сталину членов Президиума было бы не так заметно. Если, скажем, из 25 человек от съезда до съезда исчезнут пять-шесть человек, то это будет выглядеть как незначительное изменение. Если же эти 5–6 человек исчезли бы из числа девяти членов Политбюро, то это было бы более заметно. Думаю так потому, что приблизительно за год до съезда однажды за ужином, поздно ночью, после какого-то моего острого спора со Сталиным, он, нападая на меня (обычно в такие моменты он стоял), будучи в возбужденном состоянии, что не часто с ним бывало, глядя на меня, но имея в виду многих, резко бросил: «Вы состарились, я вас всех заменю!»

Все присутствовавшие были настолько поражены, что никто слова не сказал в ответ. Нельзя было превращать это в шутку, так как было сказано серьезно, и нельзя было серьезно об этом говорить: ведь мы же были гораздо моложе самого Сталина. Мы подумали, что это случайно сказанные им слова, а не обдуманная и серьезная идея, и вскоре о них забыли. А вот когда такой большой Президиум был создан, мы невольно подумали, что, возможно, Сталин имел в виду необходимость замены старых членов Политбюро молодыми, которые вырастут за это время, и он легче сможет заменить того, кого захочет убрать.

//_ * * * _//

Перед открытием Пленума мы обычно собирались около Свердловского зала, сидели в комнате Президиума в ожидании прихода Сталина. Обычно он приходил за 10–15 минут до начала, чтобы посоветоваться по вопросам, которые будут обсуждаться на Пленуме. На этот раз мы знали, что он намерен из числа членов Президиума ЦК создать не предусмотренное Уставом Бюро Президиума ЦК, то есть узкий его состав для оперативной работы. Мы ждали, что он, как всегда, предварительно посоветуется с нами о том, кого ввести в состав этого Бюро. Однако Сталин появился в тот момент, когда надо было

открывать Пленум. Он зашел в комнату Президиума, поздоровался и сказал: «Пойдемте на Пленум».

Вопрос о выборах Президиума ЦК, куда вошли все старые члены Политбюро и новые товарищи, был встречен нормально, ничего неожиданного не было. Неожиданное было после. Сталин сказал, что имеется в виду из членов Президиума ЦК образовать Бюро Президиума из девяти человек, и стал называть фамилии, написанные на маленьком листочке. Ни моей фамилии, ни Молотова среди названных не было. Затем с места, не выходя на трибуну, Сталин сказал примерно следующее: «Хочу объяснить, по каким соображениям Микоян и Молотов не включаются в состав Бюро». Начав с Молотова, сказал, что тот ведет неправильную политику в отношении западных империалистических стран — Америки и Англии. На переговорах с ними он нарушал линию Политбюро и шел на уступки, подпадая под давление со стороны этих стран. «Вообще, — сказал он, -

Молотов и Микоян, оба побывавшие в Америке, вернулись оттуда под большим впечатлением о мощи американской экономики. Я знаю, что и Молотов, и Микоян — оба храбрые люди, но они, видимо, здесь испугались подавляющей силы, какую они видели в Америке. Факт, что Молотов и Микоян за спиной Политбюро послали директиву нашему послу в Вашингтоне с серьезными уступками американцам в предстоящих переговорах. В этом деле участвовал и Лозовский, который, как известно, разоблачен как предатель и враг народа».

«Молотов, — продолжал далее Сталин, — и во внутренней политике держится неправильной линии. Он отражает линию правого уклона, не согласен с политикой нашей партии. Доказательством тому служит тот факт, что Молотов внес официальное предложение в Политбюро о резком повышении заготовительных цен на хлеб, то есть то, что предлагалось в свое время Рыковым и Фрумкиным. Ему в этом деле помогал Микоян, он подготавливал для Молотова материалы в обоснование необходимости принятия такого предложения. Вот по этим соображениям, поскольку эти товарищи расходятся в крупных вопросах внешней и внутренней политики с партией, они не будут введены в Бюро Президиума».

Это выступление Сталина члены Пленума слушали затаив дыхание. Никто не ожидал такого оборота дела.

Первым выступил Молотов. Он сказал коротко: как во внешней, так и во внутренней политике целиком согласен со Сталиным, раньше был согласен и теперь согласен с линией ЦК. К моему удивлению, Молотов не стал опровергать конкретные

обвинения, которые ему были предъявлены. Наверное, не решился вступить в прямой спор со Сталиным, доказывать, что тот сказал неправду.

Это меня удивило, и я считал, что он поступил неправильно. Я решил опровергнуть неправильное обвинение в отношении меня: «В течение многих лет я состою в Политбюро, и мало было случаев, когда мое мнение расходилось с общим мнением членов Политбюро. Я всегда проводил линию партии и ее ЦК даже в тех вопросах, когда мое мнение расходилось с мнением других членов ЦК. И никто мне в этом никогда упрека не делал. Я всегда всеми силами боролся за линию партии как во внутренней, так и во внешней политике и был вместе со Сталиным в этих вопросах».

И, обратившись к Сталину, продолжил: «Вы, товарищ Сталин, хорошо должны помнить случай с Лозовским, поскольку этот вопрос разбирался в Политбюро, и я доказал в присутствии Лозовского, что я ни в чем не виноват. Это была ошибка Лозовского. Он согласовал с Молотовым и со мной проект директивы ЦК в Вашингтон нашему послу и послал этот проект без ведома Политбюро ЦК. Я Лозовскому сказал, что этот проект директив поддерживаю, но предупредил его, хотя он это и сам хорошо знал, что вопрос надо поставить на рассмотрение и решение Политбюро. Однако потом, как я узнал от вас, товарищ Сталин, Лозовский этого не сделал и самолично послал директиву в Вашингтон. После того как этот вопрос был выяснен в ЦК, никто больше его не касался, поскольку он был исчерпан. Очень удивлен, что он вновь сегодня выдвигается как обвинение против меня. К тому же в проекте директив каких-либо принципиальных уступок американцам не было. Там было дано только согласие предварительно обменяться мнениями по некоторым вопросам, которые мы не хотели связывать с вопросом о кредитах. И не случайно, что американцы не приняли этого предложения и переговоры не начались. Но если даже такие переговоры имели бы место, то они не имели бы отрицательных последствий для государства.

Что же касается цен на хлеб, то я полностью отвергаю предъявленное мне обвинение в том, что я принимал участие в подготовке материалов для Молотова. Молотов сам может подтвердить это. Зачем Молотову нужно было просить, чтобы я подготовил материалы, если в его распоряжении Госплан СССР и его председатель, имеющий все необходимые материалы, которыми в любой момент Молотов может воспользоваться? Он так, наверное, и поступил. Это естественно».

К сожалению, впоследствии я узнал, что никакой стенограммы выступления Сталина, Молотова и моего не

осталось. Конечно, я лучше всего помню то, что говорил в своем выступлении. Выступление Молотова помню менее подробно, но суть сказанного им помню хорошо.

//_ * * * _//

Во время выступления Молотова и моего Сталин молчал и не подавал никаких реплик. Берия и Маленков во время моего выступления, видя, что я вступаю в спор со Сталиным, что-то говорили, видимо, для того, чтобы понравиться Сталину и отмежеваться от меня. Я знал их натуру хорошо и старался их не слушать, не обращал никакого внимания, не отвлекался и даже не помню смысл их реплик, ясно было, что они направлены против меня, как будто я говорю неправду и пр.

Потом в беседе с Маленковым и Берией, когда мы были где-то вместе, они сказали, что после Пленума, когда они были у Сталина, Сталин сказал якобы: «Видишь, Микоян даже спорит!»- выразив тем самым свое недовольство и подчеркнув этим разницу между выступлением Молотова и моим. Он никак не оценил выступление Молотова и, видимо, был им удовлетворен. Со своей стороны, они упрекнули меня в том, что я сразу стал оправдываться и спорить со Сталиным: «Для тебя было бы лучше, если бы ты вел себя спокойно». Я с ними не согласился и не жалел о сказанном.

А подоплека обвинения Молотова и меня в намерении повысить заготовительные цены на хлеб была такова. (В последние годы жизни память Сталина сильно ослабла — раньше у него была очень хорошая память, поэтому я удивился, что он запомнил это предложение Молотова, высказанное им в моем присутствии Сталину в конце 1946 г. или в начале 1947 г., то есть шесть лет тому назад.)

Мы ехали в машине к Сталину на дачу, и Молотов сказал мне: «Я собираюсь внести Сталину предложение о повышении цен при поставках хлеба колхозами государству.

Хочу предложить, чтобы сдаваемый колхозами хлеб оплачивался по повышенным закупочным ценам. Например, 1 кг пшеницы стоит в среднем 9 коп., закупочная цена в среднем 15 коп. (в старом масштабе цен)».

Я ему сказал, что это слишком небольшое изменение и положения, по существу, не меняет. Что такое 15 коп. вместо 9 коп. за 1 кг хлеба? Это маленькое дело. Нужна большая прибавка, и не только по хлебу. Правда, Сталин и это предложение отвергнет, сказал я. По существу же, я был за

серьезную корректировку всех закупочных цен, как это провели после смерти Сталина при моем активном участии в 1953 г.

Когда мы приехали, Молотов при мне стал доказывать Сталину, что крестьяне мало заинтересованы в производстве хлеба, что нужно поднять эту заинтересованность, то есть нужно по более высоким закупочным ценам оплачивать поставки хлеба государству. «У государства нет такой возможности, делать этого не следует», — коротко сказал Сталин, и Молотов не стал возражать. Ни разу в беседах к этому они не возвращались — ни Сталин, ни Молотов. Этот случай Сталин сохранил в памяти и привел тогда, когда это ему понадобилось.

То же повторилось, что и в истории с Лозовским, которая произошла в июне 1946 г., а спустя много лет Сталин припомнил ее, решив нанести мне удар. Видимо, Сталин подобные факты запечатлевал в памяти или, может быть, даже записывал, чтобы использовать их, когда это ему будет выгодно.

//_ * * * _//

Хотя Молотов и я после XIX съезда не входили в состав Бюро Президиума ЦК и Сталин выразил нам «политическое недоверие», мы аккуратно ходили на его заседания. Сталин провел всего три заседания Бюро, хотя сначала обещал созывать Бюро каждую неделю.

На одном из заседаний обсуждался вопрос о состоянии животноводства. Выступил министр земледелия Бенедиктов, который привел засекреченные, точные данные ЦСУ — они были убийственными: несмотря на принятие трехлетнего плана подъема животноводства, предложенного в 1949 г. Маленковым и принятого ЦК с полного одобрения Сталина, не только не было достигнуто увеличения продуктивности животноводства, но, наоборот, произошло уменьшение поголовья скота. Вообще-то план был хороший и выполнимый, но никаких материальных поощрений, материальных стимулов для его выполнения не было предусмотрено. Были только хорошие пожелания. Но считалось, что директивы и планы имеют силу закона. Все цифры Бенедиктов привел, не разъясняя причин такого плачевного положения в производстве мяса и молока.

С места Сталин задал вопрос: «Почему такое состояние?» Бенедиктов ответил, что плохо работают.

Тогда я взял слово и сказал, что эти цифры, к сожалению, правильные и, конечно, объясняются плохой работой, но этому есть причины. Дело в том, что колхозники или ничего не

получают на трудодни от животноводства, или получают так мало, что не заинтересованы им заниматься. Механизации в хозяйствах практически нет. Вхолодную погоду они не хотят носить воду ведрами, поэтому скот остается без воды и без корма. Цены на мясо и молоко по поставкам давно устарели — они и малую долю издержек колхозов не покрывают. Поэтому колхозники и не заинтересованы в развитии общественного животноводства и поддерживают свое существование за счет приусадебного хозяйства и скота, находящегося в их личном пользовании, который подкармливают в том числе и за счет хищений колхозного добра. Главное- надо поднять материальную заинтересованность колхозников в развитии животноводства.

Сталин был очень удивлен — он не ожидал услышать о таком положении в сельском хозяйстве. Мое выступление, казалось, произвело на него впечатление. Но вел он себя спокойно, как будто старался понять положение, продумать его.

Маленков, который хорошо знал, что делается в сельском хозяйстве, потому что как заместитель Председателя Совмина ведал им, казалось бы, должен был ответить на вопрос Сталина и объяснить, предпочел промолчать. Промолчал также и Хрущев по тем же «дипломатическим» соображениям.

Наконец Сталин сказал, что в этом вопросе необходимо разобраться, изучить его и дать предложения, как исправить, и тут же продиктовал состав комиссии во главе с Хрущевым, включив в нее меня, Бенедиктова и других, не предложив ни Маленкова, ни Берии, хотя Маленков должен был бы участвовать в работе этой комиссии.

Хрущев поднялся и стал отказываться, мол, его нельзя назначать во главе комиссии, он не может, ему трудно и пр. С этим не посчитались, и комиссия была образована.

Комиссия работала почти два месяца. Работали добросовестно, собирали и изучали материал, обменивались мнениями. Пошла политическая борьба вокруг этого вопроса. Но главным результатом было то, что мы внесли предложение о повышении закупочных цен на продукцию животноводства.

Как всегда вечером, когда и другие члены Президиума были у Сталина, Маленков изложил суть дела, чтобы прозондировать отношение Сталина. Меня там не было.

Хрущев потом рассказывал, что Сталин принял это в штыки, сказав, что мы возобновляем программу Рыкова и Фрумкина, что крестьянство жиреет, а рабочий класс хуже живет. Другие члены ЦК мне рассказывали, что Сталин высказывался на эту тему и во время Октябрьского пленума, резко осуждая меня за саму идею поднять закупочные цены на продукты животноводства. Говорят,

он выглядел очень злым, прохаживался по своему обыкновению и ворчал, говоря обо мне: «Тоже нашелся новый Фрумкин!» Я этого не слышал сам, правда. Зато слышал, как он говорил, что надо бы еще новый налог на крестьян ввести. Сказав: «Крестьянин, что? Сдаст лишнюю курицу — и все».

А на том обсуждении, услышав о предложении Сталина ввести дополнительный налог на крестьян, Хрущев так вышел из положения: он сказал, что если повышать налоги на крестьян, то нужно в комиссию включать таких людей, как Маленков, Берия, Зверев (руководитель Минфина). Это Сталин принял. Через некоторое время мы действительно собрались в новом составе. Комиссия обнаружила, что и Берия, и Маленков считают невозможным выполнение указания Сталина. Это выяснилось, конечно, в частных разговорах. Поручили Звереву подсчитать, обосновать. В общем, тянули это дело как могли. Все считали поручение Сталина о новых налогах на крестьянство без повышения закупочных цен невыполнимым.

Вскоре события развернулись таким образом, что вопрос отпал сам собой.

//_ * * * _//

Обычно 21 декабря, в день рождения Сталина, узкая группа товарищей, членов Политбюро, без особого приглашения вечером, часов в 10–11, приезжала на дачу к Сталину на ужин. Без торжества, без церемоний, просто, по-товарищески поздравляли Сталина с днем рождения — без речей и парадных тостов. Немного пили вина.

И вот после XIX съезда передо мной и Молотовым встал вопрос: надо ли нам придерживаться старых традиций и идти без приглашения 21 декабря к Сталину на дачу (это была ближняя дача «Волынское»). Я подумал: если не пойти, значит, показать, что мы изменили свое отношение к Сталину, потому что с другими товарищами каждый год бывали у него и вдруг прерываем эту традицию.

Поговорил с Молотовым, поделился своими соображениями. Он согласился, что надо нам пойти, как обычно. Потом условились посоветоваться об этом с Маленковым, Хрущевым и Берией. С ними созвонились, и те сказали, что, конечно, правильно мы делаем, что едем.

21 декабря 1952 г. в 10 часов вечера вместе с другими товарищами мы поехали на дачу к Сталину. Сталин хорошо встретил всех, в том числе и нас. Сидели за столом, вели обычные

разговоры. Отношение Сталина ко мне и Молотову вроде бы было ровное, нормальное. Было впечатление, что ничего не случилось и возобновились старые отношения. Вообще, зная Сталина давно и имея в виду, что не один раз со мной и Молотовым он имел конфликты, которые потом проходили, у меня создалось мнение, что и этот конфликт также пройдет и отношения будут нормальные. После этого вечера такое мое мнение укрепилось.

Но через день или два то ли Хрущев, то ли Маленков сказал: «Знаешь что, Анастас, после 21 декабря, когда все мы были у Сталина, он очень сердился и возмущался тем, что вы с Молотовым пришли к нему в день рождения. Он стал нас обвинять, что мы хотим примирить его с вами, и строго предупредил, что из этого ничего не выйдет: он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили».

Обычно мы ходили к Сталину отмечать в узком кругу товарищей Новый год у него на даче. Но после такого сообщения в этот Новый год мы у Сталина не были.

За месяц или полтора до смерти Сталина Хрущев или Маленков мне рассказывал, что в беседах с ним Сталин, говоря о Молотове и обо мне, высказывался в том плане, что якобы мы чуть ли не американские или английские шпионы.

Сначала я не придал этому значения, понимая, что Сталин хорошо меня знает, что никаких данных для того, чтобы думать обо мне так, у него нет: ведь в течение 30 лет мы работали вместе. Но я вспомнил, что через два-три года после самоубийства Орджоникидзе, чтобы скомпрометировать его, Сталин хотел объявить его английским шпионом. Это тогда не вышло, потому что никто его не поддержал. Однако такое воспоминание вызвало у меня тревогу, что Сталин готовит что-то коварное. Я вспомнил также об истреблении в 1936–1938 гг. в качестве «врагов народа» многих людей, долго работавших со Сталиным в Политбюро.

За две-три недели до смерти Сталина один из товарищей рассказал, что Сталин, продолжая нападки на Молотова и на меня, поговаривает о скором созыве Пленума ЦК, где намерен провести решение о выводе нас из состава Президиума ЦК и из членов ЦК.

По практике прошлого стало ясно, что Сталин хочет расправиться с нами и речь идет не только о политическом, но и о физическом уничтожении.

За мной не было никаких проступков, никакой вины ни перед партией, ни перед Сталиным, но воля Сталина была неотвратима: другие ведь тоже были не виноваты во вредительстве, не были шпионами, но это их не спасло. Я это понимал и решил больше,

насколько это было возможно, со Сталиным не встречаться. Можно сказать, что мне повезло в том смысле, что у Сталина обострилась болезнь.

//_ * * * _//

В начале марта 1953 г. у него произошел инсульт, и он оказался прикованным к постели, причем его мозг был уже парализован. Агония продолжалась двое суток.

У постели Сталина было организовано круглосуточное дежурство членов Политбюро. Дежурили попарно: Хрущев с Булганиным, Каганович с Ворошиловым, Маленков с Берией. Мне этого дежурства не предложили. Наоборот, товарищи посоветовали, пока они дежурят, заниматься в Совете Министров СССР, заменять их в какой-то мере.

Я не возражал, ибо мне ни к чему была политическая кухня, в которую, по существу, превратились эти дежурства, — там уже шла борьба за власть. Правда, ночью, часа в два, я заходил туда ненадолго и потому мог составить впечатление о том, что там происходило.

Борьба за власть после смерти Сталина

Оставшееся после смерти Сталина партийное руководство - Президиум ЦК КПСС - включало в свой состав тех товарищей, кто играл ту или иную, но выдающуюся роль в последние 10–15 лет. Я лично больше всего боялся возникновения группировок и раскола в руководстве партии, понимая, какие отрицательные последствия они могут иметь для партии и Советской власти. Однако все вопросы стали решаться на заседаниях Президиума, и руководство тогда было действительно коллективным.

В Президиуме у меня не было, кроме Сталина и, может быть, Ворошилова, близких отношений ни с кем (да и со Сталиным они резко ухудшились). Несмотря на определенные и существенные разногласия в некоторые периоды 30-х гг., я уважал Молотова, если не как работника и соратника (слишком уж часто наши взгляды расходились), то как старшего члена партии. Особенно мне стало жалко его и я старался ему помочь как мог, когда Сталин стал его преследовать, начав с ареста его жены Жемчужиной. Я был с Молотовым откровенен в разговорах, в том числе когда речь шла о некоторых отрицательных сторонах характера и поступков Сталина. Он никогда меня не подводил и не использовал моего доверия против меня. Молотов нередко бывал у меня на квартире, иногда со Сталиным вместе.

После смерти Сталина я почувствовал, что отношение ко мне со стороны Молотова изменилось в отрицательную сторону. Я не мог понять, в чем дело, и был очень удивлен, когда узнал от Хрущева и, кажется, Маленкова, что при предварительном обмене мнениями их с Молотовым тот высказался за то, чтобы снять меня с поста заместителя Председателя Правительства, оставив только министром объединенного в этот момент Министерства внутренней и внешней торговли (думаю, в этом проявился шовинизм Молотова, который ему вообще был свойствен). Другие с этим не согласились, и я остался, как и раньше, заместителем Председателя Совета Министров и одновременно министром торговли.

Да и другие, например Ворошилов, Каганович, Булганин, стали замечать, что Маленков, Молотов, Берия и Хрущев стали предварительно обмениваться мнениями и сговариваться, прежде чем вносить вопросы на заседание Президиума ЦК.

Больше всех вместе бывали Берия, Хрущев и Маленков. Я видел много раз, как они ходили по Кремлю, оживленно разговаривали, очевидно, обсуждая партийные и государственные вопросы. Они были вместе и после работы, выезжая в шесть

вечера (по новому порядку, совершенно правильно предложенному Хрущевым) в одной машине. Все трое жили вне Кремля: Маленков и Хрущев- в жилом доме на улице Грановского, а Берия — в особняке (он один из всех руководителей в это время жил в особняке, а не в квартире). Берия подвозил их на улицу Грановского, а сам ехал дальше. Я не был близок ни с кем из них. С Берией тем более.

После войны Берия несколько раз еще при жизни Сталина в присутствии Маленкова и меня, а иногда и Хрущева высказывал острые, резкие критические замечания в адрес Сталина. Я рассматривал это как попытку спровоцировать нас, выпытать наши настроения, чтобы потом использовать для доклада Сталину. Поэтому я такие разговоры с ним не поддерживал, не доверяя, зная, на что он был способен. Но все-таки тогда я особых подвохов в отношении себя лично не видел. Тем более что в узком кругу с Маленковым и Хрущевым он говорил, что «надо защищать Молотова, что Сталин с ним расправится, а он еще нужен партии». Это меня удивляло, но, видимо, он тогда говорил искренне.

О том, что Сталин ведет разговоры о Молотове и обо мне и недоволен чем-то, мы знали. Эти сведения мне передавали Маленков и Берия в присутствии Хрущева. У меня трений ни с кем из них тогда не было.

//_ * * * _//

После смерти Сталина разногласия в коллективном руководстве обнаружились по вопросу о ГДР. Берия, видимо, сговорившись с Маленковым предварительно, до заседания (я так понял потому, что на заседании тот не возражал Берии и вообще молчал), высказал в отношении ГДР неправильную мысль, вроде того, что-де «нам не следует цепляться за ГДР: какой там социализм можно построить?» и прочее. По сути, речь шла о том, чтобы согласиться на поглощение ГДР Западной Германией.

Первым против этого предложения выступил Хрущев, доказывая, что мы должны отстоять ГДР и никому не отдавать ее, что бы ни случилось. Молотов высказался в том же духе. Третьим так же выступил я, затем другие. Поддержал нас и Булганин. Берия и Маленков остались в меньшинстве. Это, конечно, стало большим ударом по их авторитету и доказательством того, что они не пользуются абсолютным влиянием. Они претендовали на ведущую роль в Президиуме, и вдруг такое поражение! Позднее я узнал от Хрущева, что Берия по телефону грозил Булганину, что

если тот будет так себя вести, то может потерять пост министра обороны. Это, конечно, произвело на меня крайне отрицательное впечатление.

Вторым спорным вопросом стало повышение заготовительных цен на картофель в целях поощрения колхозников в производстве и продаже колхозами картофеля. Цены были тогда невероятно низкими.

Они едва покрывали расходы по доставке картофеля с поля до пункта сдачи. Горячо выступил Хрущев, я так же горячо поддержал его, так как понимал и давно знал, что без повышения цен нельзя поднять дело. Берия занял решительную позицию «против», но аргументы у него были совершенно неубедительные. На наш вопрос, как же тогда увеличить производство картофеля, он сказал, что нужно создавать совхозы специально по картофелеводству для нужд государства. Нам с Хрущевым было ясно, что это не может решить проблемы. И все же Берии удалось собрать большинство, и вопрос был отложен. Тогда мое отношение к Хрущеву стало улучшаться. До этого мы с ним близки никогда не были, хотя отношения были корректные, и когда он был секретарем МК партии, и когда работал на Украине.

Только однажды, еще при Сталине, уже после его переезда в Москву в 1950 г., у нас с ним получился конфликт по такому вопросу. Он предложил изменить систему поставок государству продуктов сельского хозяйства, определяя их величину в зависимости от того, каким количеством земли располагает колхоз. Это должно было коснуться и зерновых культур, и мяса, и молока, и шерсти. Он говорил, что для крестьянина главное-земля и что такая система будет поощрять крестьян обрабатывать всю землю, потому что поставки будут определяться количеством всей земли, независимо от того, какая ее часть обрабатывается.

Я резко выступил против этого предложения, как совершенно неправильного. Во-первых, качество земли разное в разных областях и районах. При этом далеко не все колхозы могут обработать всю землю из-за отсутствия достаточных для этого средств производства. А в отношении продуктов животноводства это было просто абсурдом. Как можно брать одинаковое количество мяса, молока и шерсти, не учитывая количества скота!

По этому вопросу два раза докладывали Сталину. Сталин слушал внимательно и мои аргументы, и Хрущева. Я не уступал. Несколько раз высказывался Хрущев. Сталин склонялся к точке зрения Хрущева. Но, зная меня и учитывая, что в проекте могут оказаться подводные камни, желая себя застраховать от серьезных ошибок, предложил в принципе принять предложение Хрущева, а мне поручить представить конкретный проект решения.

Я подготовил проект, внеся большие коррективы, которые сводились к тому, что поставки должны определяться для каждой области, края, района в отдельности, с учетом их специфики в сельскохозяйственной экономике. Норма поставки дифференцируется в каждом районе отдельно и может на 30 % и более отклоняться при определении нормы поставок отдельным колхозам. Этот проект по крайней мере устранял грубейшую несправедливость, внося соответствующие коррективы. После споров по отдельным вопросам проект был принят. Я никогда не считал погектарный принцип поставок правильным. А у Хрущева он был идеей фикс.

//_ * * * _//

Тот факт, что эта тройка — Маленков, Берия, Хрущев — как будто веревкой между собой связана, производил на меня тяжелое впечатление: втроем они могли навязать свою волю всему Президиуму ЦК, что могло бы привести к непредвиденным последствиям.

С Маленковым я никогда не дружил, хотя ценил его высокую трудоспособность. Видел его чрезвычайную осторожность при Сталине. Он был молчалив и без нужды не высказывался. Когда Сталин говорил что-то, он — единственный — немедленно доставал из кармана френча записную книжку и быстро-быстро записывал «указания товарища Сталина». Мне лично такое подхалимство претило. Сидя за ужином, записывать — было слишком уж нарочито. Но Маленков умел общаться с местными работниками и в войну сыграл немаловажную роль, в особенности в развертывании авиационной промышленности, на службу которой поставил значительную часть аппарата ЦК, обкомов и горкомов, где были авиационные заводы, что было правильно и на пользу делу. После войны он стал больше заниматься интригами и сыграл подозрительную, а вернее сказать, подлую роль в интригах, приведших к «ленинградскому делу», к гибели Кузнецова, Вознесенского и других.

После смерти Сталина Маленков, ставший Председателем Совета Министров, стал проявлять ко мне большое внимание и полное доверие как к министру. Он даже говорил: «Ты действуй в развитии торговли свободно, я всегда поддержу».

Говоря о Хрущеве, следует подчеркнуть его большую заслугу в том, что он взял на себя инициативу в вопросе исключения Берии из руководства и сделал это, предварительно обговорив со всеми членами Президиума ЦК, но так, чтобы это не дошло до

Берии.

Наши дачи были недалеко друг от друга. И вот в день заседания Президиума, 26 июня 1953 г., мне сообщили, что Хрущев просит заехать к нему на дачу до отъезда на работу. Я заехал. Беседовали мы у него в саду. Хрущев стал говорить о Берии, что тот взял в руки Маленкова, командует им и фактически сосредоточил в своих руках чрезмерную власть. Внешне они с Хрущевым, и с Маленковым в хороших отношениях, но на деле стремится их изолировать. В качестве доказательства привел факт недопустимого разговора с Булганиным после разногласий по ГДР. Здесь Берия применил угрозу в отношении члена Президиума ЦК, видимо, учитывая свое влияние. Это был действительно очень серьезный факт. Хрущев тогда впервые мне об этом сказал.

В той же беседе со мной Хрущев привел факты, как Берия единолично, минуя аппарат ЦК, связывался с украинским и белорусским ЦК и выдвигал новых руководителей, на которых он мог бы положиться. Это тоже было для меня новым и тоже произвело неприятное впечатление. Видимо, не без тайного умысла Берия взял на себя как первого заместителя Председателя Совмина СССР бразды правления Министерством внутренних дел, что давало ему большую реальную власть. Этому я не удивился, ибо уже в момент смерти Сталина, когда Берия быстро уехал из Волынского в город, я высказал вслух свое мнение, что он «поехал брать власть». Я имел в виду, что он будет готовить почву для своей власти. Хрущев это мнение только подтвердил. Он сказал, что сотрудники нашей охраны, наверное, фактически превращены в осведомителей Берии и докладывают ему обо всех нас- что делаем, где бываем и пр. «Берия — опасный человек», — сказал Хрущев в заключение.

//_ * * * _//

Я слушал внимательно, удивленный таким поворотом дела в отношении Берии после такой дружбы, заметной всем. Я спросил: «А как Маленков?» Он ответил, что с Маленковым он говорил: они же давнишние большие друзья. Я это знал. Мне было трудно во все это поверить, ибо если Маленков — игрушка в руках Берии, и фактически власть в правительстве не у Маленкова, а у Берии, то как же Хрущев его переагитировал?

Хрущев сказал, что таким же образом он уже говорил и с Молотовым, и с остальными. Я задал вопрос: «Это правильно, что хотите снять Берию с поста МВД и первого зама Предсовмина. А

что хотите с ним делать дальше?» Хрущев ответил, что полагает назначить его министром нефтяной промышленности. Я одобрил это предложение. «Правда, — сказал я, — онв нефти мало понимает, но имеет организаторский опыт в руководстве хозяйством, как показала война и послевоенное время». Добавил также, что при коллективном руководстве он сможет быть полезным в смысле организаторской деятельности.

В своих мемуарах Хрущев иначе излагает этот эпизод. Он умалчивает о своем ответе мне относительно намечавшейся должности министра нефтяной промышленности для Берии. Получается, что моя фраза о том, что Берия «может быть полезным», сказана была не в качестве согласия с собственными словами Хрущева, а в качестве защиты Берии.

Что касается перевода Берии в нефтяную промышленность, то, скорее всего, Хрущев сказал это мне нарочно, считая, видимо, что мы с Берией чем-то близки и мне не следует говорить всю правду. Откуда такое мнение и недоверие, непонятно. Как я уже сказал, эта тройка — Маленков, Берия, Хрущев — все решала между собой. Они были действительно близки, гораздо ближе, чем я с Берией. Кто-то мне высказал мнение, что Хрущев исходил из того, что мы оба кавказцы. Но не представляю, чтобы Никита Сергеевич мог так глупо и примитивно рассуждать. Он же был умный человек. Неужели он мог подумать, что в таком важном политическом вопросе национальность может играть какую-нибудь роль для кого-либо, не только для меня? Для меня же ничья национальность, тем более в политике, никогда не имела никакого значения. Меня, правда, убеждали, что по своей «неотесанности» Хрущев мог проявить такую предосторожность. Напоминали, что со всеми остальными товарищами он поговорил раньше, со мной же только в день заседания. Не знаю. Хотя, конечно, иной раз и умный человек ведет себя глупо.

Во время того разговора в саду Хрущев предупредил, что сегодня повестка заседания объявлена обычная, но что мы эту повестку рассматривать не будем, а займемся вопросом о судьбе Берии.

И действительно, после обмена мнениями, когда особенно резко выступил Хрущев, и мы все выступили в том же духе, было принято решение в отношении Берии. Сначала он не понял серьезности дела и нагло сказал: «Что вы у меня блох в штанах ищете?» Но потом до него дошло. Он тут же, в комнате Президиума ЦК, был арестован.

В целом надо считать смещение Берии заслугой Хрущева перед партией. Действительно, Берия представлял опасность для партии и народа, имея в руках аппарат МВД и пост первого

заместителя Председателя Правительства.

Л.М. Каганович Вместе со Сталиным

(Из книги Л.М. Кагановича «Памятные записки»)

Беседа со Сталиным

В 1922 году после XI съезда партии, на котором я был делегатом от Туркестанской партийной организации, в моей жизни произошла большая для меня перемена, определившая на долгие годы мою общепартийную и общегосударственную деятельность, — я был переведен на работу в Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Приехав на XI съезд партии, будучи избранным, как и на X съезд, на партийной конференции компартии Туркестанской республики, я принял активное участие в работе съезда, а затем участвовал в разработке и обсуждении решений Политбюро и Оргбюро по туркестанским делам, продвигал в центральных учреждениях практические, так называемые текущие вопросы Туркбюро ЦК и Туркомиссии ВЦИКа и Совнаркома и готовился к обратному отъезду в Туркестан.

Перед отъездом я зашел к своему другу — товарищу Валериану Владимировичу Куйбышеву, который был избран, вместе с товарищами Сталиным и Молотовым, секретарем Центрального Комитета партии. Поздравив его с избранием, я сказал, что вот зашел перед отъездом завершить оставшиеся нерешенными туркестанские дела.

Однако Валериан, улыбаясь, сказал мне: «Кажется, что эти дела тебе, Лазарь, придется перепоручить кому-либо другому, потому что у нас в Секретариате ЦК сложились соображения насчет выдвижения тебя на новую работу».

На мое замечание, что я работу в Туркестане хотел бы завершить, не передвигаясь на новые места, товарищ Куйбышев сказал, что речь идет о выдвижении на центральную работу. «Я вот, — сказал тов. Куйбышев, — тоже работал в Туркестане, а теперь Центре. ЦК сейчас подбирает свежих людей для работы». На мой вопрос, как быть, тов. Куйбышев сказал: «Вот пойдем вместе к товарищу Сталину, там ты и узнаешь».

Товарищ Сталин принял меня в кабинете Генерального секретаря ЦК в доме на Воздвиженке (ныне улица Калинина).

Хотя я был знаком с тов. Сталиным еще с июня 1917 года, но, признаюсь, что, заходя к нему в первый раз как Генеральному секретарю ЦК, я испытывал известную напряженность, тем более что я не знал, с каким предложением меня встретит товарищ Сталин. Но это мое напряжение быстро прошло, так как тов. Сталин встретил меня дружелюбно, встал из-за стола, поздоровался со мной мягким рукопожатием, пригласил сесть и тут же начал разговор.

«Мы, — сказал он, — имеем намерение взять вас на работу в ЦК и назначить вас заведующим Организационно-инструкторским отделом ЦК. Как вы относитесь к этому нашему предложению?» Это было для меня неожиданно, ия не сразу ответил. Тов.

Сталин меня не торопил, видимо понимая, что я подготавливаю себя к ответу. Подумав немного, я сказал тов. Сталину: «Работа очень большая, и я не уверен, справлюсь ли яс ней». Товарищ Сталин улыбнулся и сказал: «Вот уж не ожидал от вас такой неуверенности и сомнений. Товарищ Куйбышев мне говорил, что вы мужик смелый, умеете дерзать, а некоторые другие даже прибавляли об известной дозе вашей самоуверенности, а тут вдруг сомнения и неуверенность. Я, — продолжал тов. Сталин, — думаю, что вы напрасно прибедняетесь. Вы ведь партийный организатор — работали в 1918 г. во Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, руководили как раз организационным отделом, а главное, прошли большой путь местной партийной и советской работы в промышленных и сельскохозяйственных губерниях, в национальных республиках. Это как раз то, что в настоящее время особенно необходимо для аппарата ЦК в его работе по выполнению решений XI съезда и указаний нашего учителя товарища Ленина. Я, — заключил тов. Сталин, — считаю, что мы поступим правильно, если отклоним ваши сомнения и примем предложенное решение».

//_ * * * _//

После этого тов. Сталин сказал об организационных задачах по существу, с особой силой подчеркнув важнейшее положение доклада и заключительного слова тов. Ленина на XI съезде — его генеральный вывод о том, что сейчас гвоздь не в новой политике в смысле перемены направления — новая экономическая политика полностью себя оправдала, отступление окончено, — гвоздь положения в организации проверки исполнения, в людях, в подборе людей.

Эта гениальная мысль Ленина, — сказал тов. Сталин, — является главным во всей работе партии и ЦК, в первую очередь организационной. Некоторые, — сказал Сталин, — сужают эти вопросы, не понимая, что Ленин под проверкой исполнения понимает всю партийную и советскую работу по руководству сверху донизу, что проверкой исполнения должны заниматься все организации и все коммунисты партийных и государственных органов, но прежде всего ЦК и Совнарком. Проверка исполнения

требует высокого качества самих постановлений, а после их принятия — четкости, установления сроков, лиц, коим поручается дело их выполнения, — одним словом, глубокой ответственности, но для проверки необходимо знать, что проверяешь. Необходимо, следовательно, поднять уровень работы всех организаций на большую высоту, в первую очередь партийных.

Хорошо поставленная проверка исполнения точно освещает состояние работы, разоблачает бюрократов и злоумышленников в государственном аппарате и устраняет недостатки в работе парторганизаций.

Проверка исполнения не есть односторонняя проверка сверху вниз, а взаимный контроль практики мест центральными организациями и распоряжений Центра практикой мест- это дает больше возможности учета опыта и обогащения всей работы.

Проверка исполнения воспитывает кадры, раскрывая их недостатки и прорехи. Фактическая проверка состояния дел непременно связана с проверкой кадров, их идейности, работоспособности, преданности делу и знания дел, которыми они руководят, с заменой непригодных более квалифицированными кадрами. Говоря о подборе кадров, Ленин имеет в виду не только их оценку, ноиих потенциальные возможности для выдвижения, их воспитание в процессе работы и учебы прежде всего честной критикой и самокритикой и развитием рабочей демократии в партийной, советской и профсоюзной жизни. Без изучения и личного знакомства с людьми руководство может попасть в канцелярское болото.

Необходимо улучшить работу всего аппарата партийных органов, в том числе ЦК, в первую очередь его Организационного отдела, для обеспечения выполнения резолюции съезда по организационно-партийному строительству.

На съезде в выступлениях, — продолжал тов. Сталин, — были правильные критические замечания по работе Орготдела ЦК. Вы, товарищ Каганович, изучите эти замечания и ликвидируйте эти недостатки. Вообще организационная работа, особенно в настоящее время, непосредственно связана с работой по подбору кадров, и, возможно, в недалеком будущем нам придется подумать об объединении двух отделов — Организационноинструкторского и Учетно-распределительного, но вам, товарищ Каганович, необходимо будет уже сейчас фактически взять дело подбора кадров для партийной работы в руки Оргинструкторского отдела.

Одним словом, дел много, надо, засучив рукава, немедля взяться за работу, а мы, — обратившись к тов. Куйбышеву и подошедшему несколько позднее тов. Молотову, — будем

проверять исполнение и помогать товарищу Кагановичу».

//_ * * * _//

Я пробовал заикнуться о возможности моей поездки в Ташкент для отчета о съезде, но тов. Сталин сказал: «Нам всем хотелось бы сейчас выехать на места для отчета, но дел в Центре сейчас много по выполнению решений XI съезда и указаний товарища Ленина, и вам, товарищ Каганович, необходимо приступить к работе в ЦК немедля — завтра же. С товарищем Лениным ваше новое назначение согласовано, он, хотя и жалеет о вашем уходе из Туркестана, но ввиду важности организационной работы ЦК он согласен с этим предложением».

Товарищ Сталин далее сказал о том, какое большое значение придает Ленин организационной работе партии, начиная еще с момента создания революционной партии рабочего класса нового типа, коренным образом отличающейся от социал-реформистских партий Запада. «Организационную работу партии нельзя сужать, ее надо понимать шире, она неизбежно больше связана со всей деятельностью партии, чем другие отрасли партийной работы, со всей политикой партии. Работая заведующим Оргинструкторским отделом ЦК, вам, товарищ Каганович, придется использовать свой опыт руководства в губкоме и крайкоме (Туркбюро) для помощи Секретариату ЦК в координации работы Орготдела с работой других отделов ЦК.

Советую вам еще и еще раз изучить все то великое и ценное, что говорил и писал наш учитель Ленин о партийном строительстве. Вот я, например, хотя и постарше вас, но, приступая сейчас к чисто партийной работе, я вновь и вновь перечитываю решения партии и особенно то, что писал и говорил о партии и партийном строительстве мой учитель товарищ Ленин».

Говоря далее об основных положениях Ленина о партии в духе того, что он потом так блестяще и глубоко научно изложил в своем замечательном труде «Об основах ленинизма», тов. Сталин особенно подчеркнул ленинское положение о единстве программных, политических целей и задач с организационно-практическим их осуществлением.

«Поэтому, — заключил беседу тов. Сталин, — партийный организатор должен все время подымать свой теоретический уровень и политическую квалификацию, связывая теорию, политику с организаторской практикой».

//_ * * * _//

Работая в ЦК партии, я еще много раз бывал у тов. Сталина на протяжении более 30 лет совместной работы в ЦК. Но именно эта первая обстоятельная беседа больше всего врезалась в мою память и сознание. На меня тогда произвело большое впечатление то, что Сталин, только что избранный Пленумом ЦК Генеральным секретарем ЦК, столь глубоко и конкретно говорил о задачах организационно-партийной работы и о партийном строительстве в свете учения Ленина о партии и при этом говорил о Ленине- своем учителе- с большим душевным чувством любви и уважения.

Эта беседа с секретарями ЦК- товарищами Сталиным, Молотовым и Куйбышевым — не только ободрила, но и вселила в мою душу и сознание большую уверенность в выполнении предстоящих задач.

Вскоре после моего вступления в работу заведующего Оргинструкторским отделом ЦК я выступил на собрании коммунистов отдела с двумя докладами. Первый доклад о практических задачах отдела и второй доклад (своего рода лекция) «О некоторых важных моментах из истории организационного строительства Ленинской партии». Этот второй доклад-лекцию я сделал по совету товарища Сталина. Когда я доложил ему, товарищам Молотову и Куйбышеву о моем первом докладе на партийной ячейке Организационноинструкторского отдела о практических задачах, прениях и предложениях по этому докладу, тов. Сталин сказал: «Это, конечно, очень хорошо, что вы сделали доклад на ячейке, хорошо, что советуетесь по вопросам практической работы, выслушиваете и учитываете мнения и предложения коммунистов, работающих в отделе, но я бы посоветовал сделать им еще доклад или нечто вроде лекции — об основных моментах из истории партийного организационного строительства партии. Я думаю, что они в этом нуждаются и им это будет очень полезно». Молотов и Куйбышев вполне поддержали это. Согласился, конечно, ияс этим, сказав, что это будет полезно и мне как подготовка к предстоящей моей организационно-практической работе.

Мне пришлось, конечно, серьезно и основательно поработать. Хотя эта тема была для меня не новой, но одно дело докладывать в подпольном кружке или в местной партийной школе, другое дело докладывать перед аудиторией коммунистов, работающих в Центральном Комитете. Мне помогал своими советами сам товарищ Сталин, а также товарищи Молотов и Куйбышев, получал я консультации у таких старых большевиков, как

Владимирский, Мицкевич, Землячка, Подвойский и другие. Вполне понятно то большое напряжение и волнение, которое я испытывал при подготовке и выполнении этого задания. Мне вспоминается такой эпизод. Своими волнениями я поделился с работавшим тогда в ЦК тов. Вардиным-Мгеладзе, с которым я сдружился в Саратове в 1917 году. Когда я ему сказал, что я вот получил такой совет — задание от товарища Сталина, он мне сказал: «Дело это серьезное и тебе необходимо основательно подготовиться, ведь Сталин здесь преследует не только идейно-воспитательную цель, но и дает тебе своего рода экзамен». Я тогда не воспринял его слова об экзамене, но потом, признаюсь, был очень рад, когда после лекции товарищ Сталин мне сказал: «Мне передавали, что коммунисты ячейки отдела очень довольны вашим докладом-лекцией». Я сам был доволен этим событием, которое заставило меня, по необходимости, подняться на новую ступень усвоения великого учения Ленина о партии и лучшего его применения в практике организационно-партийной работы.

Это, между прочим, помогло мне и впоследствии выполнить поручение Секретариата ЦК- написать брошюру «Как построена РКП (б)» и издать ее в начале 1924 года для Ленинского призыва.

Комиссия Сталина — Молотова и образование СССР

После XI съезда РКП(б) Центральный Комитет сосредоточил особое внимание и усилия на организации систематической и более глубокой связи и руководстве окраинными организациями, в особенности партийными организациями национальных областей и республик. Конечно, ЦК и до XI съезда занимался ими; тов. Ленин сам уделял им свое внимание и заботу, занимался ими и его ближайший помощник народный комиссар по национальным делам, член Политбюро тов. Сталин, а также после X съезда и секретарь ЦК тов. Молотов.

В течение 1921 года укрепились связи Москвы как центра РСФСР с независимыми республиками и с автономными республиками и областями. Связь с органами РСФСР в области хозяйства и культуры вместо эпизодической становилась все более и более систематической и не только в автономных, но ив независимых республиках. Это еще не были отношения союзные — работа шла в рамках договоров; но уже в период 1921 года и частью в 1922 году (до решения съезда) Правительство РСФСР все больше и больше играло роль общефедеративного — общесоюзного центра, так как это вызывалось хозяйственной необходимостью. Для того чтобы укреплять договорные отношения, приходилось заключать дополнительные договоры, принимать отдельные решения, регулирующие отношения органов РСФСР с органами независимых республик. При ВЦИК и СНК РСФСР были учреждены полномочные представители договорных республик, которые представляли республику при решении всех дел и вопросов, возникающих между ВЦИК и ЦИК соответствующей республики.

В июне 1921 года было принято решение о введении в СТО и Госплан представителей независимых республик. По согласованию с правительствами республик ВЦИК принимал отдельные важные законодательные акты, например о распространении на все республики закона о трудовом землепользовании и другие. Народный комиссариат по национальным делам кропотливо, усиленно и настойчиво работал над постепенным организационнохозяйственным сближением республик и областей и укреплением связей и подлинным сближением с договорными республиками. Наркомнац, согласно решению ВЦИК и СНК, имел своих представителей в договорных республиках, которые являлись,

вместе с тем, по соглашению с Наркоминделом, советниками представительства РСФСР в соответствующей договорной республике.

Наркомнац направлял всю свою работу на сближение народов Советских республик, руководствуясь указаниями Ленина о том, что нельзя осуществить сразу добровольный союз наций, что до него надо дойти, «доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственностью и враждой из-за ее разделов и переделов».

Особенно ярко сказалось укрепившееся доверие наций и независимых республик к РСФСР в связи с Генуэзской конференцией и наступлением империалистов на дипломатическом фронте. Все республики поручили делегации РСФСР защищать их интересы на Генуэзской конференции. Кроме отдельных официальных актов, на совещании полномочных представителей всех восьми советских республик в Москве- Украинской, Белорусской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Бухарской, Хорезмской и ДВР- был подписан протокол о передаче представительства на Генуэзской конференции РСФСР. От имени РСФСР тов. Калинин заявил, что он с удовлетворением принимает поручение союзных и братских республик и что Правительство Российской Республики примет все меры, чтобы интересы всех республик были в должной мере защищены на конференции.

//_ * * * _//

Все это, вместе взятое, подвело вплотную к переходу Советской государственности на новую, более высокую ступень — объединения в единое федеративное союзное государство.

Это новое объединительное движение шло снизу в самих рабоче-крестьянских массах, их Советах, во всех республиках. Можно сказать, что оно особенно развернулось с вопроса об объединении трех республик — Грузинской, Азербайджанской и Армянской — в единую Закавказскую федерацию.

Объединение трех закавказских республик диктовалось острой необходимостью быстрейшего восстановления разрушенного хозяйства. Железная дорога была единой для всех республик. Она связывала не только внутренние районы Закавказья, но и черноморские и каспийские порты. Политика буржуазно-националистических правительств с их таможенными

барьерами затормозила и без того слабый товарооборот между отдельными частями Закавказья. Более того, решить большие задачи социалистического строительства можно было в то время только федеративным соединением республик.

Ленин особенно интересовался этим вопросом, он прежде всего поставил вопрос о хозяйственном объединении, предлагал также создать единый для всего Закавказья банк.

В апреле 1921 года уже было заключено соглашение об объединении под единым управлением железных дорог Закавказья, а в июле 1921 года Кавказское бюро ЦК РКП(б) признало необходимым разработать единый хозяйственный план для всех закавказских республик и заключить хозяйственно-финансовую, торговую и военную конвенцию между закавказскими республиками и РСФСР. Было образовано Закавказское экономическое бюро. Это было серьезным началом соединения всех закавказских республик.

В июле 1921 года тов. Сталин по поручению ЦК и лично Ленина приезжал в Закавказье и оказал компартиям Закавказья неоценимую помощь в укреплении Советской власти, в разработке хозяйственных мероприятий, в частности в объединении хозяйственноэкономических органов, и особенно в подготовке образования Закавказской федерации трех республик. Важное значение имел доклад Сталина на собрании Тифлисской партийной организации 6 июля 1921 года «Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье». «Я помню, — говорил тов. Сталин, — года 1905–1917, когда среди трудящихся Закавказья господствовала братская интернационалистская солидарность, а теперь в результате господства националистов в ядовитой националистической обстановке старые интернациональные узы порвались.

Очередной задачей коммунистов Грузии является беспощадная борьба с национализмом.

Необходимо ликвидировать изолированное существование Грузии, необходимо создать здоровую атмосферу взаимного доверия между народами и достигнуть объединения хозяйственных усилий закавказских республик».

Подчеркивая необходимость создания Закавказской федерации, Сталин в то же время сказал, что это отнюдь не будет означать ликвидацию независимых республик.

//_ * * * _//

Во всех трех республиках развернулась энергичная работа по

подготовке проектов практического решения этого вопроса, в первую очередь по линии хозяйственной.

В ноябре 1921 года ЦК РКП(б) командировал в Закавказье секретаря ЦК тов. Молотова для участия в заседании пленума Закавказского бюро ЦК РКП(б) о Закавказской федерации. Этот пленум и краевое совещание руководящего актива высказались за образование федерации — за создание федеративного союза между тремя республиками — Азербайджанской, Грузинской и Армянской.

ЦК РКП (б) принял постановление, написанное Лениным, об образовании федерации закавказских республик. Ленин советовал широко обсудить этот вопрос среди трудящихся, не допуская торопливости.

Десятки партийных собраний, митингов и собраний рабочих в Тифлисе, в деревнях, а также в Баку, Ереване поддержали идею и предложения об организации федерации.

Нельзя, однако, думать, что это прошло без внутренней борьбы, особенно среди верхушки актива. В самом составе ЦК Компартии и Правительства Грузии была довольно влиятельная группа национал-уклонистов, которые выступили против образования Закавказской федерации. Они развернули отчаянную борьбу против объединения, сопровождая свои выступления враждебным национализмом, направленным против других национальностей Закавказья. Они требовали установления кордонов на границах с другими советскими республиками, выступали против проведения землеустройства на основе закона о конфискации у помещиков их земель; выступали они с такими правыми антисоветскими предложениями, как, например, денационализация Батумских нефтяных резервов и сдача их в концессию американцам и т. д. Среди них наиболее выделялся Мдивани, многие потом отошли от национал-уклонизма, например старейший уважаемый большевик Филипп Махарадзе.

Были такие же национал-уклонисты и в Азербайджанской партии. ЦК РКП(б) и лично Ленин неоднократно занимались этими вопросами: вызывали их на заседания в ЦК, разъясняли, увещевали и вто же время резко осуждали.

Следуя указаниям Ленина, ЦК РКП(б) не допускал административного нажима, а проявлял большую выдержку и терпение.

В марте 1922 года Азербайджанская, Грузинская и Армянская Социалистические Республики добровольно объединились в федеративный союз, а затем окончательно во второй половине 1922 года- в единую Закавказскую Федеративную Республику. В середине 1922 года представители Закавказского крайкома

РКП(б) выехали в Москву и поставили общий вопрос о необходимости усиления федеративных связей с РСФСР.

Почти одновременно с закавказскими вопрос об образовании союзного государства был поставлен Украинской и Белорусской Советскими Республиками.

В августе 1922 года ЦК РКП(б) создал комиссию для подготовки проекта постановления Пленума ЦК РКП(б) «О взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных Советских республик». В комиссию вошли следующие товарищи: Сталин И.В., Молотов В.М., Куйбышев В.В., Орджоникидзе Г.К., Раковский Я.Г., Сокольников Г.Я. и представители республик Агамали-оглы С.А. (Азербайджан), Мясников А.Ф. (Армения), Мдивани П.Т. (Грузия), Петровский Г.И. (Украина), Червяков А.Г. (Белоруссия).

Первый разработанный Сталиным проект был разослан для обсуждения в ЦК компартий. По этому проекту независимые республики Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия и Армения вступают в Российскую Федерацию. Хотя права их были больше, чем у обычных автономных республик, и хотя в проекте не говорилось о них как об автономных, но получалось так, что вступали они в РСФСР как автономные республики. Центральные Комитеты Азербайджана и Армении поддерживали этот проект, ЦК Грузии высказался против, ЦК Белоруссии высказался за сохранение договорных отношений, ЦК Компартии Украины не представил своего мнения — не обсуждал вопроса.

После октябрьского Пленума ЦК РКП(б) ЦК КП(б)У полностью присоединился к решениям. Комиссия, собравшаяся 23–24 сентября, заседала под председательством тов. Молотова. Она заслушала сообщение и единогласно (за исключением воздержавшегося представителя Грузии) приняла за основу проект тов. Сталина.

//_ * * * _//

Ленин в это время болел и не мог участвовать в работе комиссии или давать конкретные указания. Составленный и принятый комиссией проект был послан Ленину 25 сентября. Товарищ Ленин, ознакомившись с проектом, написал письмо членам Политбюро, в котором он высказался против этого проекта, против пункта «автономизации» независимых национальных республик. Ленин считал, что вступление республик в РСФСР ставит их в неравноправное положение и урезывает их суверенные права. Вместо этого Ленин предложил

образовать новое объединение всех республик- Союз Советских Социалистических Республик, в который войдут все независимые республики, в том числе РСФСР, как равные, с равными правами и обязанностями, как независимые, суверенные государства. Ленин предложил иметь наряду с ВЦИК Союзный Центральный Исполнительный Комитет как федеральный ЦИК.

Комиссия, возглавляемая Сталиным, согласилась с предложениями Ленина.

В октябре Пленум ЦК рассматривал этот новый проект. Не имея возможности присутствовать на Пленуме из-за болезни, Ленин прислал дополнительные предложения, в частности ввести должности председателей Союзного ЦИКа от всех республик и федераций. Ленин направлял работу Пленума против великодержавного шовинизма и местного национал-уклонизма, который у правых элементов и троцкистов имел место.

6 октября, в день заседания Пленума ЦК, Ленин писал: «Великорусскому шовинизму объявляю войну не на жизнь, а на смерть… Надо абсолютно настоять, чтобы в Союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т. д. Абсолютно!»

Пленум ЦК не только принял все эти предложения Ленина, ной в резолюции осудил проявления великодержавного шовинизма и местного национал-уклонизма.

После Пленума ЦК тов. Сталин вызвал меня — заведующего Оргинструкторским отделом и заведующего агитпропом ЦК- и дал указания о развертывании на местах более глубокой и широкой разъяснительной работы в духе решения Пленума, что особенно важно в связи с подготовкой и проведением съездов Советов республик, а затем союзного съезда Советов.

В течение всего ноября-декабря мы связывались с ЦК нацкомпартий, с губкомами и обкомами, получали от них сообщения о ходе разъяснительной работы, о подъеме объединительного движения. Я, например, связывался не только с Центральными Комитетами национальных компартий, ноис губкомами. Я систематически докладывал Секретариату ЦК и лично товарищам Сталину и Молотову.

Партия не просто разъясняла, но и боролась с национализмом, со всякого рода замаскированными предложениями, опрокидывающими идею Союза ССР. Например, на Украине национал-коммунисты из «боротьбистов» в содружестве с троцкистами (Раковским) усиленно популяризировали идею «конфедерации» с сугубо урезанными правами: все, например, постановления правительства «конфедерации» должны подтверждаться правительствами

республик; «конфедерации», как правило, не должны иметь своей армии, единого гражданства, своих законодательных органов ит. д. И вот такой «союз — конфедерацию» подсовывали национал-уклонисты вместо настоящего федеративного союзного государства. Партия, ЦК и местные организации организовали разоблачение этой хитроумной подмены настоящего Союзного государства конфедеративной фикцией.

Национал-уклонисты Башкирии, Татарии требовали ликвидации Российской Федерации с тем, чтобы эти республики отдельно входили в Союз.

Сталин убедительно доказал, что этот путь приведет к роспуску существующих федераций; кроме того, пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить еще из РСФСР специальный русский ВЦИК и русский Совнарком, что повело бы к большой организационной перетряске, ненужной и вредной.

//_ * * * _//

Одновременно шла организационная работа по подготовке к съезду Советов. Эту работу мы в ЦК проводили совместно с Президиумом ВЦИК.

Усиленно шла подготовка проекта основных пунктов Конституции СССР и декларации по его образованию. Этим руководила комиссия ЦК во главе с тов. Сталиным.

В декабре состоялся Пленум ЦК РКП(б), на котором был рассмотрен проект Союзного договора и декларации съезда. Пленум также избрал комиссию для руководства I съездом Советов во главе с тов. Сталиным.

Пленум одобрил проекты и ввиду болезни тов. Ленина утвердил докладчиком на X Всероссийском съезде Советов и I Всесоюзном съезде Советов тов. Сталина.

X Всероссийский съезд единогласно принял проект резолюции об объединении РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР в Союз Советских Социалистических Республик и избрал полномочную делегацию, возложив на нее подписание договора об образовании СССР.

Закрывая Всероссийский съезд Советов, тов. Калинин указал на историческое значение решений съезда об образовании Союзного государства. Взволнованно звучали его слова: «Разве для нас не дорого имя РСФСР? Оно дорого нам. Это имя завоевано в огне военных битв… Я вижу, как над нами развевается красное знамя, с пятью священными буквами РСФСР. И мы, делегаты X съезда Советов, полномочные представители

всей Советской Российской Федерации, склоняем это дорогое, овеянное битвами и победами, укрепленное жертвами рабочих и крестьян знамя перед Союзом Советских республик. Мы видим, как уже поднимается новое красное знамя Союза Советских республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках тов. Ленина. Итак, товарищи, вперед, поднимайте выше это знамя, чтобы его могли видеть все трудящиеся и угнетенные мира».

Вечером 30 декабря 1922 года открылся I съезд Советов СССР. На съезде было более двух тысяч делегатов.

По одному даже внешнему облику делегатов видно было, что здесь съехались не «мирные» парламентарии, а славные бойцы Гражданской войны, завершившие ее победно и пожинающие сейчас плоды победы. Преобладали кожухи, шинели, гимнастерки, сапоги, обветренные лица, характерные для людей, только что покинувших окопы, заводы, фабрики и крестьянские поля. Боевое, бурное, темпераментное реагирование во всем ходе съезда по обсуждаемым вопросам показывало, что здесь собрались боевые соратники, завоевавшие своей кровью, своимучастием в Октябрьской революции, в Гражданской войне с беляками и иностранными интервентами право творить новое могучее государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Доклад тов. Сталина на съезде «Об образовании Союза Советских Социалистических Республик» был кратким. После выступлений делегатов с мест, в том числе ярких речей товарищей Фрунзе, Кирова и других, Всесоюзный съезд Советов принял постановление об утверждении Декларации об образовании СССР.

Насколько демократично было проведение всего этого решения, показывают следующие пункты постановления:

«2. Ввиду чрезвычайной важности принятой Декларации, заключенного Договора и желательности выслушать окончательные мнения всех входящих в Союз республик о тексте настоящего Договора, передать Декларацию и Договор на дополнительное рассмотрение ЦИК Союзных республик с тем, чтобы отзывы Союзных республик были представлены ЦИК Союза ССР к ближайшей очередной его сессии.

3. Поручить ближайшей очередной сессии ЦИК Союза ССР рассмотреть полученные отзывы, утвердить текст Декларации и Союзного договора и немедленно ввести его в действие».

Можно поражаться государственной мудрости съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, который, принимая под руководством ЦК РКП(б) этот величайшей важности акт, проявляет такую демократичность и осторожность,

поручая еще раз в деталях изучить Договор на местах, после чего окончательно ввести его в действие.

1937 год. Об уроках вредительства

.. В течение второй половины 1920-х- начале 1930-х годов в нашей стране шла огромная работа по воплощению в жизнь планов индустриализации и коллективизации, усовершенствованию политической системы государства. Одновременно не прекращалась борьба с троцкистами и уклонистами различных мастей, пытавшимися свернуть СССР с пути подлинных социалистических преобразований. Эта борьба происходила в том числе и на железнодорожном транспорте, который я возглавлял тогда.

Состоявшийся в феврале-марте 1937 года Пленум Центрального Комитета ВКП (б) заслушал и обсудил доклады «Об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов в промышленности и на транспорте».

Пленум ЦК обсуждал и другие очень важные вопросы: о подготовке к избирательной кампании (докладывал тов. Жданов), о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (доклад тов. Сталина) и об уроках вредительства в промышленности, на транспорте и в других отраслях хозяйства (доклад тов. Молотова).

Я остановлюсь главным образом на моем докладе: «Об уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов на железнодорожном транспорте».

Я начал доклад со следующего общего замечания:

«Мы обсуждаем здесь уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецкотроцкистских агентов. Это означает, что мы должны вскрыть особенности этого вредительства, его приемы борьбы, а главное- вскрыть наши ошибки, ошибки хозяйственных руководителей, партийных и беспартийных, начиная от низового хозяйственного работника и кончая народным комиссаром, которые вовремя не разоблачили вредительских действий врагов. Корни и характер японо-немецкотроцкистского вредительства на железнодорожном транспорте те же, что и в тяжелой промышленности, о которых здесь докладывал товарищ Молотов.

Мы имеем дело с бандой оголтелых разведчиков-шпио-нов, озлобленных растущей мощью социализма в нашей стране и применяющих поэтому все средства изуверской борьбы с Советской властью, с Советским Союзом, какие имеются в арсенале шпионов, диверсантов и разведчиков.

К железнодорожному транспорту в особой мере применимо то, что указано в первом абзаце проекта резолюции Пленума ЦК, что «троцкисты, ставшие наемным орудием фашизма, восприняли

приемы вредительства всех ранее раскрытых вредительскошпионских организаций в промышленности и на транспорте. По отношению к железнодорожному транспорту можно сказать, что они восприняли не только приемы вредительства, они восприняли значительную часть неразоблаченных людей и даже сохранившихся в течение ряда лет не вскрытых организованных групп вредителей».

//_ * * * _//

Так же, как Молотов по народному хозяйству, так и я рассказал Пленуму ЦК факты из истории вредительства на железнодорожном транспорте, начиная от фон-мекковской организации периода «Промпартии» и кончая троцкистскими группами, вступившими в 1930 году в союз, в соглашение с вредителями-шпионами из буржуазных специалистов, занимавших в НКПС и на дорогах те официальные посты, которые давали им возможность, прикрываясь теоретическими формулами и расчетами, запутывать технические планы, срывать планы перевозок, развитие и реконструкцию железнодорожного транспорта. Эта цепочка, связавшая воедино троцкистов с матерыми сторонниками старого буржуазного строя, пошла дальше и привязывала к ним людей с партбилетом в кармане, но имевших троцкистское прошлое или сочувствовавших им. Я это иллюстрировал на Пленуме фактами, в частности показаниями одного из лидеров троцкистов, бывшего главного заместителя Троцкого, когда он был народным комиссаром путей сообщения, — Серебрякова.

«В начале 1935 года, — показывает Серебряков, — после назначения Л.М. Кагановича наркомом путей сообщения, я вызвал Арнольдова (он был тогда начальником Управления эксплуатации и движения). Арнольдов, придя ко мне, прежде всего заявил следующее: «Если в начале 1934 года говорилось, что транспорт является тем узким местом, с которым столкнулась наша экономика, то это же самое можно сказать и теперь- через год… Достаточно сказать, что к началу 1935 года среднесуточная погрузка составляет немногим более 50 ООО вагонов. Все нормы занижены донельзя. Мы со своими специалистами так крепко все это „обосновали", что вряд ли Кагановичу удастся скоро двинуть транспорт вперед. Помимо этого: 1) увеличен парк„больных" вагонов и паровозов, так как ремонт их проводится недоброкачественно в результате установленной системы обезлички в ремонте, 2) заторможен переход на неразрезные

буксы, на автоторможение и автосцепку, 3) путевое хозяйство находится в очень скверном состоянии, так как средства на текущий ремонт направлялись не по назначению, 4) дороги снабжались запчастями и материалами некомплектно и нестандартно, 5) создавались на дорогах пробки. Все это привело, — говорил Арнольдов, — к увеличению количества крушений и аварий на дорогах, к нарушению графика движения поездов».

«Если, — продолжал Серебряков, — к 1935 году транспорт задыхался в узких рамках заниженных норм, то это потому, что Арнольдову совместно с группой специалистов удалось сделать эти заниженные нормы законом работы на железных дорогах. Все это было тем, что вскоре было вскрыто Кагановичем как теория «предела», которой прикрывала наша организация свою вредительскую работу».

Дело, конечно, не в Кагановиче. Это сделала партия, ее ЦК, в том числе и я. Но вопрос действительно состоял в том, что было ликвидировано легальное прикрытие вредительства. Вредители были серьезно обезврежены, передовые люди получили возможность развернуться, ломать старые нормы, творить своим творческим революционным трудом новые нормы и измерители, обеспечившие подъем транспорта.

Да, действительно, мы поймали сердцевину троцкистской открытой, легальной платформы на железнодорожном транспорте. В 1935 году они были серьезно подбиты, загнаны в подполье и, конечно, не могли так действовать, как раньше. Но в 1936 году они оживили свою деятельность.

Увлеченные успехами железнодорожники не проявляли должной бдительности. Я говорил об этом на Пленуме ЦК, и говорил не абстрактно, а иллюстрировал это конкретными фактами и людьми. Я говорил и о том, о чем ЦК партии, Сталин и я, конечно, не раз говорили железнодорожникам: о бдительности не только в 1935 году, но и в 1936 году. В приказе о крушениях я писал, что «одной из важнейших причин продолжающихся крушений является подрывная диверсионная работа классовых врагов — бывших кулаков, белогвардейцев, меньшевиков, троцкистов — и притупление большевистской бдительности командиров и политработников». Несмотря на это, и я как нарком проявил доверчивость и мягкость к перекрасившимся людям, которые меня обманывали.

Если Арнольдова мы сняли с поста начальника Управления эксплуатации, то Лившиц, бывший троцкист, был заместителем наркома. Он так рьяно выступал против «предельщиков», внешне проявлял себя энергично в работе, что мы поверили в его

честность. Точно так же можно сказать о Томленове, которого я сам выдвинул начальником Паровозного управления. Это был высококвалифицированный инженер, коммунист. Сын машиниста, сам машинист, учился при Советской власти, был ранее секретарем уездного комитета партии. Я к нему хорошо относился и даже надеялся вырастить из него крупного руководителя, но оказалось, что, будучи командирован в 1929 году в Японию, он дал волю своему «молодому темпераменту», увлекся японкой. Атам появился ее якобы муж, а на деле разведчик. Он пригрозил Томленову арестом, скандалом, а когда явился второй разведчик, предложивший свои услуги уладить все дело, лишь бы Томленов дал расписку информировать японскую разведку, «помучился», как он сам потом признался, и согласился. Так он стал японским разведчиком, а троцкисты «облагородили» его своей «идеологией». Он не ограничивался уже информацией, а вредил. А как начальник Паровозного управления, он уже не только сам вредил, а навербовал немало помощников себе.

По данным следственных и судебных органов я осветил в докладе на Пленуме ЦК о вредительстве в паровозном и вагонном, путевом хозяйствах, о вредительстве в строительстве и реконструкции железнодорожного транспорта, о необходимых мероприятиях по искоренению вредительства и о ликвидации последствий вредительства, особенно об обеспечении безопасности движения. Я доложил Пленуму ЦК факты организации вредителями, шпионами и троцкистами крушений, в особенности пассажирских поездов, с большими человеческими жертвами, об улучшении дела подбора и воспитания кадров, особенно связанных с движением поездов, о работе политотделов, об усилении бдительности коммунистов, и особенно руководящих работников.

//_ * * * _//

В своем докладе на активе я доложил обо всех вопросах, обсуждавшихся на Пленуме ЦК, и больше всего, конечно, об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов на железнодорожном транспорте.

В то же время я предупреждал от легковесных обвинений и перестраховки. «Проявление политической бдительности, — говорил я, — отнюдь не означает „лови каждого". Вот не понравился нос такого-то, он его считает вредителем, или сказал человек что-нибудь не так- его объявляют вредителем, он был знаком с троцкистом- его самого объявляют троцкистом, хотя

оснований для этого нет».

Надо, однако, сказать, что эти и многие другие такие же предупреждения не предотвратили ошибки, перегибы, а в дальнейшем грубые извращения, которые, к великому сожалению, имели место. В этом вина не только органов НКВД и судебноследственных органов, но и наша — руководящих деятелей. Нажимая на бдительность, мы вовремя не приняли необходимых мер против перегибов, превышения власти и злоупотребления этой властью.

Однако грубую ошибку совершают те, которые по случаю того, что пострадали и некоторые невиновные, делают вывод о том, что вся борьба с вредителями, шпионами, в том числе и из троцкистского лагеря, была якобы неправильной. Это есть попытка опорочивания всей революционно-классовой Ленинской линии партии за сохранение Советской власти и курса на строительство и победу социализма в борьбе с его врагами. Не так легко преодолеть вредительство, диверсии и шпионаж на транспорте, так же как и в других отраслях хозяйственной и государственной деятельности. Еще в 1927 году при обсуждении на Пленуме ЦК уроков шахтинского вредительства Генеральный секретарь ЦК партии И.В. Сталин предупреждал о том, что вредительство будет и впредь, пока существует капиталистическое окружение.

Новое в нынешнем вредительстве то, что в связи с изменением обстановки меняются и персоны этого вредительства. Сейчас основными кадрами и «активом» вредительства являются троцкисты и «правые». Но это не меняет дела. «Ленин и Сталин, — говорил я, — не раз предупреждали нас, что люди, вступившие на путь борьбы с партией, — троцкисты, „правые", „право-леваки" и все другие оппортунистические элементы, которые к ним примыкали, — в своем развитии должны неизбежно скатиться в большинстве своем в лагерь империализма. Мы видим сейчас, что они скатились в лагерь оголтелого фашизма, стали наемной агентурой фашистских контрразведок. Вот почему сейчас самое важное не столько в констатации этого, сколько в том, чтобы мы не допустили впредь такого вредительства, чтобы мы противопоставили свою большевистскую бдительность и решительность в борьбе с врагами.

Мы должны устранить допускаемые перегибы и ошибки, мы должны ликвидировать все те недостатки, которые позволили врагам орудовать у нас, в особенности на железнодорожном транспорте. Враги знали, — говорил я, — что такое железнодорожный транспорт для войны. Вот почему на

железнодорожниках лежит особая ответственность перед Родиной, перед страной. Мы не должны допускать промедления в ликвидации последствий вредительства».

Деловые совещания, проведенные на политической основе после Пленума, сыграли большую роль в непосредственной ликвидации последствий вредительства и в выполнении второго и третьего пятилетних планов, что особенно важно было в подготовке к защите нашей Родины.

О «растерянности Сталина» в начале войны

.. Период 1941–1945 годов в истории нашей партии и Родины был героическим периодом борьбы не на жизнь, а на смерть со злейшим врагом всего человечества и нашей Родины за само ее существование, за саму жизнь всех народов Советского Союза, за их завоевания в Великой Октябрьской социалистической революции, за их свободу и национальную независимость против порабощения и уничтожения немецким фашизмом. Это был период тяжких испытаний и боев, величайшего напряжения всех физических и моральных сил рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, трудящихся всех национальностей и проявления ими на фронте и в тылу самопожертвования, храбрости, героизма.

Преодолев тяжкие испытания и отступления на первом этапе войны, Советский народ во главе с Великим русским народом набрал силы и вышел Победителем!

Об Отечественной войне написано много замечательных страниц историками, мемуаристами и писателями. Независимо от тех или иных неточностей и даже неправильностей в освещении отдельных моментов, в том числе Великой роли Сталина как организатора Победы, они в основном глубоко освещают факты Отечественной войны и отражают героизм миллионов бойцов всех народов Советского Союза на фронте и в тылу.

Надо отдать должное значительной части наших военных товарищей, которые, к их чести и старательности, осветили героизм нашей славной, родной Советской армии более полно, чем это сделали гражданские работники и борцы в деле освещения героизма рабочих и работников промышленности, транспорта, колхозников в сельском хозяйстве и во всех других видах труда, самоотверженно и героически обеспечивших нашу армию и победу. Вот почему каждый из нас в меру своих сил, памяти и наличных материалов должен осветить как умеет опыт борьбы за Победу.

Мы боремся за мир между народами, но нам надо всегда помнить, что история не исключает того, что этот опыт может еще понадобиться.

Как член Политбюро ЦК и член Государственного Комитета Обороны, принимавший участие в разработке и решении основных вопросов организации военного отпора и разгрома фашистских захватчиков, я видел, как концентрировались в единый мощный кулак все силы партии во главе с ее Ленинским Центральным Комитетом и Политбюро, силы Советов — от

сельских, городских до Верховного Совета, Советского Правительства, министерств и их органов, профсоюзов- самой широкой массовой организации рабочего класса, правлений колхозов, Коммунистического союза молодежи и всех революционных общественных организаций трудящихся всех национальностей, мужчин и женщин Советского Союза. Такого соединения, концентрации усилий, энергии, воли, патриотического героизма не знала ни одна страна.

//_ * * * _//

Первые месяцы войны, когда по известным причинам, и прежде всего вероломной неожиданности нападения врага, наши войска вынуждены были отступать, вызывают особенно много споров и толков. Я ни в коей мере не согласен с теми, кто изображает дело так, будто руководство партии и Правительства и лично Сталин не предвидели войны и якобы не готовили страну к войне.

Если допустить, что было преувеличение осторожности во избежание провокации, то это только подтверждает факт, что наша социалистическая страна и ее руководство вели честную политику мира и соблюдали верность международным договорам. Это не исключает, что в расположении наших войск и их готовности к активному отпору могли быть ошибки, могли быть недоделки и в чисто военных мероприятиях, которые, естественно, волновали Сталина, особенно первые дни войны.

С еще большей решительностью я отвергаю клеветнические, пасквильные выдумки, будто в первые дни войны у руководства — у Сталина была растерянность. Разумеется, у нас у всех и у Сталина не было бравурного настроения. Мы были, конечно, взволнованы таким оборотом событий — войной, которая принесет много бед и жертв народу. Мы — все члены Политбюро ЦК, в первую очередь Сталин, — были озабочены предстоящими трудными задачами. Мы все буквально вмиг отмобилизовались, чтобы со всей присущей Ленинцам силой и энергией по-боевому выполнить свой патриотический долг перед любимой Родиной.

Это нашло свое отражение на первом же заседании Политбюро в кабинете Сталина на рассвете 22 июня 1941 года с участием руководства Наркомата обороны и Генерального штаба. Заслушав сообщения военных товарищей о начале военных действий и вероломном нападении гитлеровцев на нашу Родину, Сталин предложил выступить по радио с заявлением от имени Советского правительства, поручив это народному комиссару

иностранных дел, заместителю Председателя Совета Министров В. М. Молотову. Сталин дал указания о содержании этого заявления. При этом Сталин сказал, что он сам выступит по радио несколько позднее. Забегая вперед, скажу, что Сталин ознакомил нас и с текстом своей речи до выступления.

У Сталина, как и у всех нас, его соратников, была твердая уверенность, что, несмотря на трудности и тяжести отступления перед внезапным нападением врага, оно, это отступление, носит временный характер- и Победа будет за нами, за нашим Великим Советским государством, руководимым нашей Ленинской партией. На этом первом заседании были даны указания военным товарищам об отпоре врагу, а остальным товарищам Сталин сказал: «Сейчас не будем разрабатывать каких-либо мероприятий. Каждый из вас ведает определенными отраслями деятельности, и каждый из вас, не дожидаясь постановлений, возьмется по-военному за немедленный перевод всей деятельности партийных и государственных органов на военные рельсы»…

XIX съезд партии

Еще в августе 1952 года ЦК опубликовал постановление Пленума ЦК о созыве в октябре 1952 года XIX съезда партии. ЦК опубликовал одновременно «Проект директив XIX съезда партии по Пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.» и «Проект Устава ВКП(б)».

ЦК предложил всем партийным организациям развернуть широкое обсуждение в партийных организациях этих проектов и всех вопросов съезда. Съезд открыл кратким вступительным словом товарищ Молотов. С отчетным докладом ЦК ВКП(б) выступил секретарь ЦК тов. Маленков. Отчетный доклад ЦК показал, какую Великую Героическую полосу прошла наша Родина под руководством своей героической партии, ее ЦК, его руководителя товарища Сталина и Советского правительства — одержана Величайшая историческая победа над фашистским врагом.

Широко показаны героические усилия народа по восстановлению народного хозяйства, и поставлены новые большие задачи партии, рабочего класса, колхозного крестьянства и всего народа. После глубокого и широкого обсуждения отчетного доклада ЦК ВКП(б) XIX съезд принял следующую резолюцию: «Заслушав и обсудив отчетный доклад Секретаря ЦК ВКП(б) товарища Маленкова Г.М. о работе ЦК ВКП(б), постановляет: Одобрить политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б)». Это решение было принято единодушно. Директивы по пятилетнему плану, которые съезду доложил тов. Сабуров, были приняты с внесенными делегатами съезда поправками.

Съезд утвердил доложенные тов. Хрущевым внесенные Центральным Комитетом изменения в Устав ВКП(б).

Съезд заслушал доклад тов. Кагановича о предложениях Политбюро ЦК ВКП(б) по переработке Программы партии и принял следующую резолюцию: «XIX съезд партии устанавливает, что за период с VIII съезда партии (1919 год), когда была принята существующая Программа партии, произошли коренные изменения как в области международных отношений, так и в области строительства социализма в СССР, в связи с чем ряд положений Программы и изложенные в ней задачи партии, поскольку они уже осуществлены за этот период, не соответствуют больше современным условиям и первым задачам партии. Исходя из этого, съезд постановляет:

1) Считать необходимым и своевременным произвести

переработку существующей Программы партии.

2) При переработке Программы руководствоваться основными положениями произведения товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

XIX съезд партии избрал комиссию под председательством тов. Сталина для переработки Программы и поручил ЦК представить новый проект на рассмотрение следующего съезда компартии Советского Союза».

//_ * * * _//

На XIX съезде присутствовали и участвовали в его работе представители почти всех коммунистических и рабочих партий мира. Все они в своих выступлениях горячо приветствовали нашу партию, ее руководство и лично товарища Сталина и обещали ей всяческую революционную поддержку. В конце съезда с ответом им от нашей партии выступил вождь нашей партии товарищ Сталин, который прежде всего выразил от имени нашего съезда благодарность братским партиям и группам за дружеские приветствия, за пожелания успехов и за доверие. «Было бы ошибочно думать, — сказал тов. Сталин, — что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и поддержке братских народов за рубежом. Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна, в свою очередь, оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. Представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период Второй мировой войны. Конечно, очень трудно было выполнить эту почетную роль, пока «ударная бригада» была одна-единственная. Теперь от Китая до Кореи, до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран- теперь нашей партии легче

стало бороться, да и работа пошла веселее. Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые еще не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов».

Ответив на вопрос, почему все же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода, товарищ Сталин подчеркнул: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать. Теперь от либерализма не осталось и следа. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. Есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала».

Это было уверенное, мудрое Ленинское направление всей политики, стратегии и тактики братских партий в их борьбе за завоевание власти рабочим классом, за революционную победу над господством монополистического империалистического капитала, стремящегося к новому переделу мира, к новой войне. XIX съезд горячо, восторженно приветствовал товарища Сталина, выразившего волю и величие нашей партии, одержавшей Великие победы. XIX съезд своими решениями, речью товарища Сталина, которая, к великому сожалению, была последней его речью, укрепил нашу партию, как Ленинскую «Ударную бригаду» мировой пролетарской социалистической революции! Делегаты XIX съезда и представители братских партий горячо встретили выступление Сталина с приветствием братским партиям. В этом приветствии Сталин сказал: «Вам, товарищи, надо учиться не только на наших достижениях, но и на наших ошибках». Это очень важное заявление- это значит, что Сталиным признавалось, что у нас были ошибки. Я лично думаю, что если бы Сталин жил, он бы выступил с самокритичным докладом. Некоторые говорят, что Сталин уже был болен в период XIX съезда. Это, по-моему, неверно. Я видел, что съездом руководил Сталин, проект доклада Маленкова обсуждался под председательством Сталина на Президиуме, несколько раз вносились поправки. Помню, когда я спросил Сталина, почему он сам не делает отчетного доклада ЦК, он мне сказал, что надо выдвигать молодых, пусть растут- вот Маленков как секретарь ЦК сделает доклад. Тут же он добавил то,

что он говорил ранее нам, нескольким членам Президиума. «Я, — сказал Сталин, — вообще считаю, что после 70-летнего возраста руководящие товарищи должны уйти от непосредственного руководства; они могут быть советниками, но не управителями». Непосредственно после съезда Сталин руководил Пленумом ЦК и после него работой Президиума. Он занимался крупными вопросами восстановительного периода. Я вспоминаю, как он вызвал меня и сказал: «У нас колоссальные разрушения, все наши планы и обещания будут сорваны, если мы не решим главной задачи — дать строительные материалы. Цементные заводы, стекольные- их надо восстановить, дать стекло, цемент, кровлю, кирпич и прочее. Поэтому я предлагаю назначить вас министром строительных материалов. Как вы относитесь к этому?» Я, конечно, сразу ответил, что согласен. Таких примеров можно привести много.

Сталин вместе с Молотовым неизменно занимался вопросами внешней политики. В связи с изобретением на Западе нового атомного оружия Сталин особенно занимался освоением производства этого оружия у нас в СССР. Он поставил на службу этому делу всех нас- членов Политбюро. Надо сказать, что непосредственно производством занимались Берия, Первухин и другие. Но руководил этим делом лично сам Сталин.

Я уверен, что каждый объективно мыслящий советский человек скажет, должен сказать, что, несмотря на имевшие место ошибки, Сталин сделал столько Великого для роста могущества созданного Лениным Советского государства, что его представители могут вести переговоры с западными капиталистическими государствами как равный с равными в отстаивании дела мира между народами.

Смерть Сталина

.. Умер Сталин неожиданно. Хотя некоторые из нас в последний период его жизни реже бывали у него в домашних условиях, но на совещаниях, официальных заседаниях мы с удовлетворением видели, что, несмотря на усталость от войны, Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вел обсуждение вопросов живо и содержательно. Когда ночью меня вызвали на «Ближнюю дачу», я застал там Берию, Хрущева и Маленкова. Они сказали мне, что со Сталиным случился удар, он парализован и лишен дара речи, что вызваны врачи. Я был потрясен и заплакал.

Вскоре приехали остальные члены Политбюро: Ворошилов, Молотов, Микоян и другие. Приехали врачи во главе с министром здравоохранения.

Когда мы зашли в комнату, где лежал Сталин с закрытыми глазами, он открыл глаза и обвел нас всех глазами, всматриваясь в каждого из нас. По этому взгляду видно было, что он сохранил сознание, силился что-то сказать, но не смог и вновь закрыл глаза. Мы все с глубокой скорбью и печалью смотрели на Сталина, находившегося в тяжелом состоянии. Несколько дней шла борьба за сохранение жизни Сталина, врачи делали все возможное. Мы, члены Политбюро, все время находились здесь, отлучаясь лишь на короткое время.

Когда наступила смерть, мы 5 марта собрались для составления обращения ко всем членам партии и всем трудящимся Советского Союза. В этом обращении мы выразили глубокие чувства горечи, скорби и переживаний всей партии и народа.

В обращении ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета сказано: «Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и Советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее. Вместе с Лениным товарищ Сталин был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской Социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая всемирное дело Ленина, товарищ Сталин привел Советский народ к всемирно-исторической победе Социализма в нашей стране.

Товарищ Сталин привел нашу страну к победе над фашизмом во Второй мировой войне, что коренным образом изменило всю

международную обстановку. Товарищ Сталин вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища Сталина, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира».

Обращение ЦК и Правительства не только выразило чувства скорби, но и провозгласило важнейшие задачи дальнейшей политики, в которой главным «являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира», верность знамени пролетарского интернационализма, борьба за дело мира, демократии и социализма и главное — «хранить единство партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися массами, ибо в этой неразрывной связи с народом — сила и непобедимость нашей партии»…

Вспоминаю такой эпизод: вместе с Хрущевым я был включен в Комиссию по похоронам Сталина, и вот, когда мы ехали в авто с телом Сталина, Хрущев тронул меня за руку и сказал: «Как, Лазарь, будем жить-то и работать без Сталина? Тяжело будет нам». Помню мой ответ: «В 1924 году, когда умер Ленин, положение в стране и в партии было потруднее: был нэп, нэпманы, восстановление разрушенного хозяйства не было еще завершено, в партии орудовали троцкистская и другие оппозиции — а выжили мы, да еще как пошли вперед, потому что верные Ленинизму кадры сплотились вокруг ЦК, который повел партию по Ленинскому пути. Если будем твердо держаться этого Ленинского пути, по которому нас вел Сталин, мы выживем и будем успешно двигаться вперед».

Хрущев пожал мою руку и сказал: «Ты говоришь правильно — будем все вместе идти по этому пути, по которому нас вел Сталин».

Хрущев, как и все мы, активно участвовал в составлении приведенного обращения ЦК. Не думаю, что Хрущев был тогда неискренен и хитрил, как некоторые полагают.

//_ * * * _//

7 марта 1953 года было созвано совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором было принято важное постановление.

В вводной части этого постановления было особо

подчеркнуто, что «в это трудное для нашей партии и страны время важнейшей задачей партии и правительства является обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что, в свою очередь, требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники с тем, чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах». Нечего и говорить о том, какое большое значение имело это директивное указание для сплочения партии и советских народов.

Провозглашая верность проводившейся политике, ЦК, разумеется, исходил из Ленинского диалектического метода — следовать действительным потребностям жизни и вносить необходимые дополнения и изменения в принятые решения и в методы работы. Примером такого подхода было то, что тут же, при формировании органов руководства, ЦК внес серьезное изменение в саму структуру органов руководства. Вместо двух центров в руководстве ЦК- Президиума и Бюро — был создан один орган — Президиум Центрального Комитета, по существу-Политбюро.

Точно так же в Совете Министров вместо двух органов — Президиума и Бюро — был создан один орган — Президиум Совета Министров.

Без разногласий и споров (как это нынче изображают выдумщики) был установлен персональный состав руководства. В Президиум ЦК были избраны товарищи Маленков, Берия, Ворошилов, Молотов, Каганович, Хрущев, Булганин, Микоян, Сабуров, Первухин. Кандидатами — товарищи Шверник, Пономаренко, Мельников и Багиров. Председателем Президиума Верховного Совета был избран Ворошилов, а Шверник рекомендован Председателем ВЦСПС.

Председателем Совета Министров Союза ССР был назначен Маленков Георгий Максимилианович. Первыми заместителями Председателя Совета Министров были назначены товарищи Молотов, Берия, Булганин и Каганович.

Министром иностранных дел был назначен Молотов; министром объединенного Министерства внутренней и внешней торговли- Микоян; военным министром- Булганин; министром объединенного Министерства внутренних дел и госбезопасности — Берия; министром объединенного Министерства электростанций и электропромышленности — Первухин; Председателем Госплана — Сабуров.

В Центральный Комитет был переведен на постоянную работу

секретарем ЦК Хрущев с освобождением его от работы секретарем МК.

Важнейшее значение имело принятое тем же постановлением решение о сокращении количества министерств путем их объединения.

Кроме указанных были объединены следующие министерства:

Министерство автомобильной и тракторной промышленности, Министерство машиностроения и приборостроения, Министерство сельскохозяйственного машиностроения и Министерство станкостроения в одно — Министерство машиностроения; Министерство транспортного машиностроения, Министерство судостроительной промышленности, Министерство тяжелого машиностроения и Министерство строительного и дорожного машиностроения в одно — Министерство транспортного и тяжелого машиностроения; Министерство электростанций, Министерство электропромышленности и Министерство промышленности средств связи в одно- Министерство электростанций и электропромышленности. На созванной 14 марта сессии Верховного Совета все эти рекомендации ЦК и весь состав Правительства были утверждены.

14 марта состоялся Пленум ЦК, который удовлетворил просьбу Маленкова освободить его от обязанности Первого секретаря ЦК ввиду трудности совместительства с обязанностями Председателя Совета Министров. Пленум ЦК избрал Секретариат ЦК. В него вошли товарищи Хрущев, Суслов, Поспелов, Шаталин и Игнатьев, без определения Первого секретаря.

//_ * * * _//

В начале июля 1953 года состоялся Пленум ЦК, который, заслушав и обсудив доклад тов. Маленкова «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берии», направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение вывести Л.П. Берию из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза.

ЦК и Совет Министров занимались усиленной плодотворной работой по конкретному руководству страной, партией и

хозяйством. В сентябре 1953 года состоялся Пленум ЦК, который заслушал и обсудил доклад Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства». ЦК принял разработанное Президиумом ЦК постановление. В разработке этого постановления ЦК принял участие весь Президиум ЦК, в особенности Хрущев, Маленков, Каганович, Молотов, Андреев.

Хрущев — первый секретарь ЦК

Через полгода, примерно в марте 1954 года, ЦК вновь обсуждал вопрос о сельском хозяйстве и принял деловое решение о дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. В этом постановлении была дана еще более острокритическая оценка с соответствующими выводами.

ЦК и Совнарком разработали меры по облегчению положения колхозного крестьянства, в частности по уменьшению налогов, и поручили Маленкову выступить с докладом на Верховном Совете (в настоящее время это приписывается Хрущеву). Мобилизующей была работа ЦК и Совета Министров и в области промышленности, и в деле улучшения условий внутрипартийной жизни. Одним словом, можно сказать, что если бы этот стиль первого года работы Хрущева как Первого секретаря ЦК сохранился в 1955–1956 годах и далее, то результаты были бы иными. Но не прошло много времени с момента избрания его Первым секретарем ЦК, как Хрущев начал демонстрировать, как бы говоря: «Вы, мол, думаете, что я не «настоящий» Первый секретарь, я вам покажу, что я «настоящий», — и наряду с проявлением хорошей, положительной инициативы начал куражиться.

Здесь уместно рассказать, как прошли выборы Хрущева Первым секретарем. С марта по сентябрь Хрущев был одним из секретарей ЦК- Секретариат был как бы коллективным, и, между прочим, скажу, что было неплохо. Во время сентябрьского Пленума ЦК в перерыве между заседаниями Пленума в комнате отдыха, где обычно происходил обмен мнениями членов Президиума по тем или иным вопросам, Маленков неожиданно для всех сказал: «Я предлагаю избрать на этом Пленуме Хрущева Первым секретарем ЦК».

Я говорю «неожиданно», потому что о постановке такого важного вопроса обычно предварительно осведомляли. Когда я потом спросил Маленкова, почему он не сказал никому об этом предложении, он мне сказал: перед самым открытием Пленума ЦК к нему подошел Булганин и настойчиво предложил ему внести на Пленуме предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. «Иначе, — сказал Булганин, — я сам внесу это предложение». «Подумав, что Булганин тут действует не в одиночку, я, — сказал Маленков, — решился внести это предложение». На совещании Булганин первый с энтузиазмом воскликнул: «Давайте решать!» Остальные сдержанно

согласились, и не потому, конечно, что, как нынче могут сказать, мол, боялись возразить, а просто потому, что если выбирать Первого секретаря, то тогда другой кандидатуры не было — так сложилось.

Должен здесь сказать, что я лучше знал Хрущева, дольше и больше всех, со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Можно сказать, что я имел прямое отношение к выдвижению и продвижению Хрущева на руководящую общепартийную работу начиная с 1925 года (обо всем этом процессе я расскажу еще отдельно). Я считал и считаю его выросшим и растущим партийным работником, выходцем из рабочих, способным быть руководящим деятелем в областном, краевом, республиканском масштабе и в коллективном руководстве во всесоюзном масштабе. Но у меня не было уверенности в его способностях осуществлять роль Первого секретаря ЦК КПСС, особенно учитывая его недостаточный культурно-теоретический уровень, хотя при напряженной, как говорится, работе над собой это дело наживное. Практический же опыт у него был солидный.

Во всяком деле, тем более в работе выдвигаемого работника, требуется проверка его на деле в процессе его роста и развития. Главное в том, что сложились такие условия, что другой кандидатуры в составе Секретариата у нас не было. Поэтому все мы голосовали за это предложение с твердым намерением всячески помогать Хрущеву в овладении им новой ролью.

Так, на примере выдвижения Хрущева как Первого секретаря ЦК связались случайность с необходимостью. Не вдаваясь здесь в глубины философии, нужно сказать, что марксистско-ленинский диалектический материализм исходит из того, что закономерная историческая необходимость не исключает и случайность, которая является дополнением и формой проявления необходимости. Случайность может быть или не быть, она не обязательно вытекает из исторической необходимости, из законов развития, но, как правило, случайность и необходимость взаимосвязаны. В истории бывало, когда «случайно» выдвинутые личности росли, развивались в процессе своей деятельности, опираясь и следуя объективной исторической закономерной необходимости, и созревали как вожаки. Но когда они, эти случайно выдвинувшиеся личности, игнорировали объективные закономерности и потребности общества, когда субъективное волеизъявление- волюнтаризм — брало верх над объективной необходимостью и научным сознанием, допуская зарастание мозгов сорняками, тогда растение не созревало, и крах этой, случайно выдвинувшейся, личности был неизбежен.

К сожалению, именно это случилось с Хрущевым — речь идет не о должности, а о существе поведения в партийно-политическом руководстве, хотя были и положительные моменты в его деятельности, были и способности, и природный ум, ранее подкрепленный скромностью, а впоследствии подорванный зазнайством и волюнтаризмом.

//_ * * * _//

Председателем Совета Министров Хрущев предложил Булганина, хотя более естественной кандидатурой должен был быть Молотов. Некоторые товарищи допускали, что здесь у Хрущева был расчет на недолговечность на этом посту Булганина. Вскоре, после утверждения Булганина, когда, например, мы, члены Президиума, посетили выставку продукции легкой промышленности, Хрущев публично набросился на Булганина после какого-то его замечания об искусственном шелке, что «вот видите — Председатель Совета Министров, а ничего не понимает в хозяйстве, болтает чушь» и так далее. Мы все были потрясены подобной выходкой Хрущева, тем более что Булганин еще до работы Председателем Моссовета был директором крупнейшего Московского электрозавода, то есть был опытным хозяйственником тогда, когда Хрущев еще вовсе хозяйства не знал. Но и этот наскок мы не заострили во имя единства.

На заседаниях Президиума ЦК регулярно обсуждались вопросы внешней политики. Молотов, как министр иностранных дел, вносил свои предложения, большая часть которых одобрялась. Но Хрущев, правильно уделяя внимание предложениям Молотова, будучи менее компетентным в этих делах, довел дело до того, что внес предложение об освобождении Молотова с поста министра иностранных дел. Я лично выступил против этого, доказывая, что Молотов не только имеет уже большой опыт во внешней политике, но и идейно-политически крепок в защите интересов нашей Родины. Но так как Молотов сам заявил о том, что готов перейти на другую работу, Президиум ЦК освободил его от обязанностей МИДа и назначил его министром Государственного Контроля.

Могу отметить здесь еще один эпизод. Еще в 1954 году, будучи на отдыхе в Крыму, мы, Хрущев, Молотов, Ворошилов, Каганович, конечно, встречались, и однажды во время прогулки по парку на мой вопрос, как работается, Хрущев сказал мне: «Неплохо, но вот Молотов меня не признает, поэтому у меня с ним напряженные отношения». Я ему сказал, что он ошибается,

что Молотов порядочный человек, идейный партиец и интригами не может заниматься. «Ты самокритически проверь самого себя — не слишком ли ты часто и легко наскакиваешь на него и его предложения. Если ты изменишь отношение к нему, все будет исчерпано». Но, к сожалению, он этому моему совету не последовал.

«Антипартийная группировка Молотова — Маленкова — Кагановича»

… После XX съезда последние остатки былой некогда скромности Хрущева исчезли — как говорится, «шапка на ем встала торчком».

Почувствовав себя «вождем», он, во-первых, перестал старательно готовить вопросы к заседаниям Президиума. Коллективность в руководстве была грубо нарушена, а главное — это приводило к грубым ошибкам в существе политического и экономического руководства. Поехал он, например, в Горький, и вдруг узнаем, что на митинге он объявил о том, что во исполнение якобы выраженной воли горьковских рабочих все выплаты по облигациям Государственных займов отсрочиваются на 20 лет. Потом, правда, это решение было оформлено голосованием- опросом по телефону, но дело было сделано самим Хрущевым.

Все знают, какое недовольство это вызвало у населения плюс подорвало доверие к государству.

С некоторого времени Хрущев стал проявлять активность в вопросах внешней политики. Это, конечно, было хорошо. Я сам ему советовал — со времен Ленина ни один вопрос внешней политики не решался без Политбюро, и Сталин все вопросы внешней политики вносил на Политбюро и сам ими занимался. Поэтому и ему как Первому секретарю ЦК необходимо было это соблюдать. Вначале и Хрущев придерживался этого порядка, но потом стал самовольничать. Демонстрируя, что он «совладал с техникой», как непревзойденный «знаток» дипломатии, Хрущев почти во все проекты МИДа стал вносить свои поправки или просто забраковывал их, особенно после того, как по его предложению Молотов был снят с поста министра иностранных дел (хотя он строго проводил политику мира).

Был один вопрос, по которому Президиум не поддержал Молотова, это вопрос о Югославии. Молотов сдерживал восстановление отношений с Югославией, в том числе и по государственной линии. Президиум ЦК принял решение

восстановить государственные отношения с сохранением расхождений по партийно-идеологической линии. Хрущев фактически пошел несколько дальше и по партийной линии, нарушая директивы ЦК.

Вообще Хрущев «разошелся» и начал давать интервью иностранцам без предварительного согласования с Политбюро, то есть нарушая установившийся ранее порядок. Вдруг, например, Политбюро узнает, что Хрущев выступил по телевидению по международным вопросам, ничего никому заранее не сказав. Это было грубым нарушением всех основ партийного руководства внешними делами. Политбюро никогда не давало такого права выступать публично без его разрешения и предварительного просмотра даже высокоэрудированным дипломатам, а тут мы тем более знали недостаточную компетентность, «изящность» и обороты его ораторского искусства, и мы были обеспокоены, что он может «заехать не туда». Этот вопрос был нами поставлен на Президиуме. Разговор был большой и острый. Хрущев обещал Президиуму впредь не допускать подобных явлений, соблюдая существующий порядок. После событий 1957 года и смены Президиума он, как полновластный «хозяин», отменил этот порядок и выступал вовсю сам, где угодно и как угодно. Здесь уже по преимуществу работали литературные «помощники», современные «роботы»- и писали, и писали, а он читал и читал до того, что язык уставал, зато голова отдыхала.

//_ * * * _//

Наибольший организаторский «талант» Хрущев проявил в «великой» реорганизации государственного аппарата. Не буду здесь излагать подробно всю эту реорганизацию — она известна. Были ликвидированы почти все хозяйственные министерства. Были созданы Советы Народного Хозяйства. Сама по себе идея совнархозов могла бы принести пользу при сохранении министерств, хотя бы и сокращенных, если бы эти совнархозы были тесно связаны с территориальными, республиканскими и областными центрами и имели определенный круг предприятий, которые полностью им подчинялись. В особенности это относится к местной промышленности в широком ее понимании. Но если вначале совнархозы были ближе к областному делению, то вскоре начался их отрыв от областного деления.

Некоторые члены Президиума ЦК вносили предложение о создании Высшего Совета Народного Хозяйства СССР. Вначале это было объявлено Хрущевым «консервативным сопротивлением»

всей реформе, а потом он сам же начал создавать совнархозы республик, в том числе Совнархоз РСФСР, затем был и организован Всесоюзный Совет Народного Хозяйства. В каждом из них создавались отраслевые, комплекснотерриториальные органы — это была сплошная, перманентная перетасовка. Потом, когда жизнь дала почувствовать, что современный процесс специализации индустрии требует соответствующей организации, были созданы вместо упраздненных министерств отраслевые комитеты — вначале в пределах Госплана, а потом самостоятельные государственные комитеты, почти с правами и функциями министерств (и для пущей важности даже названные министерствами, но кастрированные и, следовательно, бессильные). Поэтому этот суррогат госкомитетов в сочетании с гигантскими совнархозами не мог выдержать жестокой критики жизненной действительности.

Что касается местных совнархозов, я лично полагал бы, что при облисполкомах могли бы быть такие хозяйственные органы под тем или иным названием. Они, эти органы, должны объединять определенные группы предприятий: ширпотреба, металлообрабатывающие, стройматериалов, пищевые и тому подобные — с тем чтобы они удовлетворяли значительную часть потребностей населения. Они сыграли бы важную роль в территориальном кооперировании предприятий, например изготовлении деталей для машин, в частности автотранспорта, и вообще сократили бы дальние и встречные перевозки. Эти органы (совнархозы или под другим наименованием) должны быть подчинены облисполкомам, Советам, они должны быть прибыльными и повышать уровень жизни населения, в первую очередь своих рабочих.

Хрущев и здесь, с вопросами о совнархозах, испортил неплохую идею. При правильной организации она могла бы принести пользу, если бы не стремление Хрущева открывать свою «эврику» и в мировом масштабе.

Был организован всенародный плебисцит, предложения были приняты, но они не обнаружили устойчивости.

Можно предположить, что здесь была цель получить «побочный», а может быть, и главный эффект- перешерстить, перелопатить или, говоря по-троцкистски, перетряхнуть кадры министерств и их местных органов и заменить «неблагонадежных» и неверных новому руководству другими, своими кадрами. Сомнительно, чтобы это дало желаемые результаты, а вред народному хозяйству эта «великая» хрущевская реорганизация принесла.

Особенно несуразным, противоречащим основам нашего

партийного строительства явилось проведенное по его предложению разделение руководящих областных парторганов на промышленные и хозяйственные. Вред такого новшества настолько очевиден, что доказывать это и не требуется.

//_ * * * _//

Наряду с «завоеванием позиций» в государственных и хозяйственных делах Хрущев решил, в порядке завоевания ореола «демократа» и «культурного» человека, заняться литературой и искусством. Насколько это ему удалось, видно из одного его выступления до июньских событий 1957 года.

На одной из загородных правительственных дач Центральным Комитетом партии и Советом Министров СССР был устроен званый обед на свежем воздухе для писателей и деятелей искусства вместе с Правительством и членами Президиума ЦК.

До обеда люди гуляли по большому парку, катались на лодках по пруду, беседовали. Группами и парами импровизировали самодеятельность, и некоторые члены ЦК вместе с гостями пели. Была действительно непринужденная хорошая обстановка.

Какое-то время такое настроение продолжалось и после того, как сели за столы и приступили к закуске. Потом началась главная часть представления: выступил Он — Хрущев… Хотя эта речь была потом в печати изложена довольно гладко, но это была «запись», хотя стенограммы за столом не вели (а если она и была, то вряд ли нашлась бы хоть одна стенографистка, которая сумела бы записать сказанное). И на обычной трибуне, когда он выступал без заранее написанной речи, речь его была не всегда в ладах с логикой и, естественно, с оборотами речи, а тут не обычная трибуна, а столы, украшенные архитектурными «ордерами» в изделиях стекольной и иной промышленности, для «дикции» заполненные возбуждающим содержанием. Можно себе представить, какие «культурные» плоды дало такое гибридное сочетание содержимого на столе с содержимым в голове и на языке у Хрущева. Это был непревзойденный «шедевр ораторского искусства».

Не берусь изложить весь ход его речи, скажу о том, что врезалось мне в память.

Прежде всего Хрущев пытался «разжевать» для художников, писателей и артистов многое из того, что он говорил о культе личности Сталина на XX съезде партии, с той разницей, что там он читал, а здесь «выражался» устно — экспромтом, а потому это

выглядело более «изящно».

Надо сказать, что «жареные» места были восприняты некоторой частью аудитории как приятное блюдо, за которое они готовы были бы выдать даже ему звание «лауреата по изящной словесности». Помню, когда Хрущев подчеркнул виновность руководителей ЦК, а именно Молотова, в зажиме именно русской литературы и искусства, писатель Соболев особенно вышел из «морских берегов» и, как моряк, дошел чуть ли не до «морского загиба». Но у большинства это вызвало не только замешательство, но и недовольство, не говоря уже о присутствующих руководящих партийных кадрах.

Нападение Хрущева на члена Президиума ЦК Молотова в среде беспартийной интеллигенции было из ряда вон выходящим фактом и имело далеко идущие цели. Недаром говорится: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Следующим «номером» его выступления была уже критика некоторых писателей — тоже с определенной подборкой. Помню, что экстравагантными объектами его атаки были две женщины-писательницы: Мариэтта Шагинян и поэтесса Алигер. Я не буду излагать содержание его критики в их адрес, но, во всяком случае, это не было защитой партийноленинских позиций в литературе и искусстве. Надо им обеим, и Шагинян и Алигер, отдать должное — они выступили после его речи и смело, и логично, возражая Хрущеву. Помню, какой всеобщий смех вызвали первые слова пухленькой и миловидной Алигер, когда она, повернувшись к Хрущеву, сказала: «Вот видите — это я и есть та самая страшная Алигер!» Во всяком случае, как ни старалось после этого «обеда» ближайшее окружение Хрущева расписывать его речь, она внесла смятение, а не сплочение в ряды присутствовавших, за исключением, конечно, тех, которым нравилась драка в верхах. Это они ясно не только ощутили, но и услышали из уст новоявленного «защитника» «обиженной» Советской властью части интеллигенции. Однако и среди колеблющейся интеллигенции была значительная часть, которая была шокирована, смущена нападением на Молотова, которого они всегда считали настоящим, культурным русским интеллигентом. А этот, думали они, хотя и подлаживается к нам, но союзник ненадежный, уж больно из кожи лезет в наши защитники «новый вождь».

Лучшая же часть присутствовавшей интеллигенции ушла с обеда в замешательстве, а некоторые даже возмущенные.

//_ * * * _//

Так новоявленный «диалектик» Хрущев превратил положительное в отрицательное, но зато он добился нового обострения внутри Президиума ЦК.

Если до этого он мог рассчитывать на большинство в Президиуме ЦК, то после этого его выступления с атакой на члена Президиума, можно прямо сказать, что большинство членов Президиума заняло более критические позиции по отношению к Хрущеву и его методам руководства.

По упрощенности своего мышления он считал достаточным, что Секретариат ЦК — его крепость, что же ему еще нужно?

Большинство же членов Президиума ЦК, которое известное время терпело во имя единства партии и ЦК, в конце концов поняло, что дальше терпеть такие ошибки в политике и такое руководство нельзя, что Хрущев некомпетентен и мало пригоден для роли Первого секретаря ЦК, что рано или поздно партия и ЦК должны освободиться от него — так лучше раньше, чем позже.

К этому моменту отношения Хрущева с членами Президиума приняли уже обостренный характер. На заседаниях он резко обрывал выступавших товарищей. Я уже говорил о Молотове, Маленкове, но это касалось и Ворошилова, и меня — Кагановича, и других.

Хотя должен сказать, что Хрущев первое время относился ко мне сдержанно. Больше того, когда он уезжал в отпуск в 1955 году, он предложил поручить сделать доклад о 38-й годовщине Октябрьской революции Кагановичу.

В 1956 году он позвонил мне по телефону из отпуска по вопросу о порядке дня XX съезда. Он мне сказал следующее: «Молотов предлагает включить в повестку XX съезда вопрос о программе партии. Видимо, он, Молотов, имеет в виду, что докладчиком по этому вопросу будет он. Но если уж включать в повестку дня съезда вопрос о программе, то докладчиком надо назначать тебя, потому что ты этим вопросом занимался еще к XIX съезду. Но вообще, — сказал он, — мы не готовы к этому вопросу». Я ему ответил, что я тоже считаю, что мы не успеем подготовить этот вопрос, поэтому включать его в повестку дня XX съезда нельзя.

Эти факты, между прочим, опровергают обвинения в решении июльского (1957 г.) Пленума в том, что я и вся так называемая группа боролись против Хрущева с самого начала его избрания Первым секретарем ЦК. Наоборот, Хрущев, проявляя ко мне указанное отношение, в то же время срывался на резкие наскоки по важным вопросам. Вот, например, когда вице-президент Академии Наук Бардин внес на Президиум ЦК просьбу об ассигнованиях на проведение мероприятий по «Году технического

прогресса» (так, кажется, назывался) и я на заседании поддержал предложение Бардина, Хрущев раскричался: «Ишь ты, богатый нашелся, много у тебя миллионов. Это ты по-приятельски Бардина поддерживаешь!» Я действительно был знаком с Бардиным еще с 1916 года по работе в Юзовке, а также по работе в Наркомтяжпроме, никакого тут приятельства не было, а я просто поддержал правильную идею ради технического прогресса, тогда как Хрущев, выступавший на словах за технический прогресс, вступил в противоречие с самим собой и выступил против предложения Академии Наук. Его неистовство еще больше усилилось, когда Президиум ЦК удовлетворил просьбу Академии Наук.

//_ * * * _//

Другой пример. В 1955 году ЦК решил создать Государственный Комитет по труду и зарплате. На пост председателя этого комитета были выдвинуты две кандидатуры — Шверник и Каганович. Решили назначить заместителя Председателя Совета Министров Кагановича председателем этого Комитета по совместительству. Я, как старый профсоюзник, согласился.

Одним из первых дел была выработка нового закона о пенсиях. Я включился в это дело и представил свой первый проект. И вот при обмене мнениями в Президиуме Хрущев набросился на меня за предложенные слишком большие, по его мнению, ставки пенсий. Я ожидал возражения со стороны Министерства финансов, но никак не думал, что встречу такое нападение со стороны Хрущева, который всегда демонстрировал свое «человеколюбие» или, точнее, «рабочелюбие».

Я ему сказал, что не ждал, что он выступит против. Стараясь оправдать свой выпад государственными интересами, он сказал, что предложения Кагановича государство не выдержит. Его гнев еще больше усилился, когда я ему возразил: «Государство — это не ты. У государства найдутся резервы для пенсионеров. Можно, например, сократить раздутые штаты и другие непроизводительные расходы». Президиум создал Комиссию во главе с Председателем Совета Министров Булганиным, которая приняла проекте некоторыми поправками. По этому проекту Булганин выступал с докладом на сессии Верховного Совета. Здесь Хрущев опять вступил в противоречие с самим собой.

Я мог бы привести и другие примеры его выпадов по отношению к другим членам Президиума ЦК. Такие, например,

деловые, хорошие, так сказать, послушно-лояльные члены Президиума, как Первухин, Сабуров, были доведены Хрущевым до крайнего недовольства, особенно гипертрофическим выпячиванием Хрущевым своего «творчества» в любом вопросе — знакомом ему или незнакомом, а последних было большинство. Наступил такой момент, когда, как говорят на Украине, «терпець лопнув» (то есть лопнуло терпение), и не столько от личного недовольства, сколько от неправильного подхода Хрущева к решению крупных вопросов, в которых он не считался с объективными условиями.

//_ * * * _//

И вот на одном из заседаний Президиума во второй половине июня вырвалось наружу недовольство членов Президиума ЦК руководством Хрущева.

Помню, на этом заседании в порядок дня был поставлен вопрос о подготовке к уборке и к хлебозаготовкам. Хрущев предложил поставить еще вопрос о поездке всего состава Президиума ЦК в Ленинград на празднование 250-летия Ленинграда. После обсуждения вопроса об уборке и перехода к вопросу о поездке в Ленинград Ворошилов первый возразил. Почему, сказал он, должны ехать все члены Президиума, что у них, других дел нет? Я поддержал сомнения Ворошилова и добавил, что у нас много дел по уборке и подготовке к хлебозаготовкам. Наверняка надо будет ряду членов Президиума выехать на места, да и самому Хрущеву надо будет выехать на целину, где много недоделанного. Мы, сказал я, глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда выедут несколько членов Президиума. Маленков, Молотов, Булганин и Сабуров поддержали эти возражения. И тут поднялся наш Никита и начал «чесать» членов Президиума одного за другим. Он так разошелся, что даже Микоян, который вообще отличался способностью к «быстрому маневрированию», стал успокаивать Хрущева. Но тут уж члены Президиума поднялись и заявили, что так работать нельзя — давайте обсудим прежде всего поведение Хрущева.

Было внесено предложение, чтобы председательствование на данном заседании поручить Булганину. Это было принято большинством Президиума, разумеется, без какого-либо предварительного сговора.

После того как Булганин занял место председателя, взял слово Маленков. «Вы знаете, товарищи, — сказал Маленков, —

что мы поддерживали Хрущева. Ия, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой в содержании работы, он зазнался, отношения его к членам Президиума ЦК стали нетерпимыми, в особенности после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат, командует непосредственно через голову Совета Министров. Это не есть партийное руководство советскими органами. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК».

Это самое краткое изложение речи Маленкова, как и других товарищей.

После тов. Маленкова выступил тов. Ворошилов. Он сказал, что охотно голосовал за избрание Хрущева Первым секретарем ЦК и поддерживал его в работе, но он начал допускать неправильные действия в руководстве. «И я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК. Работать с ним, товарищи, стало невмоготу». Он рассказал, когда и как Хрущев допускал по отношению к нему лично окрики, бестактность и издевательства. «Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать», — заключил он.

//_ * * * _//

После Ворошилова выступил Каганович. «Рассматриваемый нами вопрос является нелегким и огорчительным вопросом. Я не был в числе тех, кто вносил предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК, потому что я давно его знаю с его положительными и отрицательными сторонами. Но я голосовал за это предложение, рассчитывая на то, что положение обязывает и заставляет руководящего работника усиленнее развиваться и расти в процессе работы. Я знал Хрущева как человека скромного, упорно учившегося, который рос и вырос в способного руководящего деятеля в республиканском, областном и в союзном масштабе, как секретаря ЦК в коллективе Секретариата ЦК.

После избрания его Первым секретарем он некоторое время больше проявлял свои положительные черты, а потом все больше стали проявляться его отрицательные стороны — как в решении задач партии по существу, так и в отношениях с людьми. Я, как и другие товарищи, говорил о его положительной работе и подчеркивал его ошибки в вопросах планирования народного

хозяйства, в которых Хрущев особенно проявлял свой субъективистский, волюнтаристский подход, так и в вопросах партийного и государственного руководства. Поэтому я поддерживаю предложение об освобождении товарища Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК. Это, конечно, не значит, что он не останется в составе руководящих деятелей партии. Я думаю, что Хрущев учтет уроки и поднимет на новый уровень свою деятельность.

Но есть еще одна сторона в поведении Хрущева, которую нужно осудить: Хрущев, как теперь установлено, в Секретариате ЦК сплачивал свою фракцию. Он систематически занимался дискредитацией Президиума и его членов, критиковал их не на самом Президиуме, что вполне законно и необходимо, а в Секретариате ЦК, направляя свои стрелы против Президиума, являющегося высшим органом партии между Пленумами ЦК. Такие действия Хрущева вредят единству, во имя которого Президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева. Об этом придется доложить на Пленуме ЦК, который необходимо будет созвать. Еще добавлю один важный, по-моему, факт. На одном из заседаний Президиума Хрущев сказал: «Надо еще разобраться с делами Зиновьева — Каменева и других, то есть троцкистов». Я бросил реплику: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала». Хрущев вскипятился и начал кричать: «Что ты все намекаешь, мне это надоело».

Тогда на Президиуме я не стал раскрывать этот намек, но сейчас я его раскрою. Хрущев был в 1923–1924 годах троцкистом. В 1925 году он пересмотрел свои взгляды — покаялся в своем грехе. Именно в 1925 году я с ним познакомился в Донбассе и увидел в нем искреннего ленинца — сторонника линии ЦК ВКП(б). В дальнейшей его судьбе- его выдвижении — была известная доля моего участия как секретаря ЦК Украины, а потом как секретаря ЦК КПСС, занимавшегося кадрами. Я его оценил как способного, растущего работника из рабочих и исходил из того, что партия и ЦК не мешают расти людям, имевшим в прошлом ошибки, но изжившим их.

Я доложил об этом Сталину, когда на Московской конференции выбирали Хрущева секретарем. Вместе с Хрущевым я был у Сталина, и тот посоветовал, чтобы Хрущев выступил на конференции с рассказом о себе, а Каганович подтвердит, что ЦК это знает и доверяет Хрущеву. Так это было. Конечно, грехи прошлого прощаются и не напоминаются до рецидива.

Сделанное Хрущевым заявление тогда — это рецидив. И мы ему напоминаем старый грех, чтобы эти рецидивы не повторялись».

//_ * * * _//

После Кагановича выступил Молотов. «Как ни старался Хрущев провоцировать меня, — сказал Молотов, — яне поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в Президиуме в целом при решении крупных государственных и партийных вопросов». Тов. Молотов подробно остановился на вопросе реорганизации управления, считая ее неправильной, говорил о неправильности приписывания ему, будто он против целины.

Это неверно. Верно то, что он возражал против чрезмерного увеличения и доведения сразу до 20–30 млн. га, что лучше вначале сосредоточиться на 10–20 млн., подготовить как следует, чтобы освоить хорошо и получить высокие урожаи. Тов. Молотов опровергал приписываемое ему торможение политики мира — это неправда, но, видимо, эта выдумка нужна была для того, чтобы оправдать необходимые шаги по внешней политике. Его выступления против Югославии относились к вопросам не внешней политики, а к антипартийным, антисоветским выступлениям югославов, за которые мы их критиковали и должны критиковать. «С Хрущевым как с Первым секретарем ЦК больше работать нельзя, — сказал Молотов. — Я высказываюсь за освобождение Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК».

После Молотова выступил Булганин. Он начал с того, что рассказал о фактах неправильных методов руководства работой государственных органов, в том числе Совмина, о нетоварищеском отношении даже по отношению к нему лично. Булганин говорил об ошибках по существу ряда решений. «Я, — заключил Булганин, — полностью присоединяюсь к предложению об освобождении Хрущева».

Выступили товарищи Первухин и Сабуров. Они оба заявили, что раньше хорошо относились к Хрущеву, так же как Хрущев к ним. «А теперь мы видим, что Хрущев зарвался, зазнался и затрудняет нам работу. Его надо освободить».

Тов. Микоян, верный своей тактике маневрирования, сказал, что верно, есть недостатки в работе Хрущева, но они исправимы, поэтому он считает, что не следует освобождать Хрущева.

После нас выступил сам Хрущев. Он опровергал некоторые обвинения, но без задиристости, можно сказать, со смущением. Часть упреков признал, что действительно, я, мол, допускал ошибочное отношение к товарищам, были ошибки и в решении вопросов по существу, но я обещаю Президиуму, что я исправлю эти ошибки.

В защиту Хрущева выступили Секретари ЦК: Брежнев, Суслов, Фурцева, Поспелов, хотя и оговаривались, что, конечно, недостатки есть, но мы их исправим.

По-иному выступил, единственный из всех, секретарь ЦК Шепилов. Он честно, правдиво и убедительно рассказал про недопустимую атмосферу дискредитации и проработки Президиума ЦК, созданную Хрущевым в Секретариате ЦК. В особенности Хрущев чернил Ворошилова, как «отжившего, консервативно-отсталого» деятеля. (В то же время Хрущев лицемерно оказывал Ворошилову внешне любезность и «уважение».) Шепилов рассказал о ряде неправильных решений Секретариата за спиной Президиума ЦК. Фактически Хрущев превратил Секретариат ЦК в орган, действующий независимо от Президиума ЦК.

//_ * * * _//

Президиум заседал четыре дня. Председательствовавший Булганин по-демократически вел заседание, не ограничивал время ораторам, давая иногда повторные выступления и секретарям ЦК.

А тем временем хрущевский Секретариат ЦК организовал тайно от Президиума ЦК вызов членов ЦК в Москву, разослав через органы ГПУ и органы Министерства обороны десятки самолетов, которые привезли в Москву членов ЦК. И это было сделано без какого-либо решения Президиума и даже не дожидаясь его решения по обсуждаемому вопросу. Это был настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский.

Большинство Президиума ЦК не такие уж простаки или плохие организаторы. Если бы они стали на путь фракционной борьбы, в чем их потом неверно обвинили, то могли бы организовать проще- снять Хрущева. Но мы вели критику Хрущева по-партийному, строго соблюдая все установленные нормы с целью сохранения единства.

По-фракционному повел дело Хрущев. К концу заседания Президиума ЦК явилась от собравшихся в Свердловском зале членов ЦК делегация во главе с Коневым, заявив, что члены Пленума ЦК просят Президиум доложить Пленуму ЦК об обсуждаемых на Президиуме вопросах. Некоторые члены Президиума гневно реагировали на этот акт созыва членов ЦК в Москву без разрешения Президиума ЦК как акт узурпаторский со стороны Секретариата ЦК и, конечно, самого Хрущева.

Тов. Сабуров, например, ранее боготворивший Хрущева, с

гневным возмущением воскликнул: «Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что я ошибался, — вы бесчестный человек, позволивший себе по-фракци-онному, за спиной Президиума ЦК организовать это собрание в Свердловском зале».

После маленького перерыва Президиум ЦК решил: несмотря на то что Секретариат ЦК грубо нарушил Устав партии, но уважая членов ЦК и считаясь с тем, что они ждут прихода членов Президиума, прервать заседание Президиума и пойти в Свердловский зал.

Сбросивший свою маску смущения, ободренный, Хрущев рядом с Жуковым и Серовым шествовал в Свердловский зал.

Можно себе представить внутреннее психологическое состояние членов Пленума ЦК, доставленных в Москву в столь чрезвычайном порядке. Еще до открытия Пленума члены ЦК были, конечно, информированы о заседании Президиума ЦК (об этом уже позаботился аппарат ЦК). Но когда открылся Пленум, вместо доклада о заседании Президиума, которого, конечно, ожидали члены ЦК, им было преподнесено «блюдо» «об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова».

То есть вместо вопроса «О неудовлетворительном руководстве Первого секретаря ЦК Хрущева» был поставлен абсолютно противоположный, надуманный вопрос «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова».

Доклада о заседании Президиума ЦК и обсуждавшихся им вопросах фактически не было сделано, зато был нанизан целый комплекс политических обвинений в адрес выдуманной антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним кандидата в Президиум- Шепилова.

Чувствуя нелепость, несуразность положения — объявить большинство Президиума ЦК фракцией, хрущевские обвинители прибегли к хитросплетенной выдумке о «группе трех» — Маленкова, Кагановича, Молотова, выделив их из семи членов Президиума, выступавших против Хрущева, осуждавших его и требовавших его освобождения (из остальных четырех товарищей — Ворошилова, Булганина, Первухина, Сабурова — первых трех даже вновь избрали в Президиум ЦК).

Таким образом, выделив трех- Маленкова, Кагановича, Молотова, была сделана попытка скрыть, что из девяти членов Президиума только два — Микоян и сам Хрущев — были за оставление Хрущева Первым секретарем, а большинство — семь — были за освобождение Хрущева как плохо осуществляющего политическую линию ЦК партии на практике.

Потом «победителями» уже был придуман новый аргумент,

что, мол, пользуясь арифметическим большинством, эта группа хотела сменить и состав руководящих органов партии, изменить линию партии. Но, во-первых, нелепо говорить об арифметическом большинстве- а какое же иное большинство может быть при решении тех или иных вопросов? Да, в Президиуме ЦК большинство было за смену одного Хрущева, но разве состав руководящих органов партии — это один Хрущев? Разве не весь Президиум является руководящим органом между Пленумами ЦК? Поэтому смешно говорить и писать, что Президиум хотел сменить состав руководящих органов партии, то есть сменить самого себя.

//_ * * * _//

Итог известен: был принят предложенный проект постановления, опубликованный в «Правде», «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.». В принятом постановлении говорится, что «эта группа антипартийными фракционными методами добивалась смены…» Разве большинство Президиума можно называть фракцией? Никаких фактов о фракционных методах нет, их и не было; никаких групп, особых собраний каких-либо групп ни до, ни после официального заседания Президиума, никакого сговора не было. Если бы была фракционная группа, то мы уж не такие плохие организаторы, чтобы оказаться в таком положении, чтобы Хрущев и его фракция так обставили нас — большинство Президиума. Именно Хрущев и примкнувшие к нему организованно действовали как фракция, собрав членов ЦК тайно, за спиной Президиума ЦК. А мы — не группа, а большинство Президиума, сберегая единство ЦК, заседали, обсуждали, доказывали и стремились решить вопрос без фракционного ловкачества, которое применил Хрущев и его хитрые советчики.

Могут сказать — ловок все-таки Хрущев. Да, но ловкость эта — троцкистская, антипартийная. Однако, понимая, что выделить трех членов Президиума и исключить их из ЦК, его Президиума, просто пришив им белыми нитками фракционность и антипартийность, неубедительно для партии, новый состав хрущевского руководства, еще до его избрания, составил проект постановления Пленума ЦК КПСС, заполненный иными выдумками, политически принципиальными обвинениями так называемой антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова.

В проекте нанизаны обвинения, которые даже опровергать не стоит, потому что все выдумано. Ни одного факта или хотя бы цитаты из высказываний не приводится. Фактов нет, потому что их не было в жизни. Все мы выступали с докладами, речами, защищали линию партии, решения ЦК и съездов партии, в том числе и XX съезда.

В практической работе можно у любого найти ошибки, недостатки, были они и у нас, но о них-то и в постановлении мало говорится. Зато общих, необоснованных, хлестких обвинений полно. «В то время, — записано в решении, — когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по выполнению решений XX съезда. в это время антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова выступает против линии партии». Где? Когда? В чем выразились эти выступления? Фактов, фактов нет. Можно бы привести десятки, сотни фактов, свидетельствующих об обратном во всей работе указанных товарищей, опровергающих эти голословные, выдуманные утверждения об их стремлении к изменению политической линии партии и ЦК.

В Постановлении ЦК 1957 года сказано: «В течение последних 3–4 лет, когда партия взяла решительный курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности, и ведет усиленную борьбу против ревизионистов марксизма-ленинизма, участники раскрытой теперь и полностью разоблаченной антипартийной группы постоянно оказывают прямое и косвенное противодействие этому курсу, одобренному XX съездом КПСС». Это утверждение полностью опровергается постановлением же Центрального Комитета партии от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий».

В этом постановлении ЦК, принятом после XX съезда партии, сказано: «XX съезд партии и вся политика Центрального Комитета после смерти Сталина ярко свидетельствует о том, что внутри Центрального Комитета партии имелось сложившееся Ленинское ядро руководителей, которые правильно понимали назревшие потребности в области как внутренней, так и внешней политики.

Нельзя сказать, что не было противодействия тем отрицательным явлениям, которые были связаны с культом личности и тормозили движение социализма вперед. Ленинское ядро Центрального Комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности и его тяжелыми последствиями».

Из сопоставления этих двух постановлений ЦК видно, что Постановление 1957 года выдумано. Ведь после XX съезда избран

Президиум ЦК, составивший указанное Ленинское ядро ЦК, а в этом ядре и были Ворошилов, Молотов, Каганович, Маленков, Булганин, Микоян, Первухин, Сабуров, Шверник и другие. Как же можно свести Ленинское ядро ЦК к Хрущеву и Микояну, а остальных, в особенности Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, исключить и ошельмовать? Все это понадобилось хрущевской фракции для того, чтобы прикрыть действительные ошибки и недостатки, критиковавшиеся на Президиуме ЦК. Для того чтобы оправдать исключение из ЦК, и надуманы все эти «принципиально политические» обвинения.

Это была антипартийная, антиленинская расправа со старыми деятелями партии и Советского государства, расправа за критику Первого секретаря ЦК Хрущева, возомнившего себя незаменимым.